

Дискорк для
Хулигана

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НАСТЯ МИРНАЯ

Настя Мирная

Дикарка для Хулигана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71377603

SelfPub; 2024

Аннотация

Егор уверен, что он чудовище и не умеет любить. Что не существует второй половины для такого как он.

Диана боится любви. Она знает, какую боль причиняет разбитое сердце. Стечение обстоятельств сделало её невинной жертвой чужой любви.

Но как бороться с чувствами вспыхнувшими в их искалеченных душах при первом же коротком контакте. Бежать? Прятаться? Или сдаться? Рискнуть? Позволить залечить глубокие раны?

Смогут ли они научиться доверять? Открыть свою боль? Впустить в сердце единственного человека, способного его разбить?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	58
Глава 6	71
Глава 7	84
Глава 8	96
Глава 9	108
Глава 10	119
Глава 11	132
Глава 12	143
Глава 13	158
Глава 14	177
Глава 15	187
Глава 16	209
Глава 17	233
Глава 18	257
Конец ознакомительного фрагмента.	261

Настя Мирная

Дикарка для Хулигана

Глава 1

Как это контролировать?

– Здоров. – бросаю, похлопывая Никитоса по плечу в приветствии.

– Хайки! – ржёт Макс, когда поворачиваюсь к нему, повторяя ритуал.

– Андрюху помнишь? – указывает кивком на парня.

Тяну руку для приветствия. Обмениваемся рукопожатиями.

– Здоров.

– Привет.

– А это, – опять включается Макс и кивает на последнего из братьев, – Тимоха – младший.

– Обязательно зацикливать на этом? – бурчит тот самый младший, выражая явное недовольство своим статусом.

Растягиваю рот в улыбке, а у самого в груди тряска. Четыре брата. Четыре...

Так стоп. Четыре?

– А где пятый? – режу, косясь на толпу вроде и одинаковых, но всё же разных пацанов.

Не считая близнецов. Этих только по шмоткам и отличить.

– На подъезде.

С Максом и Никитосом мы учимся на одном курсе и как-то с самого начала скентовались. Сегодня у них семейная сходка за городом, и когда мне предложили составить им компанию, то я без раздумий согласился, потому что кукуха едет торчать одному в выходные в пустой квартире.

Не то чтобы мне не с кем их провести, но в последнее время мне тупо не хватает такого семейного тепла, какое есть в семье Диких. И бесит эта херотень, и реально задолбало одиночество.

И да, блядь, у них фамилия Дикие, и они ей соответствуют по всем фронтам. Ну, по крайней мере, средние близнецы. От них я узнал, что в наличии имеются ещё относительно адекватный старший брат, с которым пару раз перекидывались приветствиями, и не менее пришибленные двойняшки младшие.

Пока перебрасываемся пустыми фразами, пространство разрывает рёв мотоцикла и на парковку ТЦ влетает, как я понимаю, последний из братьев. Тормозит в считанных сантиметрах от нас и выжимает газ, вынуждая мот реветь.

По тому, как салютуют Дикие, понимаю, что это привет-

ствие.

Пацан спрыгивает с байка и коротко кивает семейству, а потом подходит ко мне и тянет руку, представляясь:

– Даня. – бомбит писклявым голосом.

Чувство такое, что ему лет четырнадцать, а не восемнадцать.

– Егор. – отбиваю, пожимая тонкую ладонь.

– Дань, где манеры? – рычит Андрюха, косясь на мелкого.

– Соррян, братуня. Из головы вылетело. – тарбанит в ответ один из младших и отходит на пару шагов, стягивая мотоциклетный шлем.

Висну без движения, разинув рот, когда "он" стягивает резинку с хвоста, взбивает пальцами длинные чёрные волосы до самой задницы и растягивает персиковые губы в задорной усмешке. Снова шагает ко мне и тянет руку.

– Даня.

– Серьёзно? – подтягиваю вверх одну бровь, потому что меня только что развели, как последнего лоха. – Даня?

– Ага, – уверенно кивает девчонка, – Даня.

И начинает хохотать, хватаясь за живот и сгибаясь пополам. Следом за ней подключаются все остальные.

– Мудачины. – рывкаю, но и сам заражаюсь их весельем.

– Сорри, Егорыч. – толкает Никитос, сжимая пальцами моё плечо. – Это у нас фишка такая.

– Заметил. – брякаю, скидывая его лапу и утыкаясь глазами в деваху.

Бля, и как я вообще мог её за пацана принять? Даже если учитывать плотный мотокостюм, буфера всё равно выделяются под тканью. Тонкие длинные пальцы. Сама по себе достаточно высокая. Макушкой почти до моего носа достаёт. Это при моих-то метр девяноста три. Задница отпадная.

Вот только от всех очевидных факторов меня отвлекают её странные глаза. То ли синие, то ли чёрные, хер пойми. Зависит с какого ракурса посмотреть.

Должен признать, что для "братишки" девчонка очень даже ничего, пусть и не совсем в моём вкусе. А вообще, она и не должна быть в моём вкусе, потому что она младшая сестра моих друзей. Есть у меня пунктик на эту тему. Трахать только тех, с кем потом нет необходимости разгребаться и толковать, что кроме секса, между нами ничего быть не может.

Снова кошу глаза на Даньку и понимаю, что с ней можно только серьёзно, особенно учитывая четырёх братьев, которые, судя по всему, берегут её как зеницу ока.

– Даже не лупай на неё. – шипит Макс, подтверждая мои догадки.

– И в мыслях не было. – выбиваю стабильно, срывая взгляд с Дани. – Ты же знаешь, что я больше по блондам.

Растягиваю рот в ухмылке и смотрю на хмурого приятеля.

– Серьёзно, Гора, даже не думай об этом.

– Прикальываешься? Сам же знаешь, что девахи с пацанскими замашками меня не интересуют, даже если выглядят

как Барби.

Быстро гляжу на девушку, которая стучает брата кулаком по плечу чисто по-мужски, и хмурюсь.

Нее, вот вообще никак не мой типаж, несмотря на модельный внешний вид.

– Короче, я тебя предупредил. – обрубает кент.

– Выдыхай, братиш. А почему Даня?

– Как-то с самого начала так повелось. Не вписывалась в нашу мужскую семью Диана, вот и стала Данькой.

– Диана, значит... – толкаю скорее сам для себя. – Богиня войны? – подтягиваю брови вверх, снова концентрируя внимание на девчонке.

– Ты только осторожнее с этой богиней будь. Назовёшь полным именем, она тебе такую войну устроит, что ни одна армия не спасёт.

– Если у неё такой же характер, как и у вас с Никитосом, то лучше буду держаться подальше. – смеюсь вполголоса.

– Тогда тебе стоит держаться от неё на расстоянии километра, потому что мы с Ником и рядом не стояли. – ухахатывается Максومتر.

– Так и будем здесь торчать или идём за хавкой?

– Погнали. – цепляется в плечо Макс и, кивая семейству, направляется в супермаркет.

Когда проходим мимо остальных, ловлю в фокус улыбку Дианы, направленную на меня, и за рёбрами врубается ускорение.

Какого дьявола?

Она смеётся над словами Андрюхи, а затем вскидывает голову, тряхнув длинными волосами, и убирает непослушную прядь за ухо, растягивая пухлые персиковые губы в улыбке во все тридцать два зуба.

Она не в моём вкусе. – напоминаю в мыслях. – *Симпотная, да, но такие как она не по мне.*

В магазине расходимся парами, взяв листки со списками.

– Так куда мы всё же едем? – выбиваю, закидывая в тачку одноразовые тарелки. – А то ты только ляпнул, что за город и на этом всё.

– А тебе чи не похуй? – тащит лыбу, изучая список.

– В общем-то похуй, но моя беха туда хоть заедет? Знаю я, как вы развлекаетесь. То по горам, то по лесам.

– Не ссы. В этот раз едем с предками, так что всё цивилизно. Арендовали на выходные дом возле озера. Шашлыки, купание, посиделки у костра. Короче, скукота.

– Бля, вообще не понимаю вашей тяги к экстриму и жизни в палатках.

– Ну, канеш, ты же у нас любитель культурно потусить в баре или ночном клубе.

– Ну соррянчик, братиш, что я предпочитаю благи цивилизации и не тащусь от возвращения в ледниковый период.

– Просто ты ни черта не шарить в нормальном отдыхе. – рассекает Дикий, стягивая с полки бумажные полотенца и кидая их мне.

Ловлю и забрасываю в корзину. Поворачиваюсь к другу, растягивая рот в ироничной усмешке.

– Ладно вы Дикари, но неужели и ваша сестра туда же?

– Хах. Спрашиваешь? – тащит вверх брови, округляя глаза. – Она везде первая. Если ты считаешь нас с Ником пришибленными, то ещё успеешь охренеть, когда поближе узнаешь Даньку. Вот она у нас совсем без тормозов. Отсутствие члена компенсирует безбашенностью. И когда я говорю "узнаешь поближе", я имею ввиду не слишком близко. – стреляет в меня предупреждающим взглядом.

Трясу головой, давая понять, что меня она не интересует.

Реально, что за бред? С какого дьявола он решил, что я могу запасть на эту "братишку"?

– Макс, я сразу сказал, что на твою сестру у меня в жизни не встанет. Я люблю ухоженных и развращённых, а не девочек, которым только восемнадцать стукнуло. Так что хватит уже в меня этим тыкать. У меня с ней ничего быть не может. – отсекаю, не переставая лыбиться.

Пока заканчиваем со своей частью покупок, остальные уже торчат на улице. Подходим к компании, и Никитос протягивает мне пачку сигарет. Благодарно кивнув, закуриваю, задерживая в лёгких дым на несколько секунд. Глаза сами тянутся к Дианке, опирающейся задницей на мот и потягивающей колу из банки.

Признаться честно? Удивлён. Судя по рассказам Максметра, сестра полностью копирует поведение и привычки

братьев, но сейчас она без конца бурчит, что когда они будут подыхать от рака лёгких, то в больницу она к ним таскаться не собирается.

Не курит, значит. Нет, мне так-то по хрену на то, что принимают девахи, но сейчас нехило вставляет то, что она не забивается этой херью.

Так нет, стопэ. Не вставляет. Мне по херу. Абсолютно, мать вашу налево, по херу.

Срываю взгляд с Даньки и тут же напарываюсь на близнецов, которые неотрывно следят за мной.

Блядь, я что для них какой-то ёбарь-террорист, который не может держать член в штанах?

Безразлично пожав плечами, бросаю окурок под ноги и тушу носком кроссовки. Снимаю блок с тачки и закидываю пакеты. Туда же отправляются и все остальные покупки, потому что сегодня моя бэха работает службой доставки.

Дикие седлают байки, а я запрыгиваю в тачку, наблюдая, как Даня ловко перекидывает длинную стройную ногу через сидушку и опускает визор. С места срывается первая, выкатив братьям фак.

– Мы гнать не будем, так что давай за нами. – выбивает один из близнецов.

– Понял. А у вас всегда такие тёплые отношения? – бомблю со смехом, глазами указывая на выезд с парковки.

– Я же говорил, что Даня – та ещё оторва. Ничего, Андрюха ей потом настучит за эти выкрутасы. Мчим?

– Давай. Я следом.

В дороге полностью отключаю голову от всего лишнего, сосредоточиваясь на трассе и скорости. Братья то и дело притормаживают около моей тачки и кривляются, давая понять, что я плетусь как черепаха, хотя на спидометре под две сотни уже.

– Мудаки. – бросаю, когда Никитос в очередной раз маячит около окна, а потом срывается вперёд, обгоняя фуру, что мне из-за встречи сделать не удаётся. – Выпендрёжник! – ору, когда снова равняемся.

Он тычет мне фак.

Срывая обе руки с руля, выкатываю ему сразу два. Всю дорогу не перестаю ржать, и к тому моменту, как оказываюсь на месте, уже рёбра болят.

Выпрыгиваю из машины и оглядываю озеро, окружающий его лес и двухэтажный коттедж, арендованный семьёй Диких на выходные. И пусть я любитель более современного отдыха, сейчас понимаю, что в кайф иногда свалить от цивилизации и просто вдохнуть полной грудью.

– Пойдём, с родаками познакомлю. – долбит Никита, выдёргивая у меня из пальцев только что вытащенную из пачки сигарету. – Потом покуришь.

Подходим к длинному деревянному столу, расположенному сбоку от входа в дом, и я сразу замечаю не только Диких старших, но и Даньку. В какой-то момент встречаемся с ней глазами, и нервы будто током прошивает. Она быстро отво-

рачивается, ловко выдёргивает из-под ножа, которым орудует её мама, полоску огурца и закидывает в рот, улыбаясь.

– Диана, я сколько раз говорила тебе не лезть под нож. – прикрикивает женщина на девчонку, но та только хмурится.

– А я просила называть меня Даня, мам. – бурчит та, целуя мать в щёку. – Пойду переоденусь.

С этими словами скрывается в доме, а внимание предков переключается на нашу толпу.

– Мам, пап, – толкает Макс, – это Егор. Гора, это наша мама – Наталья Юрьевна, папа – Виктор Андреевич.

– Можно просто Виктор. – пожимает мою протянутую ладонь.

– А я просто тётя Наташа. – улыбается она.

– Рад знакомству.

– Взаимно. Мы о тебе наслышаны.

– Я о вас тоже. – подбиваю, таща лыбу.

И это правда. Близнецы много говорят о своей семье. Вот только засранцы умолчали о том, что самый младший брат на самом деле сестра.

– Если мы вам не нужны, то мы на пляж. – отсекает Макс, стягивая куртку.

– Идите уже. Только давайте недолго, шашлык будет примерно через час.

Удивительно, но мне достаётся отдельная комната, поэтому облегчённо выдыхаю. Ненавижу делить с кем-то пространство.

Пока скидываю шмотки и переодеваюсь в плавки, разглядываю пейзаж за окном.

Блядь, а тут реально красиво. Вообще я не обращаю внимания на такие глупости, но сейчас бегаю взглядом с высоких скалистых склонов, утыканных соснами, раскинувшийся внизу зелёный лес, тёмно-синее озеро, зажатое между двумя скалами. Замечаю вышедших из коттеджа пацанов. Задев взглядом Диану, давлюсь слюной.

У неё действительно отпадная фигура. Как бы я себя не убеждал в том, что она не в моём вкусе, не могу от неё оторваться. Она из тех, о которых говорят, что всё при ней. Ноги от ушей, смачная задница, которая мелькает из-под края мужской бесформенной футболки, тонкая прямая спина.

Радует только то, что я не вижу её спереди, потому что моему члену достаточно уже и этой картины.

Стянутые на макушке волосы даже сейчас достают до ягодниц. Она вскидывает голову вверх и поворачивает её в сторону дома. Судя по тому, что машет рукой, меня она замечает.

Успокаивает то, что за подоконником не видно стояка. Блядь, если она меня так вставляет на расстоянии, то светить торчащим стволом при её братьях конкретное палево. Нет, они, конечно, нормальные пацаны и должны понимать, что я не могу это контролировать, вот только боюсь, всё равно не оценят.

Натягиваю свободные шорты поверх плавков и футболку.

Загребая полные лёгкие воздуха и выхожу из дома. Подходя к пляжу, перехожу на бег, на ходу скидывая футболку. С разгона влетаю в прохладное озеро в надежде, что это поможет мне остыть. Как только выныриваю, успеваю едва хапнуть кислорода, потому что кто-то толкает меня под воду.

Решили побеситься, значит? Отлично. Сейчас они своё получают.

Отплываю под водой и дёргаю чью-то ногу вниз. Выгребая на поверхность и ржу, когда Никитос, отплёвываясь, кроет меня матами.

– Это не я начал! – ору, увеличивая расстояние.

– Это Макс тебя топил!

Ищу глазами загибающегося от хохота Максима и двигаю к нему. Пока бесимся в воде, к нам присоединяется Тимоха.

– Всё, я пас! – кричу минут двадцать спустя.

Найдя под водой какой-то выступ, поднимаю руки вверх.

– Слабак!

– Трус! – орут близнецы.

– На хрен вас, товарищи! – отбиваю, выползая на берег.

Сгибаю руки в локтях и прибиваю крест-накрест. Выставляя кулак с оттопыренным средним пальцем, выражаю своё отношение к их мнению.

Отбегаю ещё метров на десять, потому что мне вслед летят брызги воды, и падаю спиной на песок. Прикрываю глаза от палящего солнца и просто кайфую, полностью расслабляясь и отпуская все свои проблемы. Пусть даже на какое-то

время. Позволяю солнечным лучам жечь кожу, а мелким камешкам врезаться с другой стороны. Ну кайф же просто так валяться.

Всё же хорошо, что я принял приглашение Диких. Альтернативой была либо пустая квартира днём и ночной клуб ночью, либо какая-нибудь деваха на одну ночь. Меня, конечно, устраивает такой расклад, но иногда даже такому, как я, хочется сменить привычное расписание и пожить другой жизнью.

На распалённое от солнца тело вдруг начинает капать холодная вода.

– Какого хера? – рычу, подрываясь на локтях, и тут же отползаю назад, потому что утыкаюсь носом прямо в буфера Дианы. – Блядь! – рявкаю, как только допирает, куда только что впечаталось моё лицо, и отодвигаюсь ещё дальше.

– Извращенец! – бурчит девчонка, сжимая предплечьями грудь, которая отлично выделяется под мокрой футболкой.

Тяжело сглатываю и с трудом срываю с неё взгляд.

– Я извращенец? – бурчу, стараясь не пялиться на неё, потому что она всё так же стоит надо мной, расставив ноги по обе стороны от моего, мать вашу налево, паха.

С мокрой ткани по длинным ногам стекают капли воды, разбиваясь о каменный ствол.

Заебаться не подняться!

– Ты что творишь? – возмущается, глядя прямо в глаза.

На её лице нет и капли смущения или неловкости, в отли-

чий, уверен, от моего.

– Блядь, а ты не думала о том, что нависать над человеком, когда он спит, не самая лучшая идея? Так ещё и буферами перед мордой трясти?

Уровень похуизма этой девчонки – бог.

Она безразлично пожимает одним плечом, перетаскивает через меня ногу, плюхается задницей на песок и опускает глаза на свою грудь. Изучает её какое-то время, а потом выбивает ровно:

– Ну грудь и грудь. Чем она вам, парням, так нравится?

Пытаюсь протолкнуть ком в горле, но им же и давлюсь. Она подпрыгивает и стучит мне по спине.

– Эй, Егор, ты чего? Только не умирай тут. Дыши давай!

– Слушай, ты душой прикидываешься или от братьев хваталась? – шиплю, продолжая кашлять. – Ты вообще думаешь, что и у кого спрашиваешь?!

– Вообще-то за такие слова я могу тебе зубы пересчитать. – шипит, сжимая кулаки и щуря глаза.

Я бы, возможно, и подумал на эту тему, но теперь у меня новая проблема: мои глаза, когда поворачиваюсь к Диане, утыкаются в ядовито-жёлтый треугольник трусов от купальника, который виднеется из-под футболки прямо на уровне глаз.

Совсем, сука, не смешно становится, потому что до меня допирает, что я хочу её трахнуть. Особенно учитывая все её провокации... И это уже не просто физический отклик тела

на её внешний вид. Это, блядь, больше. Ни о каких отношениях речи, ясен пень, не идёт, но и о быстром перепихе я тоже почему-то не думаю. Понимаю, что хочу увезти её к себе на квартиру и устроить ночной забег.

Не то чтобы у меня были проблемы с сексом или сиюминутным трахом. По принципу поебались и разбежалась. Но о Дане я в этом плане не думаю. И дело вовсе не в том, что в нескольких метрах от нас четыре её брата, а возле коттеджа родители. А если дело не в этом, то в чём тогда? Пиздос вашу мать!

Чтобы скрыть своё нестабильное состояние, отворачиваюсь, ничего не ответив на её выпад, и поднимаюсь на ноги. Синие глаза девчонки округляются, и я понимаю, как лоханулся, когда прослеживаю за её взглядом, которым она утыкается в мой стояк.

Пункт назначения, сука!

Глава 2

Первые искры

Стоит только покинуть территорию парковки, выкручиваю газ и ускоряюсь. Выехав из города, отрываюсь от братьев, разгоняя свой Kawasaki до двух сотен.

Мне просто необходимо изгнать из головы странные мысли, связанные с моим новым знакомым. Меня реально ошарашило то, что он не растерялся и не начал дуться, когда я сняла шлем. Мы уже пару лет разводим всех знакомых братьев таким образом, но обычно они ведут себя как обиженные девчонки, но Егор меня очень удивил.

А ещё меня удивляет то, что мои глаза будто своей жизнью жили, то и дело возвращаясь к нему. Что очень странно, потому что я не понимаю даже девок, которые выжигают шевелюру краской, клеят ресницы и ногти, рисуют брови. А вот парень с белыми волосами – точно какой-то педик. Так ещё и линзы таскает.

Вот что с этими людьми не так?

А со мной? Почему, когда он проходил мимо, я ему улыбнулась? Стоило только поймать его странный взгляд, и губы сами растянулись в улыбке. И почему я всё время смотрела на него, пока шли к супермаркету? Почему то и дело выгля-

дывала его между рядами?

Когда за спиной раздаётся характерный рёв Судзуки Андрюхи, я понимаю, что если не ускорюсь, то он вынудит меня остановиться и навешает триндюлей, а мне сейчас не до этого. Мне в любом случае влетит от него, так что хотя бы не сейчас.

Сильнее выжимаю газ. Набирая разгон и ныряя между машинами, оставляю старшего брата позади. Он не старается меня догнать, потому что ничем хорошим не закончится ни для кого из нас. Как минимум, мы поссоримся. О максимальных последствиях лучше и не думать.

Въезжая на территорию коттеджа, сбавляю обороты до безопасной от родительских люлей скорости. Остановившись, ставлю мот на подножку и стягиваю шлем, шагая к родителям.

– Привет, мама. – обнимаю за плечи.

– Привет, папа. – целую в щёку.

Он хмурится и напряжённо спрашивает:

– Опять гоняешь, Даня?

– Не гоняю. Просто выехала немного раньше. Остальные сейчас будут. – да, я бессовестно вру, но иначе мне прилетит не только от Андрюхи, но и от предков.

Как только мои слова стихают, раздаётся гул двигателей, и в ворота въезжают четыре мотоцикла, а за ними серебристая BMW. Из которой спустя несколько секунд показывается блондин, на котором я снова подвисяю. Смотрю, как он

вытаскивает сигарету из пачки. Как к нему подходит Ник, и они идут в нашу сторону.

Сталкиваемся взглядами с Егором, и по моей коже растекается волна жара. Чтобы скрыть своё странное замешательство, вытягиваю из-под ножа кусочек огурца, за что сразу получаю от мамы, но это хотя бы отвлекает моё внимание и даёт возможность ретироваться. Быстро поднимаюсь на второй этаж и толкаю первую дверь слева.

Мы уже много лет арендуем именно этот коттедж, поэтому эта комната всегда за мной.

Быстро стягиваю мотоэкипировку и облегчённо выдыхаю, когда воздух касается обнажённой кожи, прикрытой лишь нижним бельём и тонкой майкой. Но мне всё равно жарко.

Плотная ткань костюма хорошо защищает от ветра во время езды, но вот в почти тридцатиградусную жару в таком долго не продержишься.

Включаю кондиционер, чтобы немного остыть, но взгляд в окно опять вгоняет меня в жар.

Наверное, я заболела.

Прикладываю тыльную сторону ладони ко лбу, но температуры нет. Значит, перегрелась. А может, мне просто голову ветром надуло? Почему стоит просто посмотреть на Егора, и внутри случается бунт гормонов? Я сама не понимаю, что это за чувство. Почему он так на меня действует?

Вытаскиваю из небольшой сумки купальник. Опускаю жалюзи. Стягиваю майку, щёлкаю застёжку лифчика и скиды-

ваю его на кровать. Следом отправляются труссы. Смотрю на своё отражение в зеркале.

Я красивая и отлично это знаю. Невозможно не замечать восхищённых взглядов парней и завистливых других девчонок. Я понимаю, что они видят офигенную фигуру, длинные стройные ноги, тонкую талию, плоский живот с очертаниями пресса, грудь третьего размера, чёрные волосы, достающие до середины задницы, тёмные длинные ресницы, синие глаза, пухлые губы. Вот только внешность – это первое впечатление. Стоит мне открыть рот, всех поклонников как ветром сдувает.

Мои увлечения очень отличаются от того, что нравится девушкам в восемнадцать лет.

Я не таскаю платья и юбки, не торчу часами в салонах красоты, ненавижу шоппинг, не слушаю попсу и не смотрю драмы. Зато отлично разбираюсь в машинах и мотоциклах, прусь от экстрима и дикой природы, могу спокойно покрыть кого-нибудь матами, хотя и не употребляю этих слов без острой необходимости. Настучать кому-нибудь по морде для меня тоже не проблема. Когда ты единственная девочка среди парней, волей-неволей подстраиваешься под них, учишься драться и разделяешь их увлечения, чтобы не отставать от общей системы.

Кто-то стучит в дверь, и я хватаю с кровати покрывало, прикрывая голое тело.

– Кто там?

– Мы идём на пляж. Ты скоро? – долетает из-за закрытой двери голос Тимы.

– Минута, и я с вами.

Быстро натягиваю купальник и старую Андриюхину футболку, которую приватизировала у него пару лет назад. С братьями встречаемся у выхода из дома, но я нигде не замечаю Егора, хотя и не подаю вида, что он меня заинтересовал.

– Идём купаться, братишка. – выбивает Ник, закидывая руку мне на плечо.

Выходим из коттеджа, смеясь и перебрасываясь взаимными подколами. Удивительно, но Андрей только хмурится и молчит, не ругая меня за то, что гнала как ненормальная.

– А где ваш друг? – бросаю как бы между прочим.

– Сейчас придёт. – отвечает Макс и ускоряет шаг.

Внезапно мне снова становится жарко. Спину будто огнём обжигает. Оборачиваюсь и замечаю в окне Егора. Когда встречаемся взглядами, он даже не старается сделать вид, что не смотрит на меня.

Чтобы скрыть странное замешательство, вызванное видом его голого торса, машу ему рукой, приглашая присоединиться к нам, и отворачиваюсь. Даже щёки гореть начинают из-за странного тянущего ощущения внизу живота, вызванного его взглядом.

Он смотрит так же, как и все остальные, но как только узнает меня поближе, сразу потеряет интерес, потому что па-

цанка, коей я являюсь, мало кому интересна. Я знаю, чего от меня хотят парни, но чёрта с два кто-то из них затащит меня в постель.

– Я на гору! – кричу, отделяясь от толпы и сворачивая в сторону склона.

– Только не на самый верх. – тут же предупреждает Андрей.

В ответ на его реплику только закатываю глаза, давая понять, что не нуждаюсь в наставлениях.

Несмотря на то, что они называют меня "братишка", всё равно относятся ко мне как к младшей сестре, а не самостоятельному человеку. Иногда реально бесят.

Быстро взбегаю вверх и торможу на краю обрыва. Смотрю сверху вниз на дурачащихся НикМака и Егора, раздумывая, стоит ли присоединиться к ним.

У меня есть один заскок, которого никто не может понять, кроме меня. Я не могу входить в воду, какой бы тёплой она не была, хотя очень люблю плавать. Если мы отдыхаем на пляже, где нет хотя бы небольшого уступа, с которого можно прыгнуть, то меня не затащишь в воду. Только резкое погружение.

Для чего я сюда, собственно, и забралась.

Отхожу на несколько шагов и с разбегу прыгаю с почти семиметрового обрыва. Как только погружаюсь в воду, открываю глаза, но выныривать не спешу. Проплываю пару метров под водой и только потом поднимаюсь на поверхность, жад-

но схватив огромную порцию необходимого кислорода. Отплываю подальше от бесящихся парней и занимаю своё любимое место под склоном горы, где я вижу всё, что происходит кругом, но меня заметить можно только с противоположной стороны озера. Упираюсь ладонями на камень и поднимаюсь на руках, сразу паркуя задницу на нагретую солнцем поверхность.

Обычно я бы сходила вместе с братьями с ума, но сейчас просто наблюдаю за ними, потому что мне тяжело найти с посторонними людьми общий язык. Другие девушки меня не понимают, а парни думают только о том, чтобы залезть мне в трусы. Интересно, Егор такой же, как и остальные, или всё же отличается?

Стягиваю футболку, прикрываю глаза и откидываюсь назад, наслаждаясь солнечными лучами на своей коже.

Я, конечно, очень люблю своих братьев, но я уже не та девчонка, которая бегала за ними по пятам и старалась во всём подражать. Даже мне хочется общения вне круга семьи, но это слишком сложно.

Поднимаю веки и снова гляжу на Егора, который выходит на берег и падает на песок. Должна признать, что, несмотря на крашенные волосы и линзы, он всё равно симпатичный и даже, что уже скрывать, красавчик. Меня всегда бесили девушки, которые поют дифирамбы мужскому телу, но сейчас ловлю себя на мысли, что у Егора оно классное.

Зло трясу головой, чтобы избавиться от глупых мыслей, и

спрыгиваю с камня. Проплывая мимо братьев, ухожу под воду, потому что у меня нет настроения сейчас беситься. Не до того. Есть дела важнее. Например, удовлетворить своё любопытство.

Выбравшись на берег, уверенным шагом иду к Северову и замираю всего в нескольких сантиметрах от него, растеряв всю уверенность, что на меня совсем не похоже.

Глубоко вдохнув, задерживаю воздух и бессовестно разглядываю его. Взгляд цепляется за светлые брови и ресницы. Корни волос тоже светлые.

Неужели это его натуральный цвет?

Чтобы рассмотреть получше, приближаюсь почти в упор, наклоняясь ниже, но в этот момент он поднимается, и его лицо впечатывается мне прямо в грудь. В ту секунду, когда отшатываюсь назад, Егор отползает дальше и матерится.

– Извращенец! – бросаю, чтобы отвлечь его внимание от произошедшего и от того, что происходит со мной сейчас.

В который раз за сегодняшний день его взгляд обжигает меня, пробирается под кожу и распялет в животе огонь.

Сжимаю руками грудь, потому что он продолжает смотреть, вызывая у меня чувство неловкости, но я ничем не выдаю себя.

– Я извращенец? – толкает, отодвигаясь ещё дальше, и отводит глаза в сторону, но тут же возвращает их на меня.

Незаметно перевожу дыхание и выпаливаю первое, что приходит в голову:

– Ты что творишь?

Знаю, что сама накосячила, но отступить поздно. Делаю вид, что мне пофигу и не сдвигаюсь ни на йоту, когда парень выбивает со злостью:

– Блядь, а ты не думала о том, что нависать над человеком, когда он спит, не самая лучшая идея? Так ещё и буферами перед мордой трясти?

Думала. Ещё как думала. Вот только моё любопытство оказалось сильнее здравомыслия.

На протяжении ещё пары секунд делаю вид, что ничего из ряда вон выходящего не произошло, а потом перекидываю через него ногу и сажусь рядом. Продолжая играть роль дуручки, задаю тупейший вопрос, искоса наблюдая за ним. Когда Егор начинает давиться, сначала не реагирую, но потом понимаю, что он не прикалывается. Подскакиваю и стучу по спине.

– Эй, Егор, ты чего? Только не умирай тут. Дыши давай! – кричу, не на шутку перепугавшись.

– Слушай, ты дурой прикидываешься или от братьев навхаталась? – рычит, продолжая кашлять, и скашивает на меня глаза. – Ты вообще думаешь, что и у кого спрашиваешь?!

– Вообще-то за такие слова я могу тебе зубы пересчитать. – обрубаю со злостью и сжимаю кулаки, давая понять, что не шучу.

Вот только мне совсем не до смеха, потому что в тот момент, когда он оборачивается на меня, его глаза темнеют, а

зрачки расширяются. Дыхание замирает, а моё учащается, потому что от его взгляда меня накрывает новой волной жара, а по позвоночнику расползаются мурашки.

Что это со мной? Почему я так реагирую на него? Не может же быть, что?..

Северов быстро поднимается на ноги, и я замечаю огромную эрекцию, натягивающую ткань шорт.

Огромная – не преувеличение.

Когда живёшь в доме с четырьмя братьями, волей-неволей знакомишься с мужской физиологией, поэтому сразу понимаю причину, но всё равно выдавливаю, с трудом отведя глаза в сторону:

– Ээм, серьёзно?

Складываю руки под грудь и поднимаю вверх одну бровь, перекрывая смущение, которое мне вот вообще несвойственно. Но беда в том, что рядом с Егором я вообще становлюсь сама не своя.

– Прикинь, Ди, вот так бывает, когда перегибаешь палку. – выбивает с мальчишеской ухмылкой. – Неловко, конечно, но это нормальная реакция, когда рядом красивая девушка.

Красивая? Он считает меня красивой? – так бы подумала любая нормальная девушка, но не я.

Когда симпатичный накачанный парень, с необыкновенными глазами и офигенной улыбкой делает комплимент, то надо улыбнуться ему в ответ, опустить глаза, покраснеть и

сказать "спасибо", но мне становится до жути обидно, потому что он такой же, как и все остальные.

Когда ты выглядишь как модель с обложки журнала, то все видят тебя именно такой. Им неважно, что ты за человек, о чём думаешь, чем живёшь. Для посторонних людей ты всего лишь красивое личико и фигура, а не полноценная личность со своим мнением.

А я не просто красивая восемнадцатилетняя девушка с пацанскими замашками и несвойственными заскоками. Да, мои увлечения отличаются от других, но это вовсе не значит, что где-то глубоко в душе я не хочу того же, что и все нормальные девчонки. Нет, я не мечтаю о любви, потому что знаю, к каким последствиям может привести полная самоотдача другому человеку, но я хочу, чтобы хоть кто-то увидел меня настоящую. Ту, которую даже братья не хотят рассмотреть. Для них я – братишка или младшая сестра, которую надо защищать. Зависит от ситуации. Для девушек и женщин – я неправильная и непонятная. Для парней – сексуальная фантазия, пока молчу. Я не хочу всю жизнь провести одна, но и пользоваться собой как подстилкой я тоже никому не позволю. Почему все парни думают только о сексе, даже не зная меня?

Я думала, что Егор другой. Не знаю, почему я так решила. Была уверена, что он не станет воспринимать меня как бездушную оболочку или "братишку".

Что же, я сама виновата, потому что веду себя то как маль-

чишка, то идиоткой притворяюсь.

Нет, в самом деле... Люди не телепаты и не могут видеть того, что я прячу от чужих глаз. Приходится выбирать: либо красивая, но молчаливая. Либо умная, но пугающая.

Перекрываю своё разочарование ухмылкой и смотрю в бирюзовые глаза.

– Соррянчик, братуня, но держи свои мысли и член при себе, иначе останешься без него.

Ожидая, что он рассмеётся или назовёт меня больной, но этого не происходит.

Егор сводит брови к переносице, внимательно всматривается в моё лицо, будто пытается проникнуть в мои мысли, а потом с максимальной серьёзностью заявляет:

– Ты необыкновенная, Ди.

– Считаешь меня странной? – отбиваю, растягивая губы шире.

– Не странной, – качает головой, прикрывая глаза, – а необыкновенной. Непохожей на других.

– Обычно для других людей выделение из общей массы и означает странность. – толкаю, отводя глаза в сторону и вниз, потому что его слова как-то странно на меня действуют.

– Если бы тебя волновало, что о тебе думают другие, то ты была бы как все остальные, но ты не такая.

– И тебя это не отталкивает? Не пугает? – прямой взгляд глаза в глаза, а по спине ток.

– Лучше бы отталкивало. – выдвигает неоднозначно.

Как его понять? Почему так было бы лучше?

Только собираюсь спросить, но тут раздаётся голос папы, оповещающий, что шашлык готов и нас ждут к столу.

Парень всё так же смотрит на меня прямо, тяжело сглатывает. Выдыхает. Вдыхает. Качает головой, потирая пальцами переносицу.

– Пиздос. – бросает он немного зло и шагает мимо меня в сторону коттеджа.

Сама не понимаю, что делаю, когда ловлю его руку, вынуждая остановиться и обернуться. Он смотрит на наши руки. И я тоже. В том месте, где моя кожа соприкасается с его, она пылает.

Не знаю, зачем я это сделала и чего хотела добиться.

Парень медленно ползёт глазами вверх по моей руке, а чувство такое, что пальцами касается. Замирает, когда зрительный контакт ловим.

– Что? – выталкивает на выдохе.

– Почему ты зовёшь меня Ди? – первое, что приходит мне в голову.

– Потому что на Даню ты совсем не похожа. Блядь... – резко перебрасывает взгляд в сторону и выдёргивает руку, а потом шагает ко мне, прикасаясь кончиками пальцев к талии. – Не стоит, Ди. Реально, держись подальше, потому что случится что-то плохое.

Прижимается ещё ближе, усиливая давление пальцев.

– Что случится, Егор? – шепчу, поднимая голову вверх, и

захлёбываюсь его густым выдохом.

Капец, я двинулась головой, потому что думаю о том, что стоит только приподняться чуть выше и наши губы встретятся. Я хочу, чтобы он меня поцеловал.

Он сокращает расстояние и хрипло говорит:

– Будет взрыв, в котором никто не выживет.

– Гора, блядь, я тебя предупреждал! – рявкает Макс, вырастая за его спиной.

Глава 3

Только это мгновение

Всего на секунду крепче сжимаю тонкую талию, давая себе время, потому что понимаю, что ничем хорошим это не закончится.

Диана поднимает вверх голову, и в её синих глазах я вижу то, чего там быть не должно.

Какого дьявола я вообще ляпнул, что она необыкновенная? Это, конечно, правда. И дело вовсе не в том, что она реально красивая даже без штукатурки. И совсем не в том, что она ведёт себя как пацан.

Меня удивила её реакция на то, что я сказал, что она красивая. Она будто расстроилась, так ещё и нахмурилась.

– Что случится, Егор? – шепчет очень тихо.

Случится полный пиздос, потому что вместо того, чтобы просто свалить, я думаю о том, что её губы совсем близко. Слишком, блядь, близко. Её дыхание обжигает моё лицо.

Нагребаю побольше кислорода и выдавливаю:

– Будет взрыв, в котором никто не выживет.

По крайней мере, мне его не пережить, потому что её братья разорвут меня на части. И лучше прямо сейчас, пока мои

грязные мысли не переросли в действия. А до этого осталось всего мгновение, потому что я на хрен забываю о том, что мы с ней стоим посреди пляжа, на открытой местности, и я держу её за талию, собираясь поцеловать.

– Гора, блядь, я тебя предупреждал! – летит сзади окрик одного из близнецов.

Все жилы в теле натягиваются, но выдыхаю я вполне ровно, потому что он только что тормознул мой безумный порыв «попробовать» Диану. Оборачиваясь, встречаюсь взглядами с взбешённым Максом.

В такой трешовой ситуации я не успеваю придумать ни одной причины, почему лапал его сестру.

Успеваю только увернуться от его кулака, летящего мне в лицо.

Я, конечно, заслужил хотя бы за то, что мысленно уже успел стянуть с Ди все шмотки, но не в реале же.

– Блядь, Макс, я нихера не делал. – рявкаю, когда он снова замахивается.

– Максим, хватит! – выскакивает между нами Ди, сжимая кулаки. – Какого хрена ты творишь?

– Уйди, Даня. – гаркает, пытаюсь обойти её, но девчонка сдвигается вместе с ним. – Блядь, Егор, какого хуя?

Цепляю пальцами её плечо и отодвигаю в сторону, потому что мне не нужна её защита. В жизни больше не стану прятаться ни за чьей спиной, а тем более девахи.

– Макс, я тебе говорил, что твоя сестра не в моём вку-

се. – заявляю громко, чтобы сомнений не осталось не только у него и Дианы, но и у меня.

– Тогда какого хрена твои лапы делали на ней?

– Да никакого, Максим! Я хотела рассмотреть его глаза, а он пытался меня остановить! – снова вступается Данька, вызывая у меня удивление, потому что любая другая после моей фразы послала бы меня на хрен и свалила, потому что обиделась, но только не она.

Восхищает, сука, её непробиваемость.

Как бы не старался тормознуть, всё равно ловлю в поле зрения её профиль и тяжело сглатываю.

Чего же в ней такого, что так крепко по шарам бьёт?

– Прикалываешься? – шипит Дикий.

– А похоже? – отбивает как ни в чём не бывало, складывая руки под грудь. – И даже если бы это было не так, то тебя это долбать не должно. Мне восемнадцать, Макс, и я сама могу решать с кем мне целоваться или трахаться. Хватит меня контролировать! Задрали! – с этими словами разворачивается и быстрым шагом идёт к коттеджу.

Мы с Максометром смотрим ей вслед, а потом одновременно переводим взгляды друг на друга.

Блядь, надеюсь, на лице у меня не написано, что я думаю о том, чтобы заняться с Дианой тем, что она там озвучила. Плохая идея, знаю. Обычно я себя полностью контролирую, но она мне, сука, башню рвёт.

– Егор. – предупреждающе шипит друг.

– Знаю. Не трону я её. Не настолько и мудака, которым ты меня считаешь. А если так переживаешь, то какого дьявола позвал? Я, по-твоему, вообще себя контролировать не могу или как? Или ты, блядь, думаешь, что у меня хватит мозгов зажимать её прямо посреди пляжа у вас на глазах? – распеваю со злостью, потому что я нахрен вообще забыл, что мы с Ди не одни, стоило ей только коснуться меня.

– Эй, вы чего тут зависли? – спрашивает Тимоха, подходя ближе.

Думаю, напряжение между нами ощущается даже на расстоянии. Чтобы хоть немного разрядить его, поднимаю уголки губ и отбиваю со смехом:

– Просто я мудака, а так всё норм.

Крутанувшись, замечаю вытянутые лица всех четырёх Диких и иду к столу, не оборачиваясь.

Да, я редкостная сволочь, но Диану не трону. Мне не нужны отношения, а просто трахнуть её тоже не вариант. Может я и не знаю её достаточно хорошо, но несмотря на её заявление, понимаю, что не из тех она, когда можно выебать пошустрому и отправить восвояси. Проблема в том, что впервые за много лет я не могу остановить сам себя, сколько бы не напоминал себе о том, что с ней нельзя. Хочу её, да. Но больше не прикоснусь. Надо просто держать дистанцию, и не будет никакого взрыва.

– Ладно, Гора, не дуйся. – толкает Максометр, закидывая руку мне на плечо.

Меня передёргивает от неожиданности, потому что я даже не заметил его приближения. Когда бросаю взгляд за спину, понимаю, что не только его, но и всех остальных.

Блядь...

– Наконец-то. Быстро все за стол! – приказывает тётя Наташа.

Парни со смехом рассаживаются на лавочках. Занимаю место с самого края, изо всех сил стараясь игнорировать Ди, которая выходит из дома и садится напротив меня. Впрочем, вскоре мне удаётся расслабиться, потому что с её стороны тоже игнор. Отлично. То, что надо, чтобы не натворить глупостей.

– Папа, как у тебя получается так вкусно готовить мясо? – высекает девушка, приговорив очередной кусок. – Ни у кого из братьев так вкусно не бывает.

– А как же я? Мой шашлык тоже вкусный. – бросает со смехом Андрюха, строя обиженную гримасу.

– У папы всё равно вкуснее. – хохочет Ди.

Висну на ней, пока Виктор раскрывает свои секреты. Поверх купальника чёрная обтягивающая майка с круглым вырезом, открывающим вид на верх груди. Короткие джинсовые шорты. Какой бы пацанкой она не была, но бесформенные балахоны и шмотки оверсайз у неё явно не в приоритете. Длинные волосы стянуты растрёпанным пучком на макушке. И эти глаза, эта улыбка...

Блядь, лучше не смотреть, потому что химическая реак-

ция быстро переходит в физиологическую, а этого допускать нельзя.

– Покурю. – бросаю, поднимаясь из-за стола.

Смотрю на близнецов, ожидая, что они рванут следом, но они только обдают меня завистью.

Видимо несмотря на то, что обоим по двадцать, при предках не курят. Ухмыльнувшись, откровенно злорадствую и двигаю в противоположную сторону дома. Только закуриваю, за угол заворачивает Андрей. Без слов открываю пачку, и он берёт сигарету. Чиркаю зажигалкой.

– Благодарствую.

– А я уже решил, что у вас при родителях все святые. – толкаю со смешком.

– Только не я. – растягивает рот в лёгкой улыбке. – Ну ещё и Даня косячит, а остальные паиньки.

Цепляюсь за возможность узнать о ней побольше, не вызывая подозрений, пусть и не понимаю, на кой чёрт мне это сдалось.

– А я-то думал, что она будет самой тихой и спокойной. – режу, глядя на озеро.

– Данька? – смеётся, выпуская дым. – Для неё вообще никто не авторитет, за что она вечно и выхватывает пиздюля. До шестнадцати лет постоянно дралась в школе, потом ей купили мотоцикл и отрываться она начала уже на дороге. Вечно гоняет как ненормальная. Пусть и знает, что получит за это. Как восемнадцать стукнуло, она вообще решила, что те-

перь взрослая и ей всё можно.

– Обычно в восемнадцать все так думают. – бросаю как бы между прочим.

– Иногда стоит притормозить, чтобы не вылететь. У неё тормоза отсутствуют напрочь. Слушай, Егор, – делая затяжку, смотрит на меня, – что у вас было на пляже?

Едва не давлюсь дымом, но натягиваю на морду пофигисткое выражение. Я был уверен, что нас видел только Макс. Незаметно перевожу дыхание и смотрю прямо в глаза, пытаюсь убедить его, что говорю искренне.

– Ничего. Она прицепилась к моим глазам. – поддерживаю ложь Ди. – Кажется, для неё не существует понятия личное пространство. – растягиваю лыбу, но ответной реакции не следует.

– Ладно, Макс и Ник, но мне можешь лапшу на уши не вешать. Я наблюдал за вами. Она нравится тебе?

Блядь, да что же все такие внимательные? И почему они думают, что я на неё запал? Не запал. Совсем нет.

Андрей внимательно смотрит на меня. Отвечаю ему прямым взглядом.

– Она симпатная, но не мой типаж. Не знаю, что тебе наговорили обо мне братья, но на мой счёт можешь не волноваться.

– Я и не волнуюсь. Диана не ребёнок и не дура, сама разберётся. Просто хочу, чтобы ты понимал, что мы всю жизнь её опекаем не только как единственную сестру, но и как са-

мую младшую. Если ты её обидишь, то будешь иметь дело со всеми нами.

Вдох-выдох.

– Андрюха, можно откровенно? – дожидаюсь, пока он кивнёт, и говорю как есть. – Я никогда в жизни не заведу отношений. Для меня есть только секс. Иногда одноразовый, иногда периодический, но не больше того. Я в жизни не трону девушку, которую не устраивает бартер "я удовольствие ей, она мне". Дианка красивая девчонка, но не для меня.

– Очень жаль. – толкает, туша окурок о стену и оставляя меня в гордом одиночестве и недоумении.

Даже не стараюсь думать о последней фразе, шагая следом за ним.

Весь день так и проходит в весёлой семейной атмосфере с шутками, вкусной едой и играми в гляделки с Ди. За несколько часов уже не первый раз напарываюсь на её внимательный взгляд.

Когда снова встречаемся глазами, никто из нас не намерен сдаваться и отводить взгляд в сторону. Этот контакт затягивает меня с головой. Звуки глохнут, посторонние силуэты меркнут, только синева её глаз остаётся такая же, как и потемневшее небо.

Девчонка растягивает губы в улыбке и поднимается с лавочки, на ходу стягивая майку и бросая её по пути, бежит к озеру.

– Кто со мной?! – кричит вроде всем, но смотрит на меня,

притормаживая и скидывая шорты.

– Даня, уже темно и холодно купаться! – кричит её мама, на что получает игнор.

Тётя Наташа обречённо качает головой и смотрит на мужа, разводя руками. Даже я понимаю, что она говорит о том, что дочь неуправляемая.

– Я с тобой! – орёт Тимоха, срываясь следом.

– Я пригляжу. – бомбит старший брат, поднимаясь.

– Андрей, и ты туда же?

– Извини, мам. – смеясь, бежит за ними.

Приказываю себе оставаться на месте, потому что Ди в купальнике, пиздос какое искушение, а я не должен даже думать о ней, не говоря уже о том, чтобы прикасаться.

– Ну, раз все разбежались, то может по пиву? – предлагает глава семейства.

– Я принесу. – вызываюсь, чтобы не слышать звонкий смех, который эхом разносится над пляжем.

Цепанула она меня крепко. Возможно, стоило бы просто вернуться в город и найти себе какую-нибудь шлюшку на ночь, но я какого-то дьявола этого не делаю.

Вытаскиваю из холодильника пак пива и возвращаюсь к столу.

– Ты один в семье? – спрашивает Виктор, пока растягиваем хмельное.

Тяжело сглатываю и смотрю куда-то поверх его головы, ничего не видя.

– Я просто один. – выталкиваю, поднимаясь на ноги. – Извините, пойду покурю.

Блядь, тяжёлая для меня эта тема, сколько бы лет не прошло. Я не делаю секрета из своего прошлого, но говорить об этом не люблю.

Закуриваю, выходя с территории коттеджа. Шагаю в лес, не разбирая дороги. Торможу только когда понимаю, что ещё немного и дорогу обратно хрен найду. Таскаю сигареты одну за другой, возвращаясь к толпе, но мои мысли меня просто убивают.

– Гора, вот ты где! – кричит Никитос, когда выруливаю из-за дома. – Мы тебя уже потеряли.

– Соррян, хотел побыть один.

– Погнали, ещё выпьем.

– Без меня. – качнув головой, иду в выделенную мне комнату, забив на возражения захмелевшего приятеля.

Давненько мне так дерьмово не было. Скучаю, сука, по брату, но все попытки его найти провалились. Надеюсь, что он жив и здоров. Хотя, учитывая произошедшее перед тем, как я видел его в последний раз, шансов на это немного.

Падаю спиной на кровать и размазываю взгляд по потолку, погружаясь в невесёлые мысли.

Судя по шуму в коридоре и тишине за окном, все расходятся по комнатам, а я предпринимаю попытку уснуть, но когда и спустя пару часов мне это не удаётся, выхожу на улицу, цепляю бутылку пива со стола и медленным шагом на-

правляюсь в сторону водоёма. Скидываю шлёпки и запрыгиваю на торчащий из воды камень, опуская стопы в прохладную воду. Затягиваюсь очередной порцией никотина, разглядывая мириады звёзд на чёрном полотне неба.

Наверное, ночная тишина и бесконечная темнота действует на меня так удручающе, потому что я полностью погружаюсь в воспоминания, сжимая кулаки и скрипя зубами.

Кто-то выдёргивает у меня из рук бутылку, и я резко оборачиваюсь, рассчитывая увидеть кого-то из близнецов, но напарываюсь глазами на Диану, которая делает глоток и возвращает мне.

– Ты чего здесь сидишь? – выписывает, запрыгивая на камень рядом со мной.

– А ты чего не спишь? – отвечаю вопросом на вопрос.

Сдвигаюсь немного дальше, потому что места мало, и мы соприкасаемся руками и ногами. В местах стыковки кожа покрывается мелкими пупырьками.

Будто не замечая моей попытки увеличить расстояние, девчонка подтягивает одну ногу к груди, обхватывает её руками, опускает на колено подбородок, глядя на тёмную водную гладь.

Зависаем в тишине, просто сидя рядом. В какой-то момент понимаю, что мне в кайф её близость. То, что она просто вот так вот находится рядом. Я чувствую жар её тела, гладкость кожи, мягкость волос, которые бросает мне в лицо лёгкий порыв ветра, её пряный запах, который никак не

могу распознать.

– Егор, можно вопрос? – выбивает, всё так же глядя вдаль.

– Попробуй. – отсекаю, скашивая на неё взгляд.

– Ты сказал, что я не в твоём вкусе. Это потому, что я веду себя как мальчишка? Это отталкивает?

Дыхание замирает где-то в горле, и я не могу ухватить кислорода, как ни стараюсь. Слова тоже застревают.

Сжимаю пальцами её подбородок, отчего девушка вздрагивает, но послушно поднимает на меня взгляд. Током по нервам шьёт, а по спине ползёт волна жара.

Быстро прочищаю горло.

– Нет, Ди, не поэтому. – выпаливаю, утопая в её глазах.

Понимаю, к чему приведёт весь этот разговор, но тормознуть не могу. Нет, трахать я её не стану, но собираюсь сделать то, что не должен.

– А почему тогда? – шелестит тихо-тихо.

– Потому что ты не для меня. Я не такой, каким кажусь. – бомблю, не отводя взгляда.

Перевожу ставшее прерывистым дыхание. Диана громко сглатывает и подаётся вперёд. Надо бы остановить её, но вместо этого толкаюсь навстречу, пока между нашими губами остаётся не больше пары-тройки сантиметров.

– А с чего ты взял, что я вообще для кого-то? Есть люди, которые всю жизнь ищут себя, но так и не находят.

– Ди... – выдыхаю её имя, кладя ладонь на её шею сзади, фиксирую. Сильнее сжимаю пальцы, начиная злиться на то,

что не могу просто оттолкнуть её. – Если ты не прекратишь свои провокации, то всё закончится тем, что я тебя выебу и исчезну. Потому что я всегда так делаю. Второго раза не будет. Ты этого хочешь?

Надежда на то, что она залепит мне оплеуху и сбежит, та-ет, когда она придвигается ещё ближе. Почти прижимается губами к моему уху и шепчет:

– Ты никогда не узнаешь, чего я хочу. Все боятся моего характера, даже не пытаюсь понять. Никто не видит.

Пиздос, мать вашу! Её дыхание жжёт кожу, а слова разгоняют мандраж по нервным окончаниям.

– Я вижу. – хриплю, вынуждая её отодвинуться, чтобы иметь возможность видеть её лицо в этот момент.

Ещё утром я видел в ней пацана, днём – красивую, но странную деваху, вечером я не мог оторвать от неё взгляда, а сейчас я вдруг осознаю, что понимаю, почему она так ведёт себя. Может, я и не совсем верно интерпретирую её посылы, но она не пытается меня соблазнить. Ей просто необходимо подтверждение того, что она может нравиться такой, какая есть, не только внешне, но и внутренне.

– И что же ты видишь? – толкает еле слышно.

– Тебя, Диана.

Не давая ей времени придушить меня за то, что назвал полным именем, прижимаюсь своими губами к её. Просто прикасаюсь, но не целую, потому что понимаю, что тогда дороги назад не будет. Всего за один день мои предпочтения

изменились.

Тянет меня к ней. Беспощадно. Неумолимо. Критически сильно. В жизни такого не было, но что-то в её взгляде, движениях, интонациях крепко цепляет. Пробивает наращенную за годы броню. Принципы на хрен летят. И дело тут не только в том, что я хочу её трахнуть.

Никогда раньше мне не хотелось просто поговорить с девахой. Просто коснуться её. Просто поцеловать без грязных мыслей. И похеру, что член колом стоит. Для этой цели есть другие. Утром же вернусь в город и позвоню Юле. Она одна из тех, кто всегда готова к быстрому перепаху без обязательств. Мой типаж, короче. С Ди же у меня ничего не будет, кроме этого момента. Никогда.

Замираем оба, даже не дышим. Ослабляю хватку, но она не отстраняется. И даже больше того, пресекает мою попытку это сделать, сжимая пальцами ворот моей футболки.

– Ещё пару секунд. – сипит мне в рот и снова касается губами.

Собираю в кулаки всю силу воли, сгребая пальцы и спрыгиваю с камня.

– Больше ничего не будет, Ди. На этом всё. – бросаю, не оборачиваясь, и иду в коттедж.

Хватаю с подоконника ключи от Бэхи и выбегаю из здания, чтобы ни с кем не столкнуться.

Открываю водительскую дверь, но не сажусь, глядя на силуэт, замерший у кромки озера. Темнота и расстояние не

позволяют увидеть её лицо, но уверен, смотрит она на меня. Вгрызаюсь в щёку и, не позволяя себе передумать, запрыгиваю в машину и завожу мотор. Выезжаю с территории, наблюдая в зеркало заднего вида за девушкой, которая смогла пробиться туда, куда всем вход заказан.

Глава 4

Знакомьтесь с монстром

Поднимаюсь с постели и стягиваю презерватив. Не глядя на деваху, которую оприходовал всего минуту назад, иду в ванную и встаю под горячие струи воды, чтобы смыть с себя запах похоти, которым пропитался до кишок.

Упираюсь головой в стекло душевой кабины и впервые в жизни, сука, ощущаю себя после секса не удовлетворённым, а опустошённым и разбитым, и, блядь, будто в дерьме вывалянным. Чувствую себя мерзко. Зло тру мочалкой кожу, пока она не начинает гореть. Заливаю в рот ополаскиватель, чтобы перебить чужой вкус. Глядя в зеркало, морщусь, подмечая красные полосы от ногтей на плече.

За такой вид не отмажешься тем, что в город за сигаретами ездил. И что я скажу? Что женскую драку разнимал? Котёнка с дерева снимал? А может сказать правду? Свалил, потому что мне срочно надо было кого-то выебать, а под рукой только ваша сестра? Отличный, мать вашу налево, вариант. Ну просто крутейший. Никто из братьев не станет меня хвалить, что я за сотню километров поехал подальше от искушения. Им будет достаточно и того, что я вообще подумал о Даньке в этом плане.

Блядь, стоило забрать сумку с вещами из коттеджа, чтобы не возвращаться, вот только в тот момент, когда уезжал, было не до этого. Мне надо было просто сбежать от Дианы подальше, чтобы не натворить глупостей. Потому что её вкус, её запах, её губы, её касания сорвали мне башню. Сколько бы я не убеждал себя, что не трону её, понимал, что даже тот невинный поцелуй мог привести к поганым последствиям. Даже его не должно было быть. Ди – младшая сестра моих друзей, не более того. Значит, надо относиться к ней именно так, а не вести разговоры ночами и целовать, чтобы дать понять, что она может нравиться.

Мне, сука, нравится!

Какого хрена мне вообще надо было успокаивать и убеждать, что она не просто красивая, но и интересная? Дебил, вашу налево. Почему не свалил, как только она села рядом? Зачем отвечал на вопросы? Как теперь разруливать?

Если она хоть словом обмолвится о произошедшем, то мне не жить. Нет, я не боюсь получить по морде за свой косяк, но понимаю, что тогда не смогу рассчитывать на дружбу с близнецами. А мне бы не хотелось терять её.

Может, стоит позвонить и попросить забрать мои вещи, чтобы не возвращаться и не искушать себя новой встречей? Впрочем, после того как спустил напряжение между ног у Юли должно стать легче.

Наверняка вся проблема была в том, что мне надо было

кого-то трахнуть, и больше Ди не будет вызывать во мне такие реакции. Главное, что с сексуальным желанием я разобрался, а остальные заскоки смогу подавить.

Хотелось бы и самому в это поверить.

Глухо выдохнув, выхожу из ванной и иду в спальню. Без слов поднимаю с пола шмотки и начинаю одеваться.

– Уже уходишь? – обиженно дует губы блондинка. Вытягивает на постели голое тело, соблазняя, но я только отворачиваюсь от неё, потому что реально мерзко вдруг становится. От самого себя. От своих мыслей и поведения. – Егор, – тарыхтит сиплыми интонациями, – ты приезжаешь ко мне среди ночи, набрасываешься, как какой-то дикарь, а потом, ни слова не сказав, сваливаешь. Раньше ты себя так не вёл.

– А с каких пор мы с тобой ведём беседы? – выбиваю сквозь сжатые зубы. – Я тебя ебу, доставляю удовольствие, получаю своё и на этом всё. Если такой расклад тебя не устраивает, то я найду другую. С этим проблем не будет.

Она подрывается на ноги, слетает с кровати, мгновенно превращаясь в разъярённую тигрицу, и замахивается для пощёчины. Вот только я перехватываю её запястье и дёргаю на себя. С силой упираюсь лбом в её переносицу и шиплю, не разжимая зубов:

– Плохая идея, детка. – сильнее сдавливаю пальцы на её руке, причиняя боль, оставляя синяки. Даже не пытаюсь себя остановить. И похеру на её визг. – Если хочешь кому-то сделать больно, то готовься к тому, что тебе вернётся вдвой-

не. Я, конечно, любитель пожесточе, но без перебора, но если ты просишь... – перебрасываю вторую руку ей на горло, сдавливая.

Смотрю в её перепуганные карие глаза, на раскрытый от испуга рот, но никакой жалости не чувствую. Только чёрное удовлетворение. Кусаю её за нижнюю губу, жёстко оттягиваю и брезгливо швыряю на кровать. Поднимаю с пола футболку и выхожу. Вытираю тыльной стороной ладони кровь со своих губ.

Запрыгнув в тачку, закуриваю. Сделав пару тяг, вылезаю обратно на свежий воздух в попытке успокоить натянутые канаты нервов и собственные опасные желания и мысли. В таком состоянии мне лучше не возвращаться на озеро и впредь вообще держаться от Дианы на расстоянии.

Я не идиот и понимаю, что эту тягу просто так не преодолеть, если она будет рядом. Сколько бы не убеждал себя в обратном. Надо переключиться. Если до того момента, как приехал сюда, ещё была возможность, что мне просто надо кого-то трахнуть, то больше её нет.

Даже если бы я мог себе позволить завести нормальные человеческие отношения, то точно не с ней, а с кем-то типа Юли. С тем, кто способен свыкнуться с моей природной жестокостью.

Какой бы пацанкой не была Ди, это не значит, что где-то глубоко внутри неё не живёт маленькая девочка, мечтающая о розовых пони, шикарной свадьбе и нежной любви. Именно

это я и увидел в ней. Настоящую, нежную, уязвимую, хрупкую. Ту, что скрывается за маской девчонки с заскоками парня и прикидывается дурочкой. Но ничего из этого я ей дать не способен.

Сам охуюваю от своих мыслей, потому что ещё ночью отрицал своё влечение к ней, а теперь думаю о какой-то там любви. Глупо, конечно. Не способен я на это чувство. Я – животное, пусть и не показываю этого за пределами постели, поэтому и предпочитаю единоразовый секс. Многих я пугаю своей дикостью и жестокими желаниями. Мало таких, как моя теперь уже бывшая любовница, которые готовы на всё.

В жизни все, кто меня знают, даже предположить не могут, что я за человек на самом деле, потому что давно уже научился прятаться за маской нормального двадцатилетнего парня. И никто никогда не узнает, какое чудовище скрывается в моей душе. Никому не позволю увидеть свою истинную суть, а особенно семейству Диких.

Паркую Бэxu у дома. Моя мобила звонит. Взглянув на экран, принимаю вызов.

- Ты куда свалил? – бомбит Макс.
- Дела появились. Надо было вернуться в город.
- Натихаря и среди ночи?
- Соррян, Макс, но так вышло. Как будете возвращаться, захвати мои вещи. – обрубая последующие вопросы.
- Значит, не вернёшься?
- Нет. Извинись за меня перед своими.

– В понедельник пересечёмся?

– Будем на связи.

Весь день бесцельно шарахаюсь по квартире. Готовлю какую-то незамысловатую еду по рецепту из интернета. Врубаю на плазме кино, но за сюжетом почти не слежу. Раздумываю над тем, что делать дальше и как себя вести не только с Максометром и Никитосом, но и с Дианой, если мы снова с ней пересечёмся. Я ясно дал понять, что кроме этого прикосновения ничего между нами не будет. Да и вообще, вряд ли мы снова встретимся. Близнецы обычно держатся вместе. За два года я всего пару раз видел мимоходом Андрюху, а о младших только по рассказам знал, так что, надеюсь, больше мы с Ди не столкнёмся.

Ближе к ночи понимаю, что больше не выдерживаю в четырёх стенах, а мыслями и вовсе возвращаюсь на озеро. Пару раз даже успел подумать о том, чтобы сесть в тачку и рвануть обратно, потому что успел успокоиться и прийти в себя, а значит, смогу себя полностью контролировать.

Хреновая идея. Не стоит мне этого делать.

Чтобы развеяться, решаю поехать в бар. На клуб сегодня не стоит.

Бреюсь, одеваюсь, пшикаю парфюмом. Закидываю в карман портмоне, телефон и сигареты с зажигалкой.

Сегодня в планах надраться в хлам. Возможно, подцепить какую-то деваху и выбросить из головы Диану. Нельзя мне даже думать о ней в этом русле.

В бар еду на такси, потому что под алко за руль не сажусь. Входя в забитое прокуренное помещение, пробегаюсь безразличным взглядом по толпе людей. Занимаю единственное место за барной стойкой и коротко бросаю бармену:

– Виски вместе с бутылкой.

Сразу кладу наличку и залпом опрокидываю в горло порцию обжигающего пойла. Через какое-то время соседние стулья занимают две девахи. Блондинка в коротком чёрном платье с откровенным декольте и аппетитными буферами, прям по моему вкусу, но вот подвисяю я почему-то на брюнетке в красном. Пусть и выглядит она поскромнее. Обе откровенно пялятся на меня и растягиваются сексуальными улыбками. Отвечаю тем же и салютую стаканом. Они поднимают в ответ свои коктейли.

Кажется, вечер будет не таким уж и скучным.

Выбиваю из кармана пачку сигарет и предлагаю девушкам. Обе вытаскивают по сигарете и ждут, пока поднесу зажжённую зажигалку.

– Кристина. – тянет ухоженную руку блонда, выпустив облако дыма.

– А я Марина. – подходит с другой стороны чернявая.

– Гора. – представляюсь прозвищем, потому что никогда не называю своего имени тем, с кем планирую провести всего несколько часов.

Диана не курит. – мелькает в голове.

Щёлкаю зубами и наливаю пол стакана вискаря, пригово-

рив его одним большим глотком.

Не отпускает она меня. Какого хрена именно та, к которой мне даже приближаться нельзя? Почему не одна из этих размалёванных? Уверен, что с ними было бы куда проще.

Кто-то из посетителей бара подливает масла в огонь моего помешательства, врубая на музыкальном автомате песню, в которой поётся: *он не любит синеоких, только почему-то влип, а такой был одинокий тип.*

Вот точно синеокая, в которую я конкретно влип. Пиздос конечно, но чем больше я стараюсь о ней не думать, тем сильнее противоположный эффект.

Пытаюсь не слушать музыку, сосредоточиваясь на болтовне девах, но в уши то и дело прорываются отдельные фразы. Точнее, вбиваются басами, перекрывая весь посторонний шум.

Давай прикину, что я буду твоей невестой...

Всё будет именно так, ты только себе прикинь, счастливый такой дурак и девочка вопреки...

Вопреки... Вопреки чему? Её семье? Собственным запретам и установкам? Нет, нет, нет! Нельзя!

Да и откуда вообще эти мысли?

Меня от тебя так прёт. Прикинь, если на всю жизнь...

На всю жизнь. Очень смешно. Будь я адекватным человеком, без хронической тяги к насилию, возможно, у меня был бы шанс. Но я неадекватный и ненормальный. Да, борюсь с этим и даже справляюсь, но иногда срывает тормоза, и я де-

лаю то, чего не должен.

Снова смотрю на Марину и Кристину и думаю, кто из них будет не против жёсткого траха, потому что сейчас меня кроет конкретно. Я бешусь из-за того, что не могу получить ту, которую хочу. Не на всю жизнь, конечно, но хотя бы на время.

Оплачиваю несколько коктейлей обеим девкам, и уже через пару часов мы втроём поднимаемся в мою квартиру. Они обе без конца смеются и спотыкаются на длинных шпильках. Приходится придерживать то одну, то другую.

– Тише вы. Всех соседей перебудите. – рывкаю вполголоса, но они только громче заливаются пьяным смехом.

Открываю дверь и пропускаю их вперёд, разглядывая задницы, еле прикрытые короткими платьями. Учитывая их внешний вид и то, что они сейчас обе здесь, то явно готовы на всё.

Тройничок для меня в новинку, но всё бывает впервые. Как раз то, что надо, чтобы не думать о синеокой богине войны.

В спальне сразу дёргаю на себя брюнетку и впиваюсь в её рот. Толкаю язык между губ, шаря им. Без лишней возни запускаю руку ей под платье и натягиваю стринги, вырывая у неё похотливый стон.

Блондинка тем временем жмётся с другой стороны, сжимая ловкие пальцы на эрекции.

– Раздевайся. – приказываю, отталкивая от себя Марину.

Поворачиваюсь ко второй, пока брюнетка, отойдя на пару шагов, медленно стягивает с себя тряпку.

Пока наблюдаю за её действиями, ебу пальцами Кристину и врываюсь языком в рот, с силой сжимая ладонью задницу.

Похеру, кто она и что ей нравится и хочется, пришла сюда, значит пусть терпит.

Главное, что это не Диана, о которой я всё ещё стараюсь не думать.

Расстёгиваю молнию на её платье, но в этот момент звонит моя мобила. Неизвестный номер в три часа ночи не предвещает мне ничего хорошего, но после бутылки вискаря слабо соображаю.

– Да?! – рывкаю в трубку, потому что одна из девиц уже стоит на коленях, полируя губами мой член.

– Егор, привет. Это Даня. Можем поговорить?

Глава 5

Преодолевая пределы

Уже минут сорок я меряю нервными шагами территорию недалеко от своего дома, ожидая приезда Егора, и медленно, но верно теряю уверенность, что это было правильное решение.

Когда он уехал прошлой ночью, я ждала, пока вернётся, чтобы поговорить о произошедшем между нами и о том, что он сказал. Но утром Макс заявил, что у его друга какие-то срочные дела в городе и он не приедет.

Я еле дождалась ночи, чтобы рвануть за ним, не вызывая подозрений. Я просто должна понять, почему он сбежал. Что со мной не так?

Терпение можно вычеркнуть из списка моих добродетелей, потому что оно у меня отсутствует напрочь. Я бы могла дожидаться завтрашнего вечера, но не вышло. Нашла у Ника в телефоне номер и приехала следом, потому что мне просто необходимы ответы. И прямо сейчас.

Отлично понимаю, что вряд ли смогу вернуться так, чтобы моё исчезновение никто не заметил. Трындюлей мне всыпят в любом случае, потому что Тимоха звонил уже раз пять. Хотя раз звонил только он, то остальным ещё не сдал,

а значит, шанс всё же есть. Я бы могла сказать, что просто гуляла в лесу, но вот отсутствие моего Кавасаки не заметить невозможно. Сейчас около трёх часов ночи, а значит, что к тому моменту, как проснутся родители и братья, я могу успеть вернуться незаметно. Главное, чтобы никто из них не вышел покурить, иначе можно и не возвращаться, потому что мне крышка на месте.

В нескольких метрах от моего мотоцикла тормозит такси, и я ныряю в тень. Знаю, что если бы это был кто-то из семьи, то приехал бы на папиной машине, но предпочитаю не рисковать.

Когда с заднего сидения вылезает Егор, шагаю ему навстречу. Замираем где-то в метре друг от друга. Машина уезжает, а мы всё не двигаемся. Парень сжимает кулаки, и я замечаю, что его пошатывает.

Пьяный?

– Что тебе надо, Ди? – выбивает зло заплетающимся языком.

– Поговорить. – отвечаю ровно и тоже сворачиваю пальцы, чтобы не выдавать нервной дрожи.

– Серьёзно, блядь? – поднимает вверх одну бровь. – В три часа ночи?

Хапаю порцию кислорода и отрезаю на выдохе:

– Да, в три часа ночи, потому что ты уехал, а я должна понять, что именно ты имел ввиду, когда говорил, что видишь меня.

– Да ты, блядь, прикальываешься? – рычит злобно, делая шаг ко мне. Выше задираю нос, но не сдвигаюсь ни на миллиметр, встречая его тяжёлый взгляд. – Нельзя было спросить об этом по телефону, раз уж тебе так невтерпёж?

– Нельзя, Егор. Я предпочитаю смотреть человеку в глаза.

– Ради этого ты примчалась в город среди ночи и выдержала меня из... – замолкает резко, поджимая губы, – бара. – добавляет уже тише.

– Только тебе можно срываться и ехать ночью? – бросаю, начиная злиться на него в ответ.

– Ди, мать твою налево! У меня были веские причины уехать! – шагает ещё ближе.

– Какие? – делаю шаг навстречу и прямо заглядываю в странные глаза.

От него несёт сигаретами, алкоголем и очень вонючими приторными духами. Морщу нос, но больше ничем не выдаю внутреннего бедлама.

– Те самые, Диана. – вынуждаю себя не заносить кулак для удара, потому что уверена, что он специально меня так называет, чтобы вывести из себя. – Которые озвучил. Свалил, чтобы не выебать тебя. Или именно этого ты и добиваешься? – рычит, хватая руками мою талию и вдавливая в лобок огромной твёрдый бугор. – Хочешь, чтобы я тебя трахнул?

В животе стягивается раскалённая пружина, которая с каждым его толчком становится туже. Быстро сглатываю вязкую слюну, которой вдруг становится очень много, и возвра-

щаю на него взгляд, отведённый секунду назад.

– Я живу с четырьмя братьями, Егор. Если ты пытаешься напугать меня членом, то не выйдет.

На самом деле выходит, и очень даже не слабо. Мне действительно становится страшно от того, на что он способен в таком состоянии.

Парень резко убирает руки и заходит за спину. Быстро оборачиваюсь и наблюдаю, как он приваливается спиной к забору и достаёт сигареты.

– Пиздос, блядь! – рявкает, снова глядя на меня. – Ты совсем ёбнулась, Дикарка? Ты реально не понимаешь, что творишь? Или специально это делаешь?

– Просто ответь на мой вопрос, и я от тебя отвалю. – толкаю обиженно, продолжая пытаться его взглядом.

– Который? – отбивает, закуривая. – Что именно ты хочешь знать? – выпускает дым в пространство.

– Ты сказал, что видишь меня. Что именно ты видишь, Егор?

– Если отвечу, то ты реально отвалишь?

Вижу, что сомневается, поэтому уверенно киваю и бомблю:

– Даю слово.

– Ты бы ещё слово пацана дала. – ухмыляется уголками полных губ и отталкивается от стены, подходя ближе. – Я увидел тебя настоящую. Открытую. Откровенную. Прямую. Сомневающуюся в себе. Интересную. – чеканит каждое сло-

во. – Я увидел девушку, которую ты прячешь, чтобы не отставать от братьев. Очень красивую. – последнее уже полущёпотом.

Заткнуться бы мне по-хорошему, но тогда это была бы не я.

– А ты хочешь меня, потому что я красивая или интересная? – высекаю со смешком, но Гора даже не улыбается.

Ещё пара шагов и его руки на моей шее. Глаза в глаза. Обжигающее алкогольно-табачное дыхание на моих губах.

– Трахать хотят не за ум или интересные разговоры, а за охуенное тело и симпатную мордашу. Если же хочешь нормальных отношений, то не разоряйся на тех, кто много говорит, но мало слушает тебя. А когда слушает, то смотрит в глаза, а не на грудь. Будь с тем, кто спрашивает, чем ты увлекаешься, что любишь, о чём мечтаешь. А не с тем, кто говорит о твоей красоте. Это очевидный факт. Красотой можно пользоваться, но тогда ты никогда не найдёшь настоящее. Знаешь, сколько красоток я знаю? – качаю головой, подавляя желание вырваться из его рук от этих слов. – Дохера и больше, Дикарка. А знаешь, скольких из них мне хочется слушать, а не трахать? – моего ответа он не ждёт, потому что тут же продолжает. – Ноль. – убирает одну руку с моей шеи и показывает большим и указательным пальцем. – Поэтому я и сказал, что между нами никогда ничего не будет. Я не ебу того, с кем мне интересно общаться.

– Но хочешь. – выталкиваю с трудом и очень тихо от того,

что горло будто тисками сжимает.

Опускаю голову вниз, потому что мне становится очень неуютно от его пристального изучающего взгляда. Вот только Егор сильнее сжимает шею сзади, а большими пальцами давит под челюстью, вынуждая снова смотреть ему в глаза.

– Хочу. Очевидный факт, учитывая то, что стоило тебя увидеть в купальнике, и член тут поднимается. – мои щёки обжигает стыдом, потому что, какой бы прямой я не была, слышать такое от парня слишком. Он шумно выдыхает и опускает веки. – Ты обещала, что как только получишь ответ на свой вопрос, то исчезнешь из моей жизни. Сдержи слово, Ди, и держись от меня на безопасном расстоянии, чтобы не было взрыва.

Он опускает руки и делает шаг назад. Но я шагаю следом и закидываю свои руки на его шею, останавливая.

– Ди... – шипит, но не отталкивает.

Я отлично понимаю, что делаю. Впервые в жизни мне не противны чужие прикосновения. Обычно все парни, которые нарушали моё личное пространство, покидали его с расквашенными носами, но с Егором всё по-другому. Мне нравится ощущать его руки на своём теле. Нравится, когда он касается губами. Нравятся даже мои реакции на его близость.

Поднимаюсь на носочки и почти касаюсь своими губами его.

– Ты боишься моих братьев?

– Не их.

– Меня? Того, что я такая навязчивая?

– Дура ты, Дикарка. Меня вставляет твоя прямота. – сипит, на секунды прижимаясь к моим губам.

Вся кожа покрывается огненными мурашками. В животе пожар. Позвоночник прошивает током. Воздух замирает на выдохе в горле.

– Тогда чего ты боишься? Почему отталкиваешь, если я нравлюсь тебе?

– Себя. Ты нихрена не знаешь обо мне. – но при этом не отрицает симпатии, давая мне надежду на...

На что?

Мы говорим очень тихо, будто кто-то может услышать наш разговор. Отсекая все лишние мысли, скрещиваю руки на его спине в замке и, толкаясь ближе, сама его целую. Стараюсь при этом не выглядеть неумёхой, но беда в том, что опыта в этих делах у меня ноль. Неловко скольжу своими губами по его. Когда он приоткрывает рот, прихватываю нижнюю и замираю. Ощущаю себя полной дурой, потому что была уверена, что как только сделаю это, Северов возьмёт всё в свои руки, но он мне совсем не помогает.

– Хреново у тебя выходит, Ди. – толкает, растягиваясь в улыбке.

Опускаюсь на стопу, разжимая руки, чтобы скрыть то, как меня цепляют его насмешливые слова и тон. Только пытаюсь отступить от него, как парень кладёт ладони мне на та-

лию, сдавливая и лишая возможности сгореть от стыда где-нибудь за углом. Наклоняется, поглощая мои рваные выдохи, и шепчет:

– Твой первый поцелуй, да?

Прикусываю язык и отрицательно мотаю головой. Гора только смеётся.

– Не первый! С чего ты взял? Просто для этого обычно нужны два человека, а ты стоишь истуканом! – кричу, защищаясь, и отталкиваюсь от него.

Вот только не отпускает, придавливая ближе и крепче.

– А я уже решил, что врать ты совсем не умеешь.

– Я не вру. – упираюсь ладонями ему в грудную клетку, но и это меня не спасает.

Впервые чувствую себя такой слабой, беспомощной, беззащитной. Впервые хочу сбежать и разреветься, как самая обычная девчонка.

Усиливаю напор и отворачиваюсь.

– Врёшь, Диана.

– Если ты ещё раз назовёшь меня Дианой!.. – гаркаю, сразу забыв об обиде и неловкости, прибивая его бешеным взглядом.

– Вот так надо. – выбивает хрипло.

Втягивает в рот мою нижнюю губу, посасывает её и проводит языком, а у меня кружится голова. Бляха... И ноги подкашиваются.

Забрасываю руки на его шею, чтобы не грохнуться на зем-

лю.

Егор сжимает меня так крепко, что рёбрам становится больно, а грудь, даже несмотря на плотную ткань экипировки, расплющивается о его грудину. Соски ноют и горят. Пружина внизу живота растёт и накаляется. Вдавливаю пальцы в его затылок, и из моего горла вырывается тихий стон удовольствия. Парень вбивается языком мне в рот и тут же поддевает мой. Интуитивно касаюсь его в ответ. Обвожу его по кругу так же, как и он секунду назад.

Наши языки будто своей жизнью живут. Знакомятся, едва касаясь. Танцуют. Пробуют. Изучают.

Одна его ладонь поднимается на лопатки, а затем и выше. Кончики пальцев гладят голую кожу на шее. Перебирают пряди волос. Ласкают затылок. Бугор вжимается как раз в то место, где плавит мой самоконтроль пружина зародившегося желания.

По коже пролетает лавина из мурашек. Я начинаю дрожать под его напором, когда он сильнее сдавливает пальцы под волосами и втягивает мой язык в себя.

Я горю... Сгораю... Я не могу остановиться, даже когда заканчивается кислород. Втягиваю воздух носом, но этого недостаточно. Во рту столько слюны, что ещё немного и она начнёт вытекать, а возможности сглотнуть её у меня нет.

Егор прихватывает зубами влажную плоть, а потом вдруг резко отстраняется, разжимая объятия.

У меня появляется возможность вдохнуть и проглотить,

которой я тут же пользуюсь. Еле держусь на ногах, глядя на его мокрые губы, расширенные зрачки, то сжимающиеся в кулаки, то распрямляющиеся пальцы. Тяжело вздымающуюся и с грохотом опадающую грудную клетку.

Я и сама жадно хватаю воздух, но его будто всё время мало. Не хватает. Губы горят и колит иглами. Обвожу их языком.

– Блядь, Дикарка. – уничтожает разделяющее нас расстояние и сжимает пальцами подбородок. – Никогда больше этого не повторится. Удали мой номер. Не звони. Не пиши. Забудь. Найди себе нормального. Без тараканов в голове. Держи своё слово.

– Почему? – выпаливаю, стараясь отвести глаза в сторону, но он будто гипнотизирует меня, не давая этого сделать. – Я же нравлюсь тебе, Егор.

– Когда нравятся, то ходят за ручки и едят мороженное. Я этого делать не собираюсь. Я хочу тебя только трахать, но если сделаю это, то потеряю дружбу, которой дорожу. Я не играю в любовь или отношения. Ясно?

– Ничерта мне не ясно! – гаркаю, вырываясь не только из поля его гипнотического взгляда, но и из жёсткой хватки. – С чего ты вообще решил, что мне нужна любовь или отношения? Меня тянет к тебе, не буду отрицать. И тебя ко мне. Я же вижу. Есть симпатия, но не больше того. То, что ты не вызываешь у меня приступ тошноты и желания втащить, совсем не значит, что я в тебя влюблюсь!

Он вытаскивает сигарету. Закуривает. Делает тягу. Выпускает дым и только после этого смотрит на меня.

– И чего ты хочешь от меня? Что предлагаешь?

– А чего хочешь ты?

– Тебе лучше этого не знать. – ухмыляется одним уголком губ, затягиваясь никотином.

– С тем, что ты хочешь меня трахать, и так всё ясно. Что ещё? Твои условия?

– Кх-кхм. – то ли кашляет, то ли раздумывает над моим вопросом. А вот когда щурится, мне становится реально страшно. – Условия для чего, Дикарка? Что ты хочешь от меня? Быть вместе? Парой? Не вариант. Или тупо секс? Тоже так себе, потому что ты даже целоваться не умеешь, а значит, у тебя его никогда не было.

Блядь, что же я творю? Только сейчас до меня доходит, что я понятия не имею не только о том, чего прошу, но и чего хочу. Выглядит это так, будто я предлагаю ему секс на его условиях только потому, что он не вызывает у меня отвращения. Я просто не хочу, чтобы он уходил. Мне нравится быть рядом с ним и его поцелуй.

Точнее, единственный поцелуй. Мой, вашу дивизию, первый поцелуй.

Сама не понимаю, что делаю, когда начинаю пятиться назад. Улыбка, изгибающая чувственные мужские губы, становится шире и... опаснее. Он надвигается на меня с грацией хищника. Только когда упираюсь спиной в стену, понимаю,

что оказалась в ловушке, в которую сама себя и загнала. Северов вдавликает меня в неё, вжимаясь стальным телом в моё. Руками упирается по обе стороны от головы, нависая надо мной.

– В том-то и проблема, Ди. Ты сама себя не понимаешь. Ты хочешь совсем не того же, чего хочу я. Давай раскидаю по пунктам. Любовь не нужна никому из нас. Так? – киваю, тяжело сглотнув. – Хорошо. Отношения типа прогулок по парку, посиделок в кафе и поцелуев под луной нас тоже не интересуют. Так?

– Так.

– Отлично. Поехали дальше. Чего тогда ты ждёшь, если тебе это не надо? Целоваться часами? Вот это не устраивает меня, потому что поцелуи ведут к последнему варианту. Остаётся только трах. Тебя устроит, что я собью тебе целку, периодически буду навещать, когда мне приспичит, а потом забывать о тебе до следующего раза?

– Зачем ты так говоришь? – пишу, чувствуя себя полной дурой.

– Затем, что я такой и есть. Единственные отношения, которые у меня могут быть – секс. В основном единоразовый. Есть пара постоянных любовниц, которых устраивает расклад, который я озвучил тебе. А тебя он устраивает?

Сдерживая слёзы, сжимаю зубы и с яростью отталкиваю его от себя. Размахиваюсь и опускаю ладонь на его щёку со звонким хлестким звуком. Улыбка вмиг слетает с его краси-

вого лица, которое тут же искажает страшная гримаса, а глаза становятся как у какого-то маньяка из фильма.

Он прикладывает ладонь к красному отпечатку, а потом вытирает пальцами кровь из разбитой губы. Внимательно смотрит на красные мазки, а затем перебрасывает взгляд на меня и шипит:

– Лучше беги, Диана.

И я бегу.

Глава 6

Почему она? Почему, мать вашу, она?!

Дерьмовая идея и самая большая моя ошибка за многие годы: ехать к Диане ночью, пьяным и возбуждённым.

Как только она срывается с места с тихим вскриком, шагаю за ней, наращивая скорость.

Какой-то долей мозга понимаю, что должен остановиться, но в таком состоянии моя жажда крови и желание причинить кому-то боль не поддаётся контролю.

Стоит потерять девушку из виду, перехожу на бег. Превращаясь в животное, действую исключительно на инстинктах.

Сосредоточиваюсь на слухе. В ночной тишине её шаги несутся эхом.

Как только настигаю, ловлю за предплечье, резко разворачивая на себя. Без жалости злобно впиваюсь в губы, всасываю, кусаю, давлю на её стройное и, оказывается, такое хрупкое тело, оставляя отметины от пальцев. Вбиваюсь каменным стволом в лобок, вынуждая её трястись от страха и одновременно желания. Врываюсь языком в рот, но она сжимает зубы, снова пуская мне кровь. С такой силой отшвыриваю от себя, что девчонка еле удерживается на ногах.

Опять кровь... Второй раз за пять минут она делает то, что вызывает во мне неконтролируемую ярость. Я изо всех сил стараюсь с ней бороться, но проигрываю. Сжимая кулаки, шагаю к Дикарке. Она отступает. Пугаю её. Смотрю прямо в глаза.

В её глазах страх. Нет, не страх. Там ужас. И слёзы.

Её глаза... Синие... Яркие... Необычные...

Те самые, в которых я утонул. Которые смотрели на меня так, как ни одни другие.

– Блядь, блядь, блядь... – долблю, сжимая ладонями голову, пытаюсь сдержать свою поганую сущность.

Взгляд на окровавленные губы. Два шага назад.

Моя кровь... Её... На губах, которые касались с такой нежностью и неуверенностью... Из-за меня... в крови...

Нельзя трогать Диану. Нельзя делать ей больно. Её нельзя ударить, сжать до синяков, трахать до боли, кусать до крови. Только не её.

Она всего лишь запутавшаяся девчонка, которая не может разобраться в себе. Милая. Потерянная. Невинная.

Обеими руками хватаюсь за эту мысль. Вгрызаюсь в неё зубами.

Невинная... Нельзя...

Она не из тех девиц, согласных на всё. Я никогда не делаю больно тем, кто не хочет этого хотя бы на подсознательном уровне. Ди не такая.

– Егор? – сипит вполголоса, подходя ближе.

– Не подходи ко мне, дура, блядь! Уходи, Ди! Беги!

Сам иду назад, пока не чувствую твёрдую поверхность под спиной. Скатываюсь по ней, разрывая футболку и царапая кожу. Цепляюсь трясущимися пальцами в волосы, не прекращая борьбы с своей сущностью, чтобы не сделать больно Диане.

– Что с тобой? – трещит она, присаживаясь на корточки напротив меня.

– Блядь, Ди, уходи! – рывкаю, но вынуждаю себя не двигаться, сгребая волосы в кулаках. – Я не хочу опять это делать. Не с тобой!

– Что делать, Егор? Что происходит? Чем тебе помочь? – тарактит, а в голосе реально переживание.

Вскидываю на неё взгляд, а в ответ она только опускается на колени и вцепляется в мои руки, разжимая пальцы. Заставляет отвести их в стороны. Обхватывает лицо ладонями и смотрит прямо в глаза. Никакого ужаса в ней больше нет, но влага никуда не исчезла. Как и страх.

– Егор, что я могу сейчас сделать? – проводит дрожащими пальцами по скулам. Гладит. Успокаивает, как дикого зверя. – Пожалуйста, скажи мне.

– У-хо-ди. – шиплю по слогам, но вразрез со словами не пытаюсь её оттолкнуть.

Закрываю глаза, чтобы не видеть жалости на её лице.

Я говорю ей гадости, делаю больно, а она жалеет меня. Что за девчонка?

С закрытыми глазами я не могу ничего видеть, но чувствую, как она подползает ближе и обнимает за плечи. Прикладывается щека к щеке и шепчет тихие успокаивающие слова в ухо, глядя по спине.

Понимаю вдруг, что приступ жестокости отступил. Впервые за годы, которые я с этим борюсь.

Меня начинает трясти. Сжимая челюсти, толкаю жёстко:

– Держись от меня как можно дальше. Не только сейчас.

Всегда.

– Не могу, Егор. – качает головой, опустив её вниз. – Я не могу тебя оставить в таком состоянии. До моего дома совсем немного. Пойдём туда. Пожалуйста.

Поднимается, протягивая мне руку.

Вскидываю на неё потерянный взгляд.

– Ты боишься меня?

– Сейчас нет.

– А до этого боялась?

Она опять опускается на колени и ловит своими пальцами мои. Не только её руки дрожат, но и мои тоже. И всего трясёт.

– Да.

– А хоть можешь представить, что я хотел с тобой сделать? – рычу, вырываясь из её пальцев.

– Нет.

Лучше бы знала и сбежала, сверкая пятками.

– И ты всё равно приглашаешь меня к себе домой, где не будет никого, кроме нас. Ты вообще о последствиях дума-

ешь?

– Я думаю о том, что не могу сейчас просто уйти и оставить тебя в таком состоянии одного. К тому же я понимаю, что...

Переводит дыхание и падает задницей на асфальт рядом со мной. Дышит тяжело и часто. Пальцами перебирает мелкие камушки, которые находит на земле.

– Что, Ди? – разрушаю молчание, поворачивая на неё голову.

– Что ты изменился в тот момент, когда я ударила тебя. Ты же из-за этого так взбесился, да? Из-за удара?

Блядь, и что мне сказать? Признаться, что у меня срывает башню, как только кто-то поднимает на меня руку или пускает кровь? Может, хоть тогда она поймёт, что чем дальше от меня она будет, тем безопаснее?

– А знаешь, Егор, не отвечай. Я и так знаю, что причина в этом. Сейчас тебе лучше? – цепляет взглядом, будто мысли прочесть пытается.

Всё, что могу сделать – облегчённо выдохнуть, понимая, что меня реально отпустило. Раньше такого никогда не было. Мне не удавалось остановить приступ ярости, не выплеснув её на ком-то. Мне есть определение – садист. Как и мой отец. Но я стараюсь с этим бороться, срываясь только во время секса с теми, кто готов это принять. Бывает, что перебарщиваю, но удаётся обойтись без критических последствий. Пока удаётся...

Опять смотрю на Диану, которая не отводит от меня синих глаз, ожидая ответа, который я не могу ей дать. Не могу признаться в том, что я чудовище, пусть и стоило бы.

– Я в норме, Ди. Иди домой, а я вызову такси.

– Егор...

– Серьёзно, Дикарка, рядом со мной ты никогда не будешь в безопасности.

– Послушай, – поднимается на ноги, снова предлагая мне руку, – я верю, что ты ничего мне не сделаешь. Теперь, когда ты успокоился. К тому же у тебя спина разодрана. Давай хотя бы обработаю царапины и дам какую-нибудь футболку, чтобы ты переоделся.

Очередная не самая лучшая идея за последние пару дней, но я встаю следом за ней, сжимая дрожащие пальцы.

После приступа и спада адреналина даже ноги трясутся. Чтобы не грохнуться, сжимаю ладонями плечи Дианы. Она поднимает на меня голову и почти плачет. Её не меньше меня колотит.

Сгребая её в охапку, чтобы успокоить. Прижимаю голову к своему плечу и глажу по волосам и шее.

– Прости, Ди. – выдыхаю в макушку. – Поэтому я сказал, что у нас ничего не может быть, несмотря на симпатию. Рядом со мной слишком опасно. Я опасен. Для тебя.

– А для других? – отрывает голову, глядя в глаза.

Видимо, она не шутила, когда сказала, что предпочитает видеть глаза собеседника при разговоре.

Меня пугает то, что я думаю, что хотел бы наплевать на все запреты, правила, собственные установки, чтобы хотя бы попробовать построить нормальные человеческие отношения. С ней. Но я не имею на это права. Ладно, сегодня мне удалось сдержаться. Но где уверенность, что я не сорвусь завтра или через неделю? Её нет. Мне стоило бы и дальше гнуть планку и вести себя как скотина, но вместо этого отвечаю:

– Я трахаю только тех, кто знает, на что идёт. Тех, кто пусть и подсознательно, но хотят жестокости. Это не про тебя. И дело даже не в том, что ты девственница, а потому что ты не такая.

– Ты меня не знаешь, Егор. – шуршит одними губами.

Опускаю ладонь сзади на её шею, вожу большим пальцем от горла до подбородка.

– Я чувствую это желание в людях. В тебе его нет.

Она мягко высвобождается из моих объятий и берёт за руку. Разрешаю ей это сделать, потому что её прикосновения изнутри согревают. Молча иду за ней к дому. Она открывает дверь и скидывает обувь. Делаю то же самое и иду следом.

– Егор, подожди в ванне. – головой указывает на дверь. – Я быстренько загоню байк и займусь твоей спиной. Если надо, можешь пока искупаться.

С этими словами выходит, оставляя меня одного.

Свалить бы мне по-хорошему, но я опять делаю то, чего не должен. Вхожу в ванну, стягиваю футболку, морщась от боли. Поворачиваюсь спиной к зеркалу, рассматривая длин-

ные кровавые полосы на коже, испачканные кровью джинсы.

– Пиздос. – буркаю, стягивая штаны вместе с боксерами и вставая под душевую лейку.

Вода пусть и не горячая, но кожу на спине жжёт до боли. Сжимаю кулаки и зубы, глядя на розовые потёки, скользящие по ногам на светлый мраморный пол.

Что же я вытворяю? Почему стоило услышать голос Ди и вместо того, чтобы отказать ей во встрече и устроить секс-втроём, выставил обеих девах и рванул к ней? Нахрена рассказал, какой вижу её? Зачем вообще намекнул на какие-то отношения? Для чего признался, что она мне нравится? Надо было просто продолжать быть мудаком. Вот только проблема в том, что несмотря на то, что больно я ей всё же сделал, я смог держать себя в руках и подавить ярость, чтобы не довести начатое до конца. Из-за неё.

Эта девчонка не перестаёт меня удивлять. Я столько дерьма натворил, а она вместо того, чтобы послать меня на хрен или сбежать, успокаивала меня. Жалела, как маленького ребёнка. Привела в дом, понимая, какие последствия это может иметь. И я понимал, но всё равно пошёл за ней, потому что, блядь, не хотел отпускать. Не хотел возвращаться в пустую квартиру. Не хотел ехать обратно в бар или к Кате – второй своей постоянной любовнице, чтобы спустить оставшееся напряжение.

Громкий стук в дверь вырывает меня из оцепенения. Поднимаю голову и нервным движением провожу пальцами по

мокрым волосам.

– Егор, я принесла одежду. Жду под дверью.

Смываю кровь и обматываю бёдра полотенцем, чтобы не заставлять Диану долго ждать. Надо покончить с этим как можно быстрее и свалить.

Открываю дверь и сталкиваюсь лоб в лоб с Дикаркой. От удара она отлетает назад. Ловлю её за талию, автоматически прижимая к груди. Её сердце колотит с такой дурью, что вибрациями по моим рёбрам отдаёт. Её дыхание рваное, поверхностное, шумное. У самого за грудиной бунт разворачивается. Вдыхаю её запах, который всё ещё не могу распознать. Ползу ладонями вниз по спине.

– Ты реально под дверью караулила? – выталкиваю, пока не натворил глупостей.

– Не-а, – отбивает, тряхнув волосами. Щекочет мою кожу. – думала, что ты не слышал. Собиралась ещё раз постучать.

Пробегает пальцами по мышцам на груди, а я еле сдерживаюсь, чтобы не застонать в голос от её неопытных, но смелых действий.

– Ди, – перехватываю её запястье, – я серьёзно говорил. Не стоит нам даже начинать.

– Я же нравлюсь тебе. Не только из-за секса. Я тоже могу кое-что замечать, Егор. – шелестит, зацепив глазами.

Нравится? Не просто нравится. Меня к ней тянет. Непреодолимо. Ненормально. Невозможно. Аномально.

– Блядь, Дикарка... – толкаю на выдохе, делая шаг назад. – Нельзя нам. – вхожу в ванну, но не спешу закрывать дверь. Стоило бы, знаю. – Диана, – скрипит зубами, но больше ничем себя не выдаёт, – после всего, что ты видела и что я сделал, неужели тебя это не пугает?

Прикрыв веки, поджимает губы, трёт пальцы друг об друга, глубоко вдыхает.

– Пугает. Мне в жизни не было так страшно, но... Егор, я не могу с этим бороться. Меня к тебе как магнитом тянет. Я стараюсь сопротивляться, но не выходит. Что мне с этим делать? – бомбит хрипло и только после этого признания открывает глаза, глядя прямо в мои. – Что? – последнее уже с очевидным отчаянием.

Хотел бы я и сам знать ответ на этот вопрос. Я понятия не имею, как выкручиваться из этой ситуации. Погано уже то, что приходится сдерживать себя. Но вот как не подпускать к себе Ди, когда хочется снова поцеловать, обнять, ощутить её вкус и запах? Без понятия.

– Сейчас я оденусь и уйду. Больше мы никогда не встретимся. Никаких звонков, смс, разговоров.

Она прихватывает зубами нижнюю губу до побеления и кивает.

– Хорошо. Только я сначала обработаю царапины, и мы разойдёмся в разные стороны.

Не отвечая, закрываю дверь и натягиваю шмот. Загребая кислород до предельной отметки. Позволяю девушке смыть

опять выступившую кровь, промыть перекисью и залепить пластырями самые глубокие раны. Делает она всё это в гробовой тишине, нарушаемой только нашим нестабильным дыханием и моим шипением.

– Извини. Я стараюсь осторожнее, но у тебя вся спина разодрана.

– Нормально. Это мелочи.

По сравнению с её руками на моей коже и дыханием на затылке. Вот это уже серьёзно. Крепко по шарам бьёт. Скрежещет зубами, выдерживаю всю процедуру лечения. Как только Дикая оповещает об окончании, подскакиваю на ноги и натягиваю футболку, которую она притащила. Не оглядываясь, иду на выход. Уже у двери она меня окликает. Сворачиваю пальцы в кулаки. Выдаю оборот на сто восемьдесят градусов.

– Что ещё? Мы договорились.

– Твои вещи. – суёт мне в руки пакет.

Блядь, и думать о них забыл.

– Спасибо. – буркаю, намереваясь как можно скорее уйти, потому что искушение слишком велико.

Она сняла мотоциклетную форму и теперь на ней короткие шорты и обтягивающий топ.

– Егор.

– Что опять?

– Нам придётся ещё раз встретиться, чтобы ты отдал мне одолженные вещи. Это Андрея. Не думаю, что сможешь вернуть их через НикМака.

Блядь, и об этом я тоже не подумал. Стоит кивнуть и свалить, но в голову снова лезет мысль, которой быть не должно.

– Твои знают, что ты в городе?

– Когда узнают, то я труп. – растягивает персиковые губы в невесёлой усмешке. – Думала, что успею вернуться, пока все спят, но Тима спалил и уже заложил меня Андрюхе. Так что можешь не волноваться, больше ты меня точно не увидишь.

Не моё это дело, конечно, но опять меня не в ту степь несёт. Не хочу, чтобы ей влетело.

– Андрюха сможет тебя прикрыть перед остальными?

– Если захочет, то сможет, но что я ему скажу? Не могу признаться, для чего уехала ночью. Он не поймёт.

Я с ним мало общался, но тот разговор за сигаретой многое мне прояснил. Он заметил, что нас с Дианой тянет друг другу, пусть и не сказал прямо.

– Нехило вляпались мы с тобой, да, Дикарка? – поднимаю вверх один уголок губ.

– Почему мы? Ты здесь не причём. Ты собирался уходить, так иди, Егор. Я и так уже достаточно говна натворила, мне его и разгребать. Ещё и наговорила тебе кучу всего. Я сама не знаю, чего ждала и хотела. Сначала просто хотела понять, а потом... Сама не понимаю в какой момент начала думать, что у нас могло бы что-то быть. Ты прав, нам не стоит даже начинать, пока всё не зашло слишком далеко.

– Ты всегда такая прямая? – хриплю, шагая к ней.

– В основном.

– Что же ты творишь со мной, Ди? Как тебе удалось всего за несколько часов сорвать мне башню? Почему не отпускаешь?

– Я не держу тебя.

– Держишь.

Ставлю взрыв на таймер, сжимая её в объятиях и обжигаясь губами.

Глава 7

Начало, которое стало концом

Время...

Оно замирает. Оно летит мимо. Оно теряет свой ход. В тот момент, когда я касаюсь губ Дикарки, мы оказываемся вне времени. Вне пространства. Вне реальности. Мы за пределами запретов и страхов. За пределами сомнений и обид.

Есть только мы и поцелуй, который останется в нашем с ней мире, в то время как мы вернёмся в реальный.

Я не могу оторваться от неё. Не могу отпустить. Не могу перестать касаться. Всю силу воли трачу на то, чтобы не прижиматься к ней максимально и не сорваться.

Руки исключительно на спине. Веду ладонями от талии до лопаток. Прикосновение к голой коже разливается по ней мурашками. Трогаю их подушечками пальцев, продолжая лизать её губы.

Она цепляется пальцами в мои плечи, царапая короткими, но острыми ногтями. Тихо стонет, когда ныряю языком в её рот. Отвечает смело, пусть и неумело. Учится очень быстро. Если бы не знал, что я украл её первый поцелуй, то и подумать не мог бы, что ещё пару часов назад эта девушка не умела целоваться. С каждой секундой её уверенность растёт,

как и моё желание, но я держусь, чтобы не натворить дел.

В который раз нарушаю собственные правила и сдаюсь ей. Пиздос, как меня от неё прёт. Знаю, что должен остановиться. Знаю, что должен уйти.

Сердце гремит. Кровь бежит по венам на предельной скорости. Дыхания не хватает. Если я немедленно не отпущу её, то оба задохнёмся от нехватки кислорода.

Сжимаю руки на тонкой талии и отодвигаю её от себя. Одновременно воздух хватаем. Им же захлёбываемся.

Надо валить. – мелькает в голове, но вместо этого опять притягиваю Диану ближе.

Глаза в глаза. Чётко и бесстрашно. Не разрывая зрительного контакта, она прикусывает мою нижнюю губу, оттягивает, гладит мокрым языком.

Заводит, сука, до безумия её прямога. Несмотря на то, что упираюсь горящим членом вниз её живота, самоконтроль удаётся удерживать.

– Отпусти меня, Дикарка. – выдавливаю ей в рот.

Слишком слабая это попытка, потому что сам продолжаю сдавливать её нежное и хрупкое тело.

Она убирает руки с моих плеч и сползает ладошками на ключицы.

– Только если и ты меня отпустишь.

Опускаю руки вдоль тела. Мы не прикасаемся друг к другу, но никто из нас не уходит.

Это нереально сделать, и мы оба это понимаем. Не физически держим. Ментально, душевно, внутренне, телепатически. Намного глубже эта связь. Не там, где её можно найти и разорвать.

Не шевелимся. Только лёгкие падают на износ, а дребезжащие сердца эхом разносят стук по комнате.

Кто из нас сдастся первый? Кто сделает шаг? Вот только куда? Назад или вперёд? В одну сторону или в противоположные?

Ну почему, мать вашу налево, я не могу просто взять себя в руки и уйти? Должен...

Шаг. Мой. Её. Навстречу. Её руки на моей шее. Мои на её бёдрах. Сжигаем расстояние. Встречаемся губами. Сплетаемся языками.

Давлю одной рукой на поясницу, а второй поднимаюсь выше, на шею, под волосы. Сжимаю затылок, вынуждая прогнуться. Толкаюсь языком до конца. Гладит в ответ. Ласкает. Прикусывает. Заводит, сучка, до безумия. Доводит до края. Толкает в пропасть. Сгораем мы в этом пламени.

И реально сгорим, если не остановимся, потому что я уже на грани. Понимание, что мы с ней одни в огромном доме, и она не станет останавливаться или тормозить меня, если я сейчас предложу подняться в спальню, плавит мой мозг и нить контроля. Пусть сейчас я держусь, но не уверен, что не превращусь в животное, как только исчезнут шмотки.

– Хватит, Дикарка. – толкаю ей в рот, но вместо этого её

язык скользит в мой.

Блядь...

Слюны выделяется столько, что она сползает с края губ и течёт по подбородку Дианы. Ловлю её языком и заталкиваю обратно, одновременно сглатывая свою. Ди повторяет моё действие. Срываю руки с её тела и упираюсь спиной во входную дверь, тяжело дыша.

Вот только опять не покидаю зону повышенной опасности. А эта синеокая Демоница снова впечатывается в моё тело.

– Бля-я-ядь... – выстанываю на выдохе, прижимая её к грудной клетке.

Она пропускает свои руки под моими и обнимает за спину, опустив голову на плечо, тихо шепчет:

– Что нам с этим делать?

Забиваюсь воздухом. Глажу ладонью по волосам. Перебираю чёрные пряди.

– Не знаю, Дикарка. – блядь, я реально не знаю, как мне уйти. Как отказаться от неё. – Но мы должны. Мы не можем быть вместе. Ничего не выйдет.

– Почему, Егор? Из-за твоих приступов? – голова вверх, взгляд в глаза.

– Это не просто приступы, Диана. – напрягается, но опять не возражает. – Я не могу себя контролировать. Не могу сдерживать. Когда это случается, мне надо сделать кому-то больно, чтобы избавиться от ярости.

– Но сегодня ты смог. – шуршит, касаясь тёплыми влажными губами к уголку моих.

Смотрю на её искусанные губы. Провожу по ним подушечками пальцев. Девушка хмурится, вижу, что ей больно.

– Не совсем.

– Егор... – затыкаю ей рот, на секунды прижимаясь губами.

– Нельзя нам, Ди. Я опасен. Я могу... Нет, не просто могу, я сделаю тебе больно, потому что не умею по-другому. Я озверею в самый неподходящий момент, и тогда уже ничего нельзя будет исправить.

Я не говорю ей о том, что случится это как раз тогда, когда я должен буду быть как никогда сдержанным и нежным, чтобы лишить её невинности.

Блядь, да какого дьявола я вообще об этом думаю? Не стану я ей целку сбивать. Нет у меня на это права.

Отпускаю тяжёлый выдох. Она сильнее сжимает замок из своих рук на моей пояснице, будто чувствует, что я собираюсь уйти.

– Побудь со мной ещё немного. Хотя бы сегодня, а потом... Обещаю, что никогда больше не побеспокою тебя. Только до утра. Пожалуйста.

Близнецы говорили мне, что она пацанка, оторва, ненормальная. Но почему-то я не вижу её такой. Она милая, нежная, маленькая девочка, которая хочет любви. Любви, которую я ей дать не способен.

Опять смотрю на неё, понимая, что не могу отказать ей сейчас. И вообще не могу. Пусть у нас будет эта ночь, а потом я сделаю всё, чтобы больше никогда с ней не встречаться. Если придётся, то разорву дружбу с Ником и Максом, как бы сильно не дорожил ей, потому что вдруг понимаю, что Дикарка для меня важнее.

Блядь, да как? Как, мать вашу налево, это возможно?

"Когда душа приходит в наш мир, она разделяется на два тела" – всплывает откуда-то из глубин подсознания, как ответ на все вопросы.

Не может этого быть. Просто не существует второй половины для такого, как я.

Сильнее сдавливаю её плечи, понимая, что у нас реально ничего не может быть, кроме этого момента. Мне придётся уйти раз и навсегда. Я никогда не смогу сделать ей больно, но проблема в том, что когда накатывает ярость, это – уже не я. Это – монстр, которому плевать, кто перед ним.

– Ты останешься до утра? – смотрит с мольбой в глубоких синих глазах.

По сути, уже утро, и мы оба это понимаем, когда смотрим на часы, висящие на стене.

– Останусь, Ди. Надо ещё решить вопрос с твоими, чтобы тебя не пришибли. – высекаю с улыбкой, а внутри воюю.

– Тогда это решило бы все наши проблемы. – её улыбка тоже вымученная.

И она понимает, что наше начало станет концом.

– Набери Андрея. – командую коротко, отодвигая её, но не переставая касаться.

Не могу, блядь, остановиться. Сука, как же мне сейчас стрёмно. Не только своего внутреннего монстра боюсь, но и чувств и мыслей, которых не должно быть.

– Что я ему скажу? Он меня по стене размажет.

– Я сам поговорю. – её глаза удивлённо округляются, а в зрачках страх и сомнение. – Не бойся, о нас ничего не скажу. – веду пальцами по её скуле. – Давай, Дикарка, доверься мне.

Она вытягивает из кармана телефон, разблокирует графическим ключом и набирает номер брата, передавая мне мобилу дрожащими руками. Зажимаю между ухом и плечом и снова притягиваю девушку к себе. Пока в трубке идут гудки, целую.

– Наконец-то, Даня! – рявкает Андрей мне в ухо.

Прикрываю ладонью микрофон и толкаю еле слышно, обращаясь к Диане:

– Я выйду. Покурю и пообщаюсь. Всё будет гуд.

Она кивает. Через силу отрываюсь от неё, выходя на свежий воздух. Прежде чем вытащить сигареты, говорю в трубу:

– Андрюха, это Егор.

Знаю, что идея далеко не самая лучшая, но просто не имею ни малейшего понятия, как иначе прикрыть Ди. К тому же это наша последняя с ней встреча.

– Какого хрена у тебя её мобила? – рычит он.

Подкуриваю. Затягиваясь.

– Она сейчас со мной. – выдыхаю вместе с дымом.

– Блядь, как это понимать? Какого хера вы делаете ночью вместе?

– Андрей, послушай меня сейчас, не перебивая, пожалуйста. Скажу как есть, чтобы ты ничего себе не надумал.

– Егор, блядь, если ты её...

– Нет. И не трону. – обрубая после новой затяжки. – На озере между нами кое-что произошло. И тогда, на пляже, ты всё правильно понял. И ночью я уехал из-за неё. Она рванула за мной, потому что хотела ответов. Она их получила. Ты сам сказал, что Диана не ребёнок и знает, что делает.

– И что же она делает? – шипит злобно.

– Пытается разобраться в себе и в том, что между нами. Не перебивай. – толкаю, когда он собирается что-то сказать. – Я объясню. То, что я сказал тебе – правда. У нас ничего не может быть, потому что я не собираюсь заводить отношения вообще с кем-либо. Она позвонила мне и попросила встретиться.

– И ты сразу рванул к ней?

– Да, рванул, чтобы дать понять, что никуя не выйдет. Сейчас я верну ей телефон и уеду. – по крайней мере, я на это надеюсь. – Больше мы с ней не пересечёмся. Она всё поняла. Только сделай так, чтобы ей не влетело.

Достаточно и того, что делаю я. Не хочется, чтобы сверху ещё и предки нападали.

– Почему ты защищаешь её, если едва знаешь?

Блядь, очередной отличный вопрос.

– Потому что она запуталась. Сама не понимает, что делает. Дай ей время понять и разобраться. – дым в воздух. Слышу, что и он глубоко затягивается, а потом шумно выдыхает. – Даю слово, что не прикоснусь к ней.

– Я тебя не понимаю, Гора. Ты сам сказал, что между вами что-то есть. Защищаешь. Среди ночи не летят, чтобы сказать, что ничего нет.

– Подловил. – выбиваю с невесёлой усмешкой. – Есть. Но никакого продолжения не будет. Есть причины. И очень веские.

Опускаюсь задницей на ступеньки, складывая руки на коленях.

– Не знаю, какие там у тебя причины, но понимаю. Окей, я её прикрою. Передай Дане, что я еду домой. Если что, родакам скажем, что я уехал, а она попросилась со мной. Тиму заткну, чтобы не ляпнул. И Егор, – задерживаю дыхание, потому что его тон резко меняется, – сделай так, чтобы ей не было больно. Я впервые вижу сестру такой серьёзной. Вижу, что у неё к тебе не просто интерес.

М-да уж, совсем не просто. Знал бы он...

– Прости, Андрюх, но этого обещать не могу. Иначе не выйдет, хотя я этого и не хочу.

– Блядь... Может, что-то можно сделать с этими твоими причинами? – высекает с явной надеждой.

Понимаю, что он любит сестру и заботится о ней, но удивляет меня то, что он будто насквозь видит не только её, но и меня.

Если бы я только мог хоть что-то сделать со своей животной натурой, то я бы в жизни не отказался от Ди. Но я не могу.

– Соррян, не выйдет. Мне пора.

Сбрасываю вызов, потому что в этот момент из дома выходит Диана и опускается рядом.

Возвращаю ей телефон и передаю слова брата. Закуриваю новую сигарету. Девушка сидит от меня сантиметрах в двадцати, что должно меня радовать, вот только никакой радости нет. Хочу касаться её.

Вытягиваю руку в её сторону, приглашая. Не раздумывая, придвигается ближе, опуская голову на моё плечо. Пока курю, молчим. Глажу подушечками пальцев её плечо. Она водит своими по моему колену.

– Егор, – разрезает хрипло, – это правда конец?

Взгляд в глаза. Отвожу свои в сторону. Сглатываю тяжёлый ком в горле. Сильнее вжимаю в себя.

Если бы я только мог измениться, но я не могу.

– Да, Дикарка. Пойми, что по-другому не получится.

– Может, я всё-таки могу чем-то помочь? Что-то сделать, Егор? Или обратиться к врачам, психологам? Я не хочу, чтобы ты уходил. Я не знаю, как такое возможно всего за пару дней, но это уже случилось. Я не хочу отпускать.

– Блядь, Диана... Диана... Диана... – повторяю её имя, как заведённый. – Думаешь, я не пытался? – сжимаю пальцами её подбородок. – Пытался. Много раз. Диана... Блядь... Блядь...

Сука, отчаянием кроет. Орать во всю глотку охота, но не могу себе этого позволить. Если я не умею любить, то что происходит сейчас? Просто симпатия? Притяжение? Нихуя не просто. Но не может же это быть любовью? Нельзя полюбить с первого взгляда. С первого вдоха. С первой улыбки. Не бывает так. Я должен уйти. Должен, но вместо этого ловлю её губы своими.

Целуемся, пока небо не начинает сначала сереть, а потом его не заливают светом от выкатившегося из-за горизонта огненного шара.

Сжимаю руки в кулаки у неё на спине, собирая в них всю решимость свалить, но всё равно продолжаю обнимать и ласкать губами и языком.

Пространство разрывает рёв мотора.

А вот и Андрюха.

Отстраняюсь от Дикарки, но она цепляется руками в футболку и плечи. Губами в мой рот.

Сдавливаю её предплечья и отрываю от себя, одновременно с этим поднимаясь на ноги.

Прежде чем уйти, бросаю взгляд на её лицо. Лучше бы я этого не делал. Лучше бы не видел слёз в её глазах и про-

зрачных капель, стекающих по щекам.

– Прощай, Дикарка. – выталкиваю из сжатого до боли горла.

Шаг перерастает в бег, потому что иначе я останусь.

Так надо. Ради неё. Как бы паршиво не было самому, я делаю это, чтобы защитить Диану от самого себя.

Пролетаю мимо ошарашенного Андрея, не проронив ни слова.

– Егор! – летит сзади её крик.

Не останавливаюсь.

Нельзя.

– Прости, Ди, но так надо. Так лучше. Для тебя.

Глава 8

Ненавижу совпадения

Три месяца спустя

– Даня, вечером всё в силе? – толкает Денис, нагоняя меня на парковке института.

– Ессена. Что за вопрос? – отбиваю, косясь в его сторону, но не притормаживая.

Мне срочно надо сесть на Кавасаки, выехать на трассу, набрать предельную скорость и проветрить голову.

– За тобой заехать? – спрашивает Ден, подстраиваясь под мой шаг.

– Сама доберусь. Не парься. Встретимся на месте в девять.

– Ок.

– Пока.

– Пока.

Быстро натягиваю шлем и завожу мотор, пока он не завёл старую песню. Знаю, что нравлюсь ему, но сразу дала понять, что мы можем только дружить. После истории с Егором я поняла, что мне надо завести новые знакомства вне круга семьи, чтобы не свихнуться к чертям собачьим. Из-за этого парня я отдалилась от НикМака, потому что знаю, что они

продолжают общаться. А я не хочу ничего о нём слышать.

В то утро, когда он ушёл, я проревела почти весь день, потому что мне было, как никогда раньше, не просто обидно, но и больно. Я и до этого знала, что от любви нельзя ждать ничего, кроме боли, но благодаря Егору убедилась, что нельзя позволять себе влюбляться.

Я не отрицаю, что умудрилась влюбиться в него всего за несколько часов, потому что умею здраво мыслить. Глупо не признавать очевидного. Но больше никогда такого не повторится. У меня новая жизнь. Я поступила в институт. Стараюсь подстраиваться под окружающих, чтобы завести себе друзей, а в будущем, возможно, и отношения, но пока все парни, которые подкатывали ко мне яйца, вызывают те же реакции, что и их предшественники. Омерзение и тошноту. Предпринимала я попытки себя перебороть, но не могу. Не выходит. Это сильнее меня.

Покидаю территорию города. Выкручиваю газ. Несмотря на тёплую одежду, пробирает до костей. В середине октября сильно не погоняешь, а скоро и вовсе придётся ставить байк на зимовку в гараж, а я так не люблю с ним расставаться. Придётся ездить с кем-то из братьев на машине, потому что прав у меня нет. И вообще, я ненавижу машины, пусть на это у меня есть веские причины, как и с входом в воду.

Все мои фобии вытекают из одного эпизода в далёком прошлом. Вода, машины, любовь... Всё в одной куче. По-мойной и вонючей.

Надо было выбрать универ поближе к дому, чтобы можно было ходить пешком. Вообще-то я его и выбрала, но потом, пока не поздно, перевелась в другой, на факультет психиатрии. Думаю, причины этому решению озвучивать не надо. Глупо, конечно, учитывая то, что Северов остался в том летнем дне. Но желание понять его приступы осталось со мной.

Никто, кроме Андрея, так и не узнал правду о том, что случилось на озере и после. Я просто не могла молчать, поэтому, давясь слезами, рассказала ему всё от начала до конца. Даже о том, как Егор набросился на меня, как кусал, как оставлял синяки, на что брат только ответил, что теперь ему всё ясно.

Ему, но не мне. Я до сих пор не понимаю, почему Гора даже не дал нам шанса.

Смотрю на время. Тяжело вдохнув, разворачиваю байк в сторону города, потому что у меня ещё встреча, а потом мы с Деном идём в ночной клуб. Мне надо развеяться как следует, потому что на выходных меня ждёт очередное исследование по психологии.

Братья уже полтора месяца смеются над тем, что я провожу не только вечера, но и выходные за книжками, компом, трудами докторов психологических наук, но я только тычу им факи и посылаю словами. Раньше меня дома днём с огнём не сыщешь, а сейчас не выгонишь оттуда.

Сама не знаю, чего я хочу этим добиться, но во чтобы то ни стало решила разобраться в причинах не только поведе-

ния Егора, но и в своих проблемах.

Только Андрей постоянно хмурится и внимательно наблюдает за мной, будто может что-то упустить. С того дня мы больше не разговаривали о случившемся, но он перестал относиться ко мне как к маленькой, поставив на одну ступень с собой. Что немаловажно, потому что в нашей семье он самый взрослый не только по возрасту, но и по разуму.

Входя в кафе, сразу нахожу глазами нашего профессора. Она специалист по расстройствам личности. Написала шесть диссертаций на эту тему.

Встречаемся мы здесь потому, что на первом курсе изучаются только азы психологии, а меня интересует совсем другая тема. Сложно было уговорить её встретиться в неурочное время, так ещё и за пределами универа, но, рассказав ей о случившемся и словах Егора, я смогла её заинтересовать.

– Добрый вечер, Маргарита Николаевна. – здороваюсь, занимая место напротив.

– Добрый вечер, Диана. Я много размышляла о твоём рассказе, но что-то не сходится. – хмурю брови, ловя каждое её слово. – СЛР¹ редко проявляется только в одном из аспектов жизни. Обычно люди с таким расстройством доминируют не только во время секса, но и в социуме. Они стараются подавить других, унижить, оскорбить. Тот парень, о котором ты говорила, делал что-то подобное? Старался тебя подавить? Поставить ниже себя? Намеренно напугать? Возможно, ты замечала, что он делает это с другими?

– Нет. Всё было хорошо. Он очень внимательно ко мне относился. Он сам сказал, чтобы я держалась от него подальше, чтобы не сделать мне больно. Если бы не вся эта ситуация, то я бы в жизни подумать не могла, что с ним что-то не так. Он был абсолютно нормальным. – решаю быть максимально откровенной, потому что вся информация, которой я владею, собрана из того, что я сама видела и что говорил Егор. Рассказываю о том, какие варианты развития событий он мне предлагал, чтобы профессор поняла, почему я его ударила. – Только после этого он изменился. Будто другим человеком стал. Глаза, выражение лица, даже тело словно окаменело.

– Хм... – задумчиво тянет собеседница, ставя на стол кружку с кофе. – После твоего удара? – киваю. – Возможно, что дело в насилии в семье или за её пределами. – внутри всё в лёд превращается. Меня заметно перетряхивает, что не ускользает от женщины. Прочитав на моём лице все мысли, она продолжает. – Ты всё верно понимаешь, Диана. Это насилие могло быть как рукоприкладством, так и сексуальным. Причин много, но если он говорил, что срывается во время полового акта, то я склоняюсь ближе ко второму варианту. Обычно люди делают больно другим там, где сами испытывают боль. Понимаешь, о чём я?

– Понимаю. – шепчу побелевшими губами.

Неужели кто-то мог?.. Вот так?.. Я знаю, что в мире дофига больных людей, но никогда не думала, что с толкнусь с ними или с их жертвами.

Жертва...

Какое ужасное слово. Отравляющее. Унизительное. Мерзкое. Грязное. Больное. Жестокое.

По коже липкий ледяной пот растекается. Меня опять передёргивает. Кофта липнет к спине.

Блядь...

– Хорошо. Я стараюсь говорить как можно доступнее, потому что психология очень сложная тема с невероятным объёмом терминов, фобий и расстройств. Если бы я смогла встретиться с ним, чтобы понять, что именно произошло, то нашла бы не только причину, но и путь к лечению. Есть предположение, что так же у него может быть ССР². Но точно можно выяснить, только при личной встрече

– Не думаю, что это возможно. – рассказываю ей всё остальное до того самого момента, как он ушёл. Понимаю, что вываливаю лишнее, но не знаю, что из этого может оказаться важным, а что нет. – Поэтому я и сказала, что вряд ли случится с ним встретиться. Мы не общались с того момента. Не думаю, что могу просто позвонить и попросить приехать к вам.

Сжимаю ледяными руками кружку с кофе, принесённую официанткой, но согреться мне никак не удаётся. Пальцы дрожат. Сердце о рёбра разбивается в кровь. Дыхание стопорится до необходимого для поддержания жизни минимума.

– Ещё одна странность, которая меня привлекла в твоём рассказе – это то, что он старался с этим бороться. Обычно

люди с СЛР либо отрицают свою проблему, либо принимают себя такими, решая, что всё это нормально. Теперь я начинаю сомневаться, что это – СЛР. Я склоняюсь к тому, что это приступ неконтролируемой агрессии. Но опять же странно, потому что он осознанно проявляет жестокость во время секса и неосознанно срывается от удара. Возможно, что здесь и то, и другое.

– Он понимал, что делает, но не мог остановиться. – толкаю в попытке защитить Егора, сама не зная почему и от чего. – Он сказал, чтобы я бежала. И потом тоже...

– Хорошо, что он встретил человека, которому не всё равно. – говорит, глядя прямо в глаза. – Думаю, что помочь ему можно. Не знаю, как он старался остановить это раньше, но, очевидно, не помогло. Я готова взяться за это дело, но ты же понимаешь, что он должен сам прийти ко мне? По собственному желанию захотеть избавиться от своей проблемы, а это значит, что если ты хочешь помочь, то придётся найти способ.

– Я всё понимаю, Маргарита Николаевна. Я попробую что-то придумать, но не могу ничего гарантировать.

– Всё в твоих руках, Диана.

Спустя несколько часов, за которые она расписала мне всё по пунктам, я успела раз десять сойти с ума. Не знаю, чего я хотела этим добиться. Просто понять? Я нихера не поняла. Только больше запуталась.

Егор вычеркнул меня из своей жизни, а я не могу просто

вернуться в неё как ни в чём не бывало.

Блядь, я же знала, что имеющейся у меня информации недостаточно даже для нормального анализа его состояния, но всё равно уговорила её встретиться, пусть и понимала, что кроме разъяснений ничего не получу.

Невероятно, но один из ведущих психиатров нашей страны готова помочь Егору даже без денег, а я понятия не имею, как воспользоваться этим шансом.

К тому моменту, как встречаемся с Денисом возле клуба, я чертовски злая, ужасно расстроенная, невероятно потерянная и невозможно подавленная.

– Что с тобой? – трещит друг, как только скидываем верхнюю одежду.

– Нихера хорошего. – рывкаю, направляясь сразу к бару.

Мне хочется не просто выпить. Мне хочется нажраться в хлам, чтобы вообще перестать соображать. Отключиться от этой проклятой реальности. Вообще вылететь из неё на хрен и никогда не возвращаться.

Блядь, знаю же, что сама виновата во всём, что происходит со мной сейчас. Я должна была просто отпустить Егора. Выбросить из головы. Вычеркнуть из жизни. Вырвать из сердца. Выжечь из воспоминаний. Но я тупорылая идиотка, которая поставила себе цель разгадать эту загадку во чтобы то ни стало. А смысл? Какой во всём этом смысл, если я пойму, но ничего не смогу изменить? Надо было поступить с ним так же, как и он со мной. Но я просто не смогла.

Выдохнув, заливаю в горло весь стакан виски с колой, который мне заказал Ден, проигнорировав трубочку.

– Никуда ты. – толкает, когда ставлю на стойку пустую тару и прошу бармена повторить.

– Дохуя, Ден. – я честно старалась избавиться от всех матов, но сегодняшней день просто выбил меня из колеи.

– Блядь, Дань, да что с тобой?

Глубоко вдыхаю и делаю маленький глоток коктейля, стараясь успокоиться и не срываться на ни в чём не повинном парне. Шумно выпускаю воздух и снова забиваюсь им. Сдавливаю пальцы в кулаки, вгоняю ногти в кожу, прикусываю язык.

– Соррян, Ден. День поганый. – хватаю свой бокал и иду к зоне со столиками, потому что за баром нет мест. – Не хотела на тебе срываться. Серьёзно, сорри.

Занимаем один из немногих свободных столиков. Мы специально приехали пораньше, чтобы успеть оккупировать место, потому что через час здесь не только негде будет присесть, так ещё и протолкнуться. Ночь пятницы выгоняет из домов всех желающих проветриться по клубам, барам и кафе, потому что на улице начинает накрапывать мелкий дождик.

Парень смотрит на меня и стягивает брови к переносице, а мне хочется его шибануть, потому что этим действием он напоминает мне Егора.

Держись, Даня. Не сходи с ума. Он ни в чём не виноват.

Денис вообще не в курсе твоей истории, так что нет причин его бить. К тому же он твой единственный друг, пусть и с надеждой на большее. Рано или поздно ты всё равно его потеряешь, так что потерни. – убеждаю сама себя.

– Ты встречалась с Маргаритой, как её там?

– Николаевной. Да, встречались. – отбиваю, растягивая взгляд по танцполу.

– Не расскажешь, зачем тебе это было надо?

– Просто у меня иногда появляется желание разорвать на части тех, кто задаёт тупорылые вопросы. – рычу, но сглаживаю злость лёгкой улыбкой. – Это моё дело.

– Ок. Понял. Не лезу. – бурчит, улыбаясь, но скрыть обиду в голосе ему не удаётся.

Сжимаю пальцами его кисть, вынуждая посмотреть в глаза. Понимаю, что совершила ошибку, когда он накрывает мою руку ладонью. Резко одёргиваю её и поднимаю бокал, обхватывая губами трубочку.

– Даня...

– Ден, я уже сказала, что между нами ничего никогда не будет.

– А с кем будет? – делает большой глоток.

Неужели он привёл меня сюда, только чтобы попробовать снова подкатить?

Что же с тобой не так, Диана? Почему ты не можешь найти себе нормальную подружку, которая не будет мечтать залезть тебе в рот и в трусы?

– Ни с кем не будет, Денис! – срываясь, поднимаюсь на ноги. – Мне по кайфу быть одной!

Я больше ни за что на свете ни привяжусь ни к одному человеку. Никогда не влюблюсь. Вырву, наконец, из себя Егора и буду жить дальше. Мне страшно даже думать, что этот парень навсегда забрал у меня желание быть с кем-то, кроме него. Почему именно тот, с которым у меня ни единого шанса?

– Потанцуем? – предлагает как ни в чём не бывало спустя несколько минут.

– Только после ещё пары стаканов. – отказываюсь, тряхнув головой.

На танцполе мы в итоге оказываемся после трёх бокалов. Держимся ближе к столикам, следя, чтобы никто не занял наше место или не спёр вещи.

Народу море, но это не мешает мне делать вид, что я одна посреди площадки. Не знаю, что на меня так действует: алкоголь или решение раз и навсегда отпустить Егора. Но я ощущаю себя нереально лёгкой, счастливой, сексуальной, свободной.

Все попытки друга взять меня за талию или за руку, пусть даже ради танца, пресекаю на корню.

Не то чтобы мне были прям противны его прикосновения. В конце концов, он же не целоваться ко мне лезет, просто не хочу, чтобы он меня лапал.

Когда клубняк сменяется на медленную музыку, прини-

маю решение отдохнуть от бешеных танцев и приговорить ещё один коктейль, но тут мне на талию сзади ложатся мужские ладони.

Ну всё, это последняя капля. Я не хотела терять его дружбу, но раз он не понимает, то придётся поставить его на место своим излюбленным способом, то есть вмазать.

Резко разворачиваюсь, одновременно срывая с себя его руки, и задыхаюсь.

– Пиздато двигаешься, Дикарка.

—

¹ СЛР – садистское личностное расстройство.

² ССР – сексуальное садистское расстройство.

Глава 9

Так не бывает

Глядя в лицо Егору, не могу выдавить ни слова. Внутри всё замирает. Сердце, дыхание, кровь в венах. Даже мысли разлетаются миллионами осколков. Ни тело, ни мозг не выполняют возложенных на них функций. Я тупо висну, открывая и закрывая рот, потому что мне хочется так много ему сказать, но я просто не знаю, с чего начать.

Да и как это сделать?

Зачем он подошёл ко мне, если сам велел держаться от него как можно дальше? Это же он ушёл. Сам. Я хотела, чтобы он остался. Мне было плевать, что он может сделать мне больно, но он принял другое решение. Даже спустя время моё мнение не изменилось. Я готова была рискнуть. И сейчас тоже...

Он мог уйти раньше. После звонка Андрею. После того, как я обработала его спину. После моей неудавшейся попытки его поцеловать. Он мог выбрать любой из этих моментов, но вместо этого ждал, пока у меня не останется шансов на нормальную жизнь. А потом он просто исчез, оставив меня самой разгребаться со своими чувствами и подбитым сердцем.

Раньше я всегда смотрела людям в глаза, а сейчас мой взгляд застывает на его поджатых губах, превратившихся в тонкую полоску. Я не могу заставить себя взглянуть выше. Не могу снова захлебнуться в этой проклятой бирюзе. Я не могу поддаться его гипнотическому воздействию.

– Что ты здесь делаешь, Ди? – его голос вибрациями идёт по моему телу и нервам, вызывая пламенных мурашек и волну жара, сползающую вдоль позвоночника.

Будто и не было этих месяцев.

Вот только они были. Восемьдесят семь дней, о которых я не должна забывать.

Эта мысль поднимает уровень злости до красной отметки.

– То же, что и все остальные. – отбиваю, разворачиваясь, чтобы уйти, потому что меня разрывает между желанием расквасить ему нос и броситься на шею.

Парень ловит моё запястье. Зло выдёргиваю руку, но он усиливает хватку, не позволяя мне этого сделать.

– Какого хрена, Ди?! – рычит, прибывая меня тяжёлым взглядом.

– Что, Егор?! Я в ночном клубе! Пью и танцую! Допрос окончен?! – прожигаю его яростью, которая закипает внутри.

Да какого хрена он вообще ко мне лезет? Что он о себе возомнил? У меня и без него дома четыре цербера, которые контролируют каждый мой шаг.

– Не окончен, Дикарка.

С такой скоростью и силой дёргает меня на себя, что ноги заплетаются друг об друга, и я буквально падаю ему на грудь в крепкие горячие руки.

Прикрываю глаза всего на долю секунды, позволяя себе вдохнуть его запах и воспоминания о том летнем дне. Всего мгновение и я вырвусь и уйду, чтобы навсегда оставить его там. Ещё секунда и его руки не будут давить на мои плечи, вызывая ощутимую дрожь в коленях. Его дыхание не будет оставлять ожоги на моей коже. Всего одна секунда на счастье, которого никогда не будет.

– Отпусти, Егор. – прошу беззвучно, сдерживая желание пробежать пальцами по его каменным мышцам.

Даже если бы я говорила громче, то музыка глушит мои слова, но он будто слышит или... Или чувствует.

– Блядь, Дикарка... Не могу... – задушено, глухо, отчаянно.

Так и замираем. Мои руки безвольно свисают вдоль тела, потому что я боюсь снова его коснуться. Его покоятся на моих лопатках. Утыкаюсь носом в его шею, касаюсь непослушными губами и задерживаю дыхание, понимая, что я должна сама уйти. Сделать так, как тогда поступил Егор. Но его близость лишает меня воли. Делает слабой, неуверенной, податливой.

– Гора, вот ты где. – долетает женский слащавый голос. – Наконец-то я тебя нашла. А это кто?

Так резко вырываюсь из его рук, что едва не оказываюсь

на полу. Голова кружится, а зрение расплывается. С трудом фокусирую размазанный взгляд на невысокой красивой блондинке с сочными губами, накрашенными красной помадой. Такого же цвета короткое платье. Виднеющееся в разрезе сбоку кружево чулков, аккуратные ботильоны на высокой шпильке, рассыпанные по плечам волосы. Прямо девочка с обложки, рядом с которой я ощущаю себя настоящей пацанкой в кожаных штанах, тяжёлых ботинках на плоской подошве и чёрной обтягивающей кофте с треугольным вырезом.

Она как ни в чём ни бывало берёт его под локоть и оценивающе пробегает взглядом по мне.

А я... Я хочу кричать. Я хочу плакать. Я хочу сбежать так далеко, как только возможно, чтобы больше никогда не видеть Северова. Но вместо этого я выдавливаю свою самую ироничную улыбку и смотрю прямо в его проклятые бирюзовые глаза.

– Она тебя нашла, Гора. – последнее ядовито выплёвываю.

– Диана, – начинает парень, выдёргивая руку из цепкой хватки блонды и шагая ко мне, – это не то...

– Не то, что я подумала? Ты это хочешь сказать? Я вообще ничего не думала! Мне плевать на тебя! Понимаешь?! Срать и на тебя, и на твою цацу! Отвали от меня! – ору, сворачивая пальцы в кулаки, пусть и понимаю, что те, кому плевать, так не реагируют.

Не глядя по сторонам, бегу на выход, пробивая себе путь

в толпе с помощью локтей и матов.

Срать мне на него... Ага, как же. Я еле сдержалась, чтобы не размазать эту девку вместе с ним, потому что, сука, больно. Он говорил, что никогда ни с кем не будет. Тогда почему они вместе? Почему он с ней, а не со мной?

Глаза застилают влагой. Зло растираю закрытые веки кулаками.

Оказавшись на улице, загребаю холодный влажный воздух вместе с дождевыми каплями. Толкаю его в лёгкие до отказа и не выпускаю, пока он сам не вырывается наружу с тихим жалким всхлипом.

Мне одновременно жарко и холодно. Мне больно и обидно. Мне хочется сбежать и одновременно потребовать от Егора объяснений.

Объяснений чего? Того, что ушёл тогда? Что он в клубе с какой-то девицей? Или того, что он обнимал меня и говорил, что не может отпустить всего пару минут назад?

Бездумно шагаю под дождь. Кофта промокает, потому что я не забрала свою куртку. Понимаю, что придётся вернуться не только за ней, но и за сумкой с телефоном и кошельком, но я просто не могу себя заставить это сделать. Скриплю зубами, сжимая челюсти до боли, чтобы не орать в голос. Ногтями полосую кожу до крови. Пальцы хрустят от силы, с которой я их сжимаю. Хожу под дождём возле входа в клуб из стороны в сторону, как зверь в клетке. Собираюсь с мыслями и силами, чтобы шагнуть внутрь, но никак не могу решиться.

Что если мы снова столкнёмся? Я просто не сдержусь, если снова увижу его с ней. Даже без неё.

Я зла и расстроена. Сердечная мышца тарыхтит со сбоями, а в носу его терпкий запах. На губах вкус его кожи. Перед глазами его красивое лицо. Я до сих пор чувствую его руки на своей спине.

На мои плечи опускается куртка, и я резко разворачиваюсь, встречая встревоженный взгляд Дениса.

Без слов шагаю к нему и обнимаю за шею.

– Что ты делаешь, Даня? – выбивает он.

А я... Я глушу свою боль чужими губами.

Прижимаюсь к нему всем дрожащим, мокрым от дождя телом и целую, надеюсь, что станет легче, но не становится.

Парень обнимает меня за талию и толкается языком в рот. Принимаю и отвечаю, сдерживая желание оттолкнуть.

Чужие руки, чужие губы, чужое тепло, чужой запах... Так надо...

Я должна забыть Егора. Должна перестать на что-то надеяться. Ничего не будет. Он сделал свой выбор. Неужели я тоже?

Нет. Я так не могу. Я не хочу быть с кем-то, только чтобы не быть одной. Это не я. Я не такая.

Давлю на плечи парня, стараясь оттолкнуть, но он только сильнее вжимает меня в своё тело. Отворачиваю голову, разрывая поцелуй, которого не должно было быть. Но он предпринимает ещё одну попытку поцеловать, явно рассчитывая

на продолжение того, чего изначально не должно было случиться.

– Отпусти, Ден. – шуршу тихо, потому что сил нет даже на слова.

Я будто проваливаюсь куда-то. Свободное падение, которое я не могу остановить, даже зная, что это меня убьёт. Размажет по земле кровавым фаршем. Нет шансов. Нет возможности выбраться. Из этой ситуации я уже не выкарабкаюсь.

– Диана. – шепчет, проводя губами по моей щеке и шее.

Диана...

Только Егору я позволяла себя так называть, сама не зная почему. Возможно, я хотела быть рядом с ним не Даней и братишкой, а обычной девушкой. Его девушкой. А сейчас моё имя, как незаживающая рана, которую оставил Северов. И каждый раз, когда я слышу его от других, её будто тупым ножом вскрывают и расколупывают, медленно подбираясь к треснувшему сердцу.

– Отвали от меня! – кричу, отталкивая парня.

– Дань... – опять шагает ко мне и сжимает в объятиях, пытаюсь поцеловать.

– Отпусти! – отбиваюсь, но он прижимает меня к стене, фиксирует мои руки в железной хватке, лишая возможности защищаться. – Пусти, Денис!

Пытаюсь зарядить ему по яйцам, но он блокирует мой выпад. Коленом раздвигает мои ноги. Перехватывает одной рукой оба запястья над головой, опуская вторую мне на живот,

и ползёт ниже.

– Расслабься, Даня, тебе понравится. Ты полтора месяца ебала мне мозги своей дружбой. – шипит, кусая за шею.

– Не надо!

– Лапы от неё убрал! – рывкает Егор за спиной Дена, рывком отдирая его от меня.

Пока тот непонимающе моргает, Гора впечатывает кулак в его лицо. Схватив за воротник куртки, толкает в стену, снова ударяя по лицу.

– Ты сука! – орёт Северов, нанося удар за ударом.

Видимо, Дена дезориентировал ещё первый, потому что он даже не пытается защищаться, безвольно сползая по стене. Но удары не прекращаются, а становятся только яростнее.

Он убьёт его. – понимаю я, потому что, глядя на Егора, вижу того самого монстра, которым он стал после моей пощёчины.

Из-за меня...

Срываюсь с места и запрыгиваю ему на спину, но несмотря на то, что для девчонки я совсем не слабая, моих сил не хватает даже на то, чтобы удержать его руку.

– Остановись, Егор! – ору, но он не слышит.

Цепляюсь ему в волосы, но парень срывает с себя мои руки, а следом разворачивается, разгибаясь, и толкает. От силы и неожиданности толчка падаю на землю, больно ударяясь копчиком. Он бросает на меня безразличный, холодный и в

одночасье безумный взгляд, в котором нет и тени человечности. Растягивает губы в зверином оскале и возвращается к избиению Дениса.

Не думая, что делаю, опять бросаюсь к нему. Падаю на колени. Цепляюсь ладонями в лицо, вгоняя ногти в кожу, чтобы повернуть его голову на себя.

Он абсолютно безумен. Ничего человеческого. – проскакивает мысль, но я тут же её отметаю.

Я не могу позволить ему это сделать. Я должна любой ценой его остановить.

– Егор... Егор, пожалуйста, успокойся. Это я – Диана. Прошу, Егор, не надо. Прошу. – тарыхчу, но он только мотает головой, вырываясь из моей хватки.

Толкает одной рукой. Падаю в лужу. Подскакиваю на колени. Опять хватаю и вжимаюсь в его рот своими губами. Прихватываю его, провожу языком, сосу. Глажу пальцами скулы, щёки, не давая отчёта своим действиям. Он кусает, отталкивает. Я опять целую. Снова толкает. Падаю на землю. Поднимаюсь. Целую. Врываюсь языком в его рот. Он сжимает его зубами.

В ожидании неотвратимой боли замуриваюсь, но неожиданно зубы сменяет его язык. Он с таким отчаянием выдыхает мне в рот, сдавливая мою голову руками и целуя в ответ, что мне хочется кричать.

В этой ужасной ситуации я не отпускаю его, даже когда пытается отодвинуться. Сама хватаюсь пальцами за его воло-

сы, прижимая его голову ближе. Целую... Целую... Целую...

Целую, пока он не отпускает ещё один тяжёлый выдох и мягко не давит на мои плечи ладонями, несильно вгоняя пальцы.

– Блядь, Дикарка. – выбивает, слизывая кровь с моих губ. – Прости. – ведёт пальцами по контуру и следу укуса.

Ловлю его руку дрожащими пальцами и прижимаю к губам.

– Всё нормально, Егор. Всё хорошо. – сама не замечаю, когда адреналин отступает и вместе с холодными дождевыми каплями по моим щекам начинают стекать горячие и солёные. – Всё хорошо.

– Ебать же хорошо. – шипит Ден, делая попытку подняться.

Я не хочу отпускать Егора, но понимаю, что если сейчас не придумаю, что делать с Денисом, то он может написать заявление об избиении. И тогда Северову не отвертеться.

– Егор, – шепчу быстро, опять сжимая ладонями его лицо, – уходи сейчас, пожалуйста. Я разберусь.

– Ди... – закрываю рот ладонью и смотрю в глаза.

– Тогда ты ушёл сам. Сейчас уйди, потому что я прошу. Ради меня, Егор. Уйди ради меня. Снова.

Он шумно вздыхает, тяжело сглатывает, закрывает глаза, выдыхает и толкает убито:

– Извини.

Ничего больше не добавив, встаёт и уходит, не оборачи-

ваясь.

Я хочу броситься за ним, как и тогда, но в этот раз не отпускать. Не дать уйти. Не позволить меня опять оставить. Я хочу сказать ему... Сказать всё. Но вместо этого помогаю Дену подняться на ноги, вызываю такси и везу его в больницу, не имея ни малейшего понятия, как уговорить его не обращаться в полицию.

Я должна защитить Егора, потому что уверена, что это последний раз, когда я позволяю ему уйти.

Больше никогда не отпущу.

Глава 10

Те же грабли в то же сердце.

Все мои попытки уговорить Дена отказаться от обращения в полицию заканчиваются феерическим провалом. Даже напоминание о том, что он собирался меня изнасиловать, не охладило его. Потому что я и сама понимаю, что кроме поцелуя, которого, я не хотела и его руки между ног, больше предьявить ему ничего не удастся.

Если бы Егор не избил его так сильно, то это можно было бы скинуть на то, что он просто старался защитить меня и немного перегнул.

Когда понимаю, что сама не смогу добиться от Никифорова необходимого результата, задействую тяжёлую артиллерию. Звоню Андрею и прошу приехать в больницу.

Заваливается он, конечно же, не один.

Рассказываю о произошедшем, опустив только то, что мы с Егором целовались и что он меня толкнул.

С каждым моим словом лица братьев становятся всё мрачнее, и я отлично осознаю, то, что сделал с ним Гора, это ещё мелочи. Когда все четверо церберов заваливаются в палату, понимаю, что это выглядит как настоящая прессовка. Впрочем, это она и есть.

– Ошибку ты допустил, парниша. – шипит Никита, сжимая в кулак его футболку.

– Я ничего не сделал. – защищаясь, заметно бледнеет. – Мы просто целовались.

– Хватит врать! – вскидываюсь, глядя прямо на него. – Ты собирався меня изнасиловать. Раздвинул мне ноги и собирався засунуть руку!

– Когда просто целуются, укусов не остаётся. – подключается Макс, оценив мой внешний вид.

Не думала, что след от зубов настолько заметен.

– А вот это на меня не вешай!

Стоя за спинами братьев, всячески подаю ему знаки, чтобы он заткнулся, но хрен там.

В какой-то момент ловлю на себе внимательный взгляд старшего брата и понимаю, что он догадывается о том, что случилось на самом деле.

– Выйдите. – командует Андрей. – Все. – зацепив глазами каждого, давит авторитетом старшего брата. Останавливается на мне и повторяет. – Все.

Братья выходят, а я всё не решаюсь пойти за ними. Ден точно всё расскажет Андрюхе, и тогда он убьёт Егора. Он глазами повторяет своё требование, но я только отрицательно качаю головой и складываю руки под грудью, давая понять, что остаюсь.

– Сама расскажешь или мне это сделать? – ядовито бро-

сает Никифоров.

– Даня? – удивлённо толкает брат.

– Я уже всё рассказала, как было на самом деле. В тот момент, когда ты, – зло стреляю взглядом в Дена, – полез мне в штаны, появился Егор. Он взбесился. – громко сглотнув собравшийся в горле ком, продолжаю. – Я пыталась его остановить, чтобы он не убил Дениса. – переводя срывающееся дыхание, смотрю брату в глаза. – Он укусил меня, когда я его поцеловала, чтобы отвлечь.

– Блядь, Даня, ты чем вообще думаешь? – рычит брат.

Как бы страшно мне сейчас не было, внешне ничем себя не выдаю. Я же прекрасно понимаю, что Андрей злится потому, что переживает за меня. А после рассказа о том, что произошло той ночью, он и близко Егора ко мне подпускать не собирался. Уверена, что если бы Гора не исчез сам, то старший брат нашёл бы способ, чтобы держать нас подальше друг от друга.

– Я просила тебя приехать не для того, чтобы читать мне нотации. Просто помоги, братишка. – с этими словами выхожу из палаты.

В коридоре сразу сталкиваюсь с братьями. Пока на меня сыплются вопросы, продолжаю держаться заранее заготовленного варианта истории, чтобы близнецы не узнали, что было между мной и их другом.

Андрей пусть и строгий, но умеет держать себя в руках. Если же Никита и Макс узнают правду, то полетят головы.

Потому что они оба вспыльчивые и для них едва ли не цель жизни – защитить меня от каждого козла на этой планете. Что уже говорить о том, что будет, узнай они, откуда укусы и синяки на спине и ногах.

Как объяснить им, что Северов толкал меня, чтобы защитить от самого себя, а не чтобы сделать больно? Уверена, что это именно так. Я чувствовала его сопротивление, когда мы целовались. Знаю, что он боролся с собой.

Опустив ресницы, толкаюсь спиной к стене. Сую руки в карманы куртки, чтобы скрыть дрожь в пальцах. Медленно тяну кислород через нос. После переработки так же выпускаю. Думаю, что стоит позвонить Егору и рассказать о произошедшем, чтобы он был в курсе, если близнецы всё же узнают правду.

– Пойду возьму воды. – бросаю, направляясь на улицу.

– И мне захвати. – кричит Тимоха.

– Окей.

Достав мобильный, нахожу номер Северова, но так и не набираю.

А что, если он сейчас с той блондинкой? Я совсем о ней забыла. Блин, как я могла забыть о том, что в клубе он был не один? Может, они встречаются? Что, если у них всё серьёзно? Но тогда почему он обнял меня на танцполе. И потом... После поцелуя...

Эти вопросы не просто сводят меня с ума. Они мне череп на части разносят. Как я получу ответы, если не спрошу пря-

мо? К тому же я и так уже решила, что не отпущу его больше, потому что он сам так и не сделал этого. Понимаю, что в происходящем между нами нормального мало, но я и никогда не была нормальной. Так какой смысл рассчитывать, что в моей жизни вдруг всё станет прозрачно ясно? Как говорится: попытка – не пытка. Впрочем, для меня это не так, но по-другому не выйдет.

Забиваю лёгкие кислородом до отказа и веду пальцем по экрану, набирая номер. Когда на том конце раздаётся сиплый и будто сорванный и уставший голос, слова застревают в горле.

– Зачем ты звонишь, Ди? Ничем хорошим это не кончится. Я же просил тебя удалить номер.

С треском выпускаю весь воздух и выбиваю:

– Мне пришлось позвонить Андрею, чтобы он помог решить проблему с Деном, потому что тот собирается писать заявление на тебя.

– Не лезь в это. Пусть пишет.

– Но, Егор...

– Блядь, Дикарка, не лезь! – рявкает, а потом добивает уже еле слышно: – Если я окажусь за решёткой, то хоть проблем меньше будет.

Сердце замирает при этих словах, сжимаясь до размеров болезненного комочка. Стука нет. Кровь в венах превращается в острые кристаллы плазмы, царапая, продирая, убивая. Я даже забываю о необходимости дышать. Проталкиваю ещё

один ком и сиплю вполголоса:

– Ты не животное, чтобы сидеть в клетке.

– Я намного хуже, Ди. Сколько раз мне ещё придётся повторить, чтобы ты держалась от меня как можно дальше? Если напишет заявку, то хер с ним. Я сам виноват. – отсекает хрипло.

Судя по звуку, затягивается дымом, выпускает и молчит. Я тоже. Потому что понимаю, что не смогу убедить его в том, что не боюсь его и что его вины в случившемся нет.

– Егор, ты защищал меня. – шуршу так тихо, что сама себя не слышу.

– Ага, защищал. Нехер было мне в это лезть, раз ты сама на него набросилась. А я, судя по всему, вам помешал. Сор-рян, тупанул. – бросает с нескрываемой иронией.

Значит, он всё видел? Тогда почему не вмешался сразу? Чего ждал? А что если?..

– Мы с Денисом только друзья. Были. – добавляю спешно, потому что после случившегося о дружбе можно забыть.

Если бы не необходимость помочь Северову, то я как минимум бросила бы этого козла истекать кровью на улице, а не лебезила перед ним.

– Хах... – толкает со смешком. – Не объясняйся, Дикарка. Мне похую, что у вас там происходит. Дружба... Любовь... Трах... Это ваше дело. Если ты не заметила, то я тоже не один повеселиться пришёл.

Ноги будто в вату превращаются. Чтобы не упасть, обло-

качиваюсь на стеклянную дверь. Схлопываю веки, но это не останавливает обжигающие кислотные капли, катящиеся по щекам. Сдерживая непрошенный всхлип, вгрызаюсь зубами в кулак. Сердечная мышца опять отказывается от нормальной работы, то замирая, то выдавая сбитые корявые удары с долгими перерывами.

– Я поняла, Егор. – разрезаю скрипучим голосом в попытке перекрыть шквал болезненных вибраций в груди. – Соррянчик, что беспокоилась о тебе.

– Расслабься, Дикарка. – отбивает со смешком. – Не парься. Удачи тебе.

Несколько коротких гудков и тишина на том конце трубки, прерываемая только монотонным стуком дождевых капель и моим влажным, сбитым, нестабильным дыханием.

Больно, да, но я не заплачу. Это его выбор, а значит, я просто должна принять его и смириться с тем, что нихрена у нас не выйдет. Не знаю, на что я вообще надеялась. Просто после случившегося в клубе и на улице, я подумала, что он тоже не забыл меня. Что всё ещё чувствует тоже самое, что и я. Дура, знаю. Наивная, глупая, беспросветная дура с розовыми мечтами.

Толкаю в лёгкие воздух. Растираю ладонями лицо. Убираю рассыпавшиеся волосы на спину. Поднимаю голову и возвращаюсь в здание.

Для отвода глаз покупаю в автомате бутылку воды. Захожу в туалет и умываюсь. Недовольно морщусь, глядя на своё

отражение. Я, конечно, регулярно ходила в синяках, но вот следы зубов... Надеялась, что не такой уж глубокий и заметный этот укус. Надеюсь, что Макс и Ник ничего не поймут. Плевать мне на всё, что наговорил Гора, я не хочу, чтобы ему влетело из-за меня. То, что он разбил мне сердце, не отменяет того, что он он спас меня от насилия. Да и чувств моих тоже не отменяет, как бы паршиво при этом не было.

Я сильная. Я справлюсь. И не из такого выкарабкивалась.

Поднимаясь на этаж, сразу замечаю, что все братья в сборе.

– Вы чего здесь торчите? – выбиваю, подходя ближе. Парни все как один смотрят на меня. Младшие с беспокойством. Старший со сдерживаемой злостью. – Порешал с Деном?

– Порешал. В полицию он не пойдёт. К тебе тоже больше не приблизится. Поехали домой. – обращается ко всем, но взгляд опять держит на мне.

Видимо, эта гнида рассказала ему больше, чем я готова была признать.

Шумно вздохнув, плетусь следом за всеми, нервными глотками поглощая содержимое бутылки, пока Тима не выдёргивает её у меня из рук.

– Я вообще-то просил и мне купить. – долбит с улыбкой.

Выдавливаю из себя ответную, но даже представлять не хочу, что из этого получается, потому что внутри я будто заживо сгораю. Плавлюсь. Тлею. Умираю.

– Видок у тебя, братишка, что надо. – угорает Никитос,

закидывая руку мне на плечо.

– Что же ты сама этому уроду не наваляла как следует? Чтобы в жизни больше желания не возникло к кому-то приставать. – подбивает Макс, закидывая руку с другой стороны.

– Соррянчик, братишки, но я не Рембо. Растерялась.

– Вовремя Гора подвалил.

Сжимается всё внутри. Сердце скулит и растекается кровью, заполняя нутро. Встречаясь с пожаром, кровь превращается в горючее. До предельных температур вскипает желание закричать, чтобы выплеснуть обиду, но сжимая кулаки, сдерживаюсь. Продолжая искусственно улыбаться, никому не позволяю увидеть маленькую девочку, которая рыдает, забившись в самый тёмный угол. Ту девочку, которую Егор смог рассмотреть с самого начала. Ту, которой не должно быть, потому что иначе я просто не справлюсь.

– Тимоха, езжай с Максом и Ником. – командует Андрей. – Даня, со мной.

Как бы мне ни хотелось сейчас сбежать от него, чтобы не разговаривать о том, что происходит между мной и Егором, спорить даже не начинаю. Занимаю переднее пассажирское сидение.

Машина близнецов сразу вырывается вперёд, и я даже умудряюсь порадоваться, что поехала не с ними. Потому что Андрей водит очень осторожно, в отличии от них. Впрочем, радость моя недолгая, потому что старший брат всё же поднимает неприятную для меня тему.

– Этот уродец всё мне рассказал, Даня. – косит на меня взгляд, а потом возвращается к дороге.

– Я и сама тебе всё рассказала. Нашёл кого слушать. Мудак, который хотел меня изнасиловать. – отбиваю, пряча глаза в боковом стекле.

– Всё? Уверена, что всё? – толкает, сжимая челюсти. Даже костяшки пальцев белеют. Я редко вижу брата злым, но сейчас он просто в бешенстве.

Продолжая гнуть свою версию, уверенно киваю головой, упираясь взглядом в его лицо.

– Мне больше нечего добавить к тому, что я уже сказала. Я поцеловала его, чтобы остановить. Да, он меня укусил, но больше ничего не сделал.

– Блядь, Даня, харе мне лапшу на уши вешать! – рывкает со несдерживаемой злостью. – А то, как он толкал тебя?! Как ты несколько раз падала на землю?! Как вы обнимались в клубе?! Мне продолжать?!

– Не надо. – шиплю сквозь сжатые до скрипа зубы.

Я даже не догадывалась, что Ден видел нас в клубе. Да и как он вообще разобрал, что было после, если у него всё хлебало расквашено было?

Трындец полный.

– Теперь будешь говорить правду или продолжим играть в вопросы? – спрашивает уже немного спокойнее.

– Это правда, Андрей. – выпаливаю с дрожью в голосе. – То, что между нами, не касается ни тебя, ни кого либо дру-

того.

– Между вами?! Что, блядь, между вами, Даня?! Он опасен для тебя! Ты правда думаешь, что я буду спокойно смотреть, как ты ломаешь свою жизнь о какого-то психа?! Он же, блядь, больной на всю голову! Держись от него подальше!

– Я не ребёнок, Андрей! – поворачиваясь к нему всем телом, насколько позволяет пространство седана, сжимаю кулаки. – Не лезь ко мне! Хватит меня опекать!

– Да, ты не ребёнок, Диана. В том то и дело. – если он зовёт меня по имени, то всё действительно серьёзно. – Ты – моя младшая сестра. Мы всю жизнь тебя опекаем и защищаем, и ты понятия не имеешь, на что способны некоторые люди. Перестань видеть во всех только хорошее. Сегодня ты обожглась сразу о двух. Ты реально думаешь, что нужна Егору? Спроси у близнецов, как часто он меняет девушек. И как долго они держатся рядом с ним.

– Мне не надо спрашивать. Я и так знаю. Я не питаю никаких иллюзий на его счёт, но сердцу не прикажешь. Пойми меня, братишка, я просто не могу иначе. Мы с ним не вместе, но это не значит, что я не готова рискнуть.

– Бля, Даня, ты меня убиваешь. Посмотри на себя. Вся в грязи. С искусанными губами. Растрёпанная. И, уверен, с синяками. Что ты вообще несёшь?

– Андрей...

Сжимая мою руку, перебивает:

– Короче так, Даня, если ты не возьмёшься за ум, то мне

придётся поговорить с Егором. Чтобы защитить тебя, я сделаю всё. И хочу, чтобы ты это понимала. Можешь злиться на меня за это. Можешь проклинать. Можешь ненавидеть. Но я и на десять метров не подпущу к тебе этого маньяка. – не давая возразить, добавляет. – Даже не спорь со мной. Научись жить с этим.

Мне есть что ему сказать. Слишком много. Я могу возражать и спорить. Я могу кричать и плакать. Я могу угрожать и умолять. Но я понимаю, что ничего этим не добьюсь. Упрямство у нас в крови.

– Я поняла. – выталкиваю шёпотом, чтобы закрыть тему.

Понимаю, что только так смогу добиться необходимой мне реакции и успокоить старшего брата, чтобы он не лез к Егору. А ещё я должна признать, что он прав и у нас ничего не выйдет. Всё, что было между нами – это всё, что могло бы быть. Парадокс, конечно, но как есть.

Северов с другой. Мои братья против него. А я ничего не могу сделать, чтобы повернуть ситуацию в свою сторону. Я ничего не знаю не только о парнях, но и о жизни. Андрей прав: я считаю себя взрослой. Требую, чтобы и остальные ко мне так относились, но сама веду себя как ребёнок.

Так больно было слушать, когда Андрюха говорил о том, что Егор меняет девушек как перчатки, но я изо всех сил старалась не показывать виду, как сильно меня это цепляет.

Остаток пути проводим в напряжённой тишине. Никогда раньше мне не было так сложно находиться рядом с братом.

Впервые мне хочется, чтобы он гнал изо всех сил, выжимая из тачки максимум, чтобы как можно скорее покинуть салон и спрятаться ото всех в своей комнате. Возможно, даже выплеснуть всю боль слезами.

Изнутри аж распирает, рвёт на куски, истекает всё нутро кровью.

Как только машина останавливается, выпрыгиваю и, не оборачиваясь на оклики братьев, бегу в дом. Торможу, только когда слышу характерный звук отъезжающей машины. Оборот вокруг своей оси, и я вижу, как Андрей срывается с места. Мне не надо спрашивать, куда он поехал. Видимо, обмануть мне его не удалось, потому что сейчас он едет к Егору, чтобы разобраться с ним.

Нет, я уже смирилась с тем, что вместе мы не будем, но я всё равно не хочу, чтобы брат на него наезжал, потому что тогда станет ясно, что я рассказала Андрюхе о его приступах, и теперь брат считает его чудовищем. А как бы то ни было, я знаю, что это не так.

Не теряя ни секунды, выбегаю обратно под дождь, подскокивая к близнецам.

– Мне нужен адрес Егора. Быстро!

Глава 11

Отпусти меня

Сбрасываю очередной вызов от Кати, докуривая сигарету. Вылезая из машины, притормаживаю. Поднимаю голову вверх, позволяя дождю хлестать меня по лицу бесконечными холодными потоками, но остужает слабо. Меня до сих пор колбасит. Тело, сука, будто в адском пламени жарится. Несмотря на холод, на спине, задней части шеи и висках выступает пот.

Что же эта девчонка меня не отпускает?

Стоило увидеть танцующую Диану и случился пиздос. Ещё и Катя эта, которая так невовремя подвалила. Как только отделался от неё, рванул за Дикаркой, только чтобы увидеть, как она целует этого ёбаного суслика. Стоял и смотрел на них в надежде, что если увижу её с другим, то полегчает, но хер там. Даже когда понял, что эта мразота собирается с ней делать, не собирался вмешиваться, но, блядь, пробки вышибло и на глаза упала кровавая пелена. До пизды мне эта мразь. Даже если бы убил – не пожалел. Но херня в том, что я опять сделал больно Ди.

С такой силой на землю швырял, что понятия не имею, как она голову себе не расшибла.

Надеялся, что она сдастся, не будет пытаться меня остановить, возненавидит, уйдёт. С той же целью и по телефону ей сказал, что не один. Слышал по голосу, что едва не плакала, но при этом улыбалась.

Сильная девочка.

Сука, как же хотелось сказать, что это ложь. Что с Катей только секс. Что мне нужна только она – Диана. Но всё опять же упирается в то, что я не могу контролировать свою ярость.

Кусал. До боли. До крови. Неосознанно, нет. Но это меня не оправдывает. Но какого хера и её не отталкивает? Не пугает? Даже после всего эта дура переживала за меня. Позвонила, чтобы предупредить и о заяве, и о том, что её братья теперь могут быть в курсе о нас.

Блядь, да о каких, на хрен нас? Нет нас. И быть не может. Никогда. Ни за что.

Вдохнув полной грудью, шагаю в дом отца. И без того, мать вашу налево, паршиво, так ещё приходится терпеть не только его общество, но и его малолетки.

Надо потерпеть ещё один день и вернуться в свою квартиру. Главное не прикончить соседей за то, что топят меня уже второй раз за год.

Грёбанная алкашня. Уже четвёртый день здесь кантуюсь.

Раньше ещё терпимо было, но с тех пор, как он представил мне Иру, как свою будущую жену, аж тошно здесь появляться стало. Деваха не старше меня, а раздвигает ноги пе-

ред пятидесятилетним мужиком.

Первое время пытался её вразумить, чтобы поняла, что ни какие деньги не стоят того, что ей предстоит дальше, но она слишком сильно их любит. И плюс она бесконечно тупая. Ладно. Похуй. Это её проблемы, а у меня своих хватает.

Войдя в дом, стряхиваю воду как мокрая шавка. Срать мне, что отца это бесит. Стерпит. Ора его я не боюсь, а на побои есть чем ответить. Давно уже не тот пацан, который не мог дать сдачи и прятался за чужой спиной.

– Ой, привет, Егор. – появляется будущая "мачеха", принимая попытку поцеловать меня в щёку.

Резко выпрямляюсь во весь рост, мешая ей это сделать. Не первый раз уже на мне виснет, стараясь затащить в койку. Если бы я был уверен, что это добьёт папашу, то не раздумывая трахнул бы эту девицу, но я не обманываюсь на счёт них обоих. Отцу она нужна для престижа. Молодая красивая жена. А она на новенькой тачке и при бабле. Все в плюсе.

– Где отец? – толкаю холодно, не глядя на малолетку.

– В гостиной.

Раз в такое время в гостиной, значит пьёт. После ухода брата он вообще часто стал нырять в бутылку.

Иду в свою старую комнату и переодеваюсь в сухой шмот. Стоило бы принять душ и привести себя в порядок, но из души грязь не смоешь, сколько не поливайся водой и не растирайся мочалкой. Даже если мыло в глотку заливать, не поможет.

В гостиную вхожу, не удостоив взглядом полупьяного отца. Наливаю себе стакан виски и закидываю пару кусочков льда. Паркуюсь задницей на кресле. Забросив одну руку на спинку, делаю небольшой глоток.

Хотелось бы сказать, что помогает согреться, но внутри будто инеем всё покрылось. Так и тянет разодрать кожу ногтями, чтобы добраться до источника своего паршивого состояния. Но боюсь, что даже если выдеру себе сердце, не отпустит меня Дианка. В каждой капле крови она. В каждой мысли. В каждом глотке воздуха. В каждой нервной клетке. Даже если разорву себя на части, не смогу избавиться от неё. Так же, как не могу избавиться от своего внутреннего монстра.

– Скоро конференция по нейрохирургии в Санкт-Петербурге. – выбивает папаша, нехило отхлебнув из своего стакана.

– Помню. За пару дней справимся? Не хочу пропускать учёбу.

Отец только кивает.

Многословен, как и всегда.

Безразлично хмыкнув, прокручиваю стакан. Слегка наклоняя из стороны в сторону, наблюдаю за бликами, отражающимися в янтарной жидкости.

Почему я продолжаю возвращаться в этот дом? К человеку, из-за которого я стал таким?

Оказывается, я не только садист, но ещё и мазохист. Ебу-

чая смесь дерьма с дерьмом.

Шумно выдохнув, бросаю тяжёлый взгляд на отца в попытке понять, почему я пошёл по его кровавым стопам, а не за братом. Ему же доставалось куда больше меня, но при этом сам он никогда ни на ком не срывался, как бы хуёво у самого всё ни было. Всегда держался. Захлёбывался кровью, но продолжал вставать на мою защиту. А я стал чудовищем, от которого Артём меня защищал на протяжении двенадцати лет.

Блядь, воспоминания о брате поднимают не только новый приступ бешенства, но и моё тело.

Нервно прошагав по периметру комнаты, крепче сжимаю стакан, выливая в глотку всё его содержимое.

– Плохой день? – с иронией тянет отец, улыбаясь одними губами, а в глазах лёд.

– Плохая жизнь. – обрубая, наливая себе новую порцию алкоголя. – Тебе спасибо.

– Ты бы, сынок, не зазнавался. В моём доме как никак.

В ответ на его выпад только коротко хмыкаю и поднимаю вверх уголок губ.

Пошёл бы он вместе со своим домом, своими деньгами, своей невестой и своими наставлениями.

А ещё лучше свалить самому. Хотя бы здесь меня ничего не держит. К тому же варианты, куда податься у меня имеются. Денёк где-то перекантуюсь, а потом вернусь к себе.

В конце концов, не маленький мальчик. После ухода брата

научился и выживать, и подстраиваться. Да и под себя других гнуть.

Один звонок, и Катя забудет, что в клубешнике я послал её на хрен, так ещё и за волосы от себя отрывал, чтобы пойти за Дианой. Забудет, что я назвал её дешёвой шлюхой, которая продаётся мне за качественный секс и дорогое вино. Забудет, что я звоню только тогда, когда мне надо кого-то выебать.

Только мне забыть никак не удаётся. Чем больше времени я провожу вдали от Дикарки, тем сильнее рвёт крышу. С каждым днём я становлюсь всё жёстче, злее и опаснее для окружающих. Меня посещают мысли, которых раньше я даже не допускал. Одна из них как раз входит в гостиную в шёлковом халате, оставляющим мало места для полёта фантазии.

Добивает меня то, что отец спокойно относится к тому, что она откровенно меня соблазняет прямо у него перед носом. Он отлично видит её провокации, но никак не реагирует. Понимаю, что любовью тут и не пахнет. Но неужели настолько похеру?

Если я и без того, чтобы ебать отцовскую невесту – дерьмо, то какая уже на хрен разница? Разве можно быть ещё хуже?

Пробегаюсь по ней пьяным и немного расплывчатым взглядом, стоя спиной к отцу. Улыбаюсь, делая намёк, который она интерпретирует верно. Томно опускает ресницы и

облизывает губы.

– Я спать. – отсекаю спустя ещё несколько минут.

Одним глотком добиваю стакан виски и иду в комнату.

Последнее, что успеваю заметить, как она садится старику на колени и целует. Мерзко, конечно, после этого её трахать, но похую. Пусть будет так.

Убиваю себя. Хотя... И так уже мёртв. Внутри. Давно.

В спальне скидываю шмотки, оставаясь в боксерах, и открываю окно, чтобы хоть немного проветриться и покурить.

Да что же я, блядь, делаю? Нахрена топлю себя и дальше? И так уже глубже некуда. Я на дне. Осталось только пробить и его.

Сжимаю руками голову, но вопросы, мысли, догадки, предположения никуда не уходят.

Я опять слышу дрожащий голос Дикарки в тот момент, когда сказал, что не один. Я слышу надежду в нём, когда она кричала мне вслед. Я слышу боль, когда просила сегодня уйти. Даже вопросы в голове звучат её голосом.

– Отпусти меня, Диана. – шепчу в открытое окно.

Ветер тут же уносит мои слова, будто их и не было.

За спиной открывается дверь, и Ира тихо входит в комнату. Знаю, что это она.

Через пару секунд обнимает со спины. Пробегаясь губами по позвоночнику, вызывает дрожь.

Вот только не предвкушения или возбуждения, а омерзения.

Её халат распахнут, а мягкие полные буфера с торчащими от возбуждения сосками вжимаются в напряжённые мышцы.

Глуша в себе не только мысли, но и чувства, оборачиваюсь и сжимаю ладонями её шею, глядя в глаза.

Не душу, нет, просто держу, пусть и хочется сдавить, пока её смазливая мордаха не начнёт синеть, а в глазах не появится ужас. Я хочу видеть его там. Я не хочу сдерживаться. Не хочу тормозить себя. И я...

Я, блядь, не хочу быть с ней. Даже с целью просто выебать. Я хочу быть сейчас с Дикаркой. Просто обнять её, как тогда. Прижать к себе. Поцеловать. Провести подушечками пальцев по гладкой коже. Ощутить на ней мурашки. Прикоснуться к ним губами. Вдохнуть её пряный запах. Забить рецепторы её пикантным вкусом.

Вот только и эти мысли я отметаю, вжимаясь в Иркин рот губами. Без ласки врываюсь языком внутрь. Задирая халат, сдавливаю ягодицы, одновременно толкаясь навстречу и вбиваясь членом в живот. Жестко сгребая в ладонях сиськи. Сдавливаю большим и указательным пальцем соски. С силой прокручивая, добиваюсь желаемого результата. Её лицо кривится от боли, на глазах появляются слёзы, а она упирается руками в мою грудь, отталкивая.

– Ты сама захотела этого, так что принимай. – рычу ей в ухо, кусая, чем вызываю новый тихий вскрик. – Я тебе не пацан, который будет ласкать и играть в нежность. Я буду ебать тебя жёстко и грязно.

– Давай. – хрипит, поднимаясь на носочки и обнимая руками за шею.

Сука! Пиздос блядь!

Поворачиваю к себе спиной, убирая пропитанные влагой трусы в сторону, и спускаю свои.

От этой ошибки меня спасает телефонный звонок.

Толкнув её на кровать, пробегаюсь взглядом по прозрачным стрингам и истекающей смазкой промежности.

Редкостная шлюха. Интересно, скольких любовников она сменит, пока будет носить фамилию Северова?

Как только вижу номер, высветившийся на экране, ненависть к самому себе растёт в геометрической прогрессии.

– Блядь! – выплёвываю яростно.

Диана.

Вашу мать налево! Какого хрена она опять мне звонит? Что теперь? Если она, блядь, снова попросит о встрече, то мне пиздец, потому что не могу я ей отказать, пусть и понимаю, что должен. Нельзя её даже близко подпускать. И я, кажется, знаю, как это сделать. Чтобы возненавидела меня раз и навсегда и больше даже мысли не допускала о том, что между нами что-то возможно.

– Ира, – бросаю, суя ей в руки телефон, – ответь и скажи, что я в душе.

– Зачем? – непонимающе лупает глазами.

Вот же тупая овца.

Прикрываю веки, нагибаю кислород и выталкиваю

сквозь зубы:

– Затем, что так надо. Хочу от одной девахи отделаться. Помоги мне избавиться от неё, и я сделаю так, что завтра ты даже с постели сползти не сможешь.

Она похотливо облизывает губы, глядя на мой пах, и принимает вызов.

– Аллё. Нет, Егор в душе. А ты кто?

Чтобы не слышать голоса Дианы, пусть даже в трубке, натягиваю штаны и вылетаю из спальни.

Сердце, которое минуту назад гремело как взбесившееся, замирает нахрен. Не бьётся, кровь не качает. Вместо неё по венам растекается боль и отчаяние.

Так надо. Так надо. Так надо. Так, сука, надо! – убеждаю сам себя, меряя косыми шагами коридор.

Блядь, я не хочу так. Не хочу делать Ди больно не только физически, но и морально. Видел же сегодня в её глазах то, что должно было исчезнуть после моего ухода. Но там оно. Сука, там. Никуда не делось. Как и у меня.

Чтобы немного утихомирить ярость, впечатываю кулак в стену, оставляя на ней кровавый отпечаток. Не из разодранной кожи течёт, а из изуродованного сердца. Ещё несколько ударов, но боль внутри не притупляется. Выть, сука, хочется. Орать во всю глотку.

Как Дикарка отреагирует на слова Иры? Что почувствует? Как себя поведёт? Она же не станет плакать, как обычная девчонка? Она не такая. Непробиваемая. Именно так я о ней

подумал тогда на озере. Но потом... Потом, блядь...

Вжимаюсь головой в стену, упираясь ладонями по обе стороны, и просто, сука, дышать пытаюсь.

Не выходит. Кислород с привкусом дерьма – тот ещё кайф.

Что же, я другого и не заслуживаю.

Сколько уже времени прошло с того момента, как я отдал Ире телефон? Они всё ещё говорят? А если да, то о чём?

– Блядь! – рывкаю, но с места не двигаюсь.

Кроет страхом крепко. Руки, ноги, внутренности – всё трясётся. Швыряет меня то в жар, то на такой скорости перебрасывает в озноб, что горячий пот, будто расплавленный металл на предельной температуре, по коже стекает.

Звонок в дверь вырывает меня из лап кошмара, в который превратилась моя жизнь, и я неуверенно шагаю вниз.

У кого хватило мозгов явиться среди ночи сюда? Наверняка, к отцу или Ирке кто-то припёрся, хотя меня всё равно удивляет приход гостей в такое время. Игнор я бы и врубил, но эта мудила продолжает трезвонить.

Слетаю вниз и распахиваю дверь, забыв о существовании глазка. Как только цепляю расплывающимся взглядом визитёра, понимаю, что мне конец.

Глава 12

Внимание! Внимание! Опасная зона!

– Какого хуя ты здесь делаешь? – выхаркиваю каждое слово с плохо скрытой агрессией.

Не смешно. Вообще, сука, не до смеха.

– Есть разговор. Можно я зайду?

– Нет, блядь, нельзя!

– Кто там? – толкает Ирка, подходя ближе.

Вашу ж, сука, мать!

Диана внимательно оглядывает отцовскую невесту и хмурится. Неодобрительно подворачивает губы. Вгрызается зубами в нижнюю, пока она не белеет. Опускает ресницы. Тяжело сглатывает. Открывает глаза. Пробегает по мне с ног до головы.

Жму в кулак руку, которую скрывает дверное полотно, но лицевые мышцы полностью расслаблены, чтобы не выдавать лишних эмоций.

Понимаю, что она решила, что это моя любовница, но убеждать её не стремлюсь. Так, сука, надо.

– Быстро после душа обсох. – высекает, растягивая персиковые губы в усмешке. Указывает глазами на мои сухие волосы. – Теперь уделишь мне минуту или слишком занят? –

тянет вверх одну бровь.

– Занят. – слащаво выбивает Ира.

Какого хрена эта старпёрская подстилка лезет, куда её не просят?

Еле сдерживаюсь, чтобы не свернуть ей шею. Оборачиваясь, прибиваю яростью.

– Исчезни на хрен. – дуется, пытаюсь поймать мою руку, но я зло её отталкиваю и рычу. – Свали, блядь, пока кости целы.

Со слезами на глазах убегает наверх. Наблюдаю за ней, пока не исчезает за стеной. Стоя спиной к Ди, кривлюсь от той мерзости, которую вытворяю. Оборачиваясь, набрасываю маску похуиста. Упираясь одной рукой на дверь, приваливаюсь к ней всем телом. Взгляд на Диану, и не только всё бешенство тухнет, но и решимость играть в эту конченную игру. Позволяю векам упасть вниз и сиплю сквозь сжатое горло:

– Зачем ты здесь?

– Извини, что помешала. Опять. – улыбка шире, в интонациях ирония, а в глазах тьма. – Всего минута, Егор, и я уйду. В этот раз навсегда.

Вот только я хочу совсем другого, но ни на секунду не забываю, что не имею на это никакого права.

Она стоит под потоками дождя. Вижу, что её колотит от холода. Волосы свисают под тяжестью воды, как и одежда. Липнут к телу. Губы синеют.

Взгляд ей за спину, и желание придушить эту девчонку становится нестерпимым.

– Ты на мотоцикле приехала? – гаркаю, сверля её глазами.

– И что с того? Говорю же, что это срочно, а на звонки отвечает твоя девушка.

– Твою мать, Дикарка. – выбиваю задушено.

Рывок вперёд. Хватаю её за руки и затягиваю внутрь, впечатывая в своё тело. От удара из её лёгких вылетает воздух, но она сразу же упирается ладонями в грудную клетку, отталкивая. Отпускаю и сам делаю шаг назад. Изначально плохая идея была, но, сука, не сдержался.

– Она мне не девушка. – обрубая, опуская глаза вниз и изучая рисунки на паркете.

– Значит, очередная любовница. Да и вообще, какая разница? – вот вроде и похеру ей, но в голосе слабая дрожь и, кажется, ревность.

Вашу налево...

– Блядь, большая. Ирка – невеста отца. – скриплю зубами, но всё так же не рискую взглянуть на Дианку.

– И чем же ты был так занят с невестой отца? Или хочешь сказать, что не она взяла трубку?

– Так, стой, Ди. – выбиваю, сжимая ладонями её лицо. Предпринимает попытку увернуться, но я давлю чуть сильнее. Как только сталкиваемся взглядами, прошибает. Неумолимо. Навылет. Смертельно. Без шансов. Не могу я ей врать, глядя в глаза. Не выходит, сука, как ни стараюсь. Не хочу я

видеть слёзы у неё на ресницах. Не могу. – Диана, – хриплю на выдохе, – она взяла трубу, потому что я попросил её об этом. – не вся правда, конечно, но и ложью это не назовёшь, а больше Ди знать и не стоит.

Блядь, почему я не могу рядом с ней оставаться тем дерьмом, которым являюсь с другими? Стоит сказать ей, что ебу отцовскую невесту, и она поймёт, насколько я тварь. Но я, блядь, не могу. Не хочу, чтобы она это знала.

– Зачем? – шелестит, вскидывая взгляд вверх.

Веду подушечками больших пальцев по её мокрому от дождя скулам. Ощущаю холод кожи, дрожь тела и тепло дыхания. Она всего на мгновение опускает ресницы, а потом снова инициирует зрительный контакт. Принимаю его и говорю как есть:

– Ты и сама всё понимаешь, Дикарка.

Закрывает глаза и переводит дыхание, кивая. Пока она не смотрит, сглатываю образовавшийся в горле ком.

– Чтобы я оставила тебя в покое?

Глаза в глаза. Прямо и чётко. Бесстрашно. Со смыслом.

Спускаю руки на её плечи и прибиваю к себе. Кожа и штаны мгновенно намокают. Веду ладонями по напряжённой спине. Её руки ложатся мне на бёдра так, что несколько пальцев остаются на резинке штанов, а часть на голой коже, которая тут же покрывается мурахами.

Блядь, эта ненормальная мчала на байке под дождём среди ночи. Вот только зачем?

Едва собираюсь спросить, как она переворачивает с ног на голову не только весь мой мир, но и все принципы, установки, мысли. Всю мою жизнь она меняет всего тремя словами. Поднимая голову, жарко шепчет прямо в ушную раковину:

– Я не боюсь.

– А стоит. – обрубая с закрытыми глазами.

– Знаю.

– Тогда бойся. – сильнее сжимаю веки, пока перед глазами не появляются яркие вспышки.

– Не могу. Не хочу бояться, Егор.

– А чего ты хочешь?

Ведёт рукой вверх, пока не останавливает там, где колошматит озверевшее от её слов и близости сердце. Глаза в глаза. Нет, глубже. Туда, где только чернота, но она будто не видит её. Отказывается верить в её существование.

– Дай нам шанс. – шуршит совсем тихо, а моя броня с оглушающим звоном рассыпается вдребезги.

Загребаю воздух до внутреннего давления, отталкивая её от себя.

Нельзя, сука, нельзя. Хочу... Нет, не просто хочу. Я об этом мечтаю. Но как научиться сдерживать свою звериную сущность и не причинять боли своей Дикарке?

Своей?

Моей!

Замираем. Не дышим. Не моргаем. Даже её тело перестаёт дрожать.

Я сдаюсь ей, и она это видит, понимает. Мягкая улыбка сдаёт её с головой.

Маленький шагок навстречу мне. Мой навстречу ей. Сталкиваемся. Телами. Душами. Сердцами. Разгораемся. Пылаем в огне. Взрываемся.

Не могу я ей сопротивляться, сколько бы не тратил на это сил. На расстоянии пусть и сложно, но удавалось. Но когда она настолько близко, что я ощущаю не только её запах и дыхание, но и тепло, сдаюсь не только ей, но и этому странному притяжению и своим чувствам.

Слишком медленно поднимаю руку и касаюсь её пальцев. Кончиками веду вверх, пока рукав промокшей насквозь куртки не тормозит мой порыв. Глазами слежу, как мурашки, расплзающиеся по её коже, убегают туда, куда я не могу получить доступ.

Оба наблюдаем за моими действиями. Диана переворачивает кисть, подставляя мне ладонь. Спускаюсь уже по ней до самых подушечек. С громким, тяжёлым, обречённым выдохом подаюсь рукой вперёд. Пропускаю свои пальцы между её миллиметр за миллиметром от самых кончиков. Чувствую, как их простреливает током в тех местах, где соприкасаемся кожей. Как только между нашими ладонями не остаётся пространства, сжимаю пальцы. Дикарка тоже. Ещё какое-то время смотрим на наши сплетённые руки. Гладящие пальцы, размазывающие мою кровь, остающуюся на её тонких пальчиках.

Не давая себе отсчёта, поднимаю вверх и прикасаюсь искусанными за последние пару минут губами к каждому из них, ощущая вкус собственной крови. Оставляя её на губах.

Смотрим исключительно в глаза. Её грудная клетка быстро поднимается и резко опадает, но я не слышу ни звука втягиваемого воздуха, ни шумного выдоха.

Тишина... Гробовая и такая... комфортная.

В которой Диана подаётся вперёд, приподнимается на носочки и слизывает кровь с моих губ, а потом мягко целует. Со стоном боли оборачиваю второй рукой её спину. Придавливаю крепче к себе и отвечаю на поцелуй. Впускаю её в свой рот. Веду языком по её горячей влажной плоти. Обвожу кругами. Не просто сплетаемся, а будто одним целым становимся.

Девушка, так же, как и я до этого, медленно пробегается пальцами вверх по моей руке. От кончиков пальцев по кисти. До локтевого изгиба. По предплечью с нажимом. Через плечо ногтями. По шее царапая. Пока не останавливается на затылке. Перебирает непослушные волосы. Пальцами второй руки без остановки гладит ту, что сжимает её.

Так нежно всё у нас происходит, что мне начинает казаться, что этого сраного монстра я сам себе придумал. Не думал, что умею вот так: без нажима, без напора, без дикости, без похоти. Просто целовать, гладить, ласкать. Кайфовать отпряного аромата и осторожного тепла, которое она перекачивает внутрь моего окоченелого тела. В самое сердце, мно-

го лет назад обратившееся в камень.

Понимание приходит неожиданно и будто ураган врывается.

Она нужна мне. Я не могу без неё. Я без неё не хочу. Только с ней я смогу справиться со своей сущностью. Ради неё.

– Диана... – выдыхаю ей в рот.

– Егор... – отпускает свой выдох между наших не перестающих касаться друг друга губ.

Шорох автомобильных колёс и слепящий свет вырывают Дикарку из мои рук. Всё ещё находясь в эйфории её близости, с трудом разбираю испуг на её лице.

– Блядь! – толкает перешуганно. – Это Андрей. Я же ради этого и приехала к тебе, чтобы предупредить, что он знает. Всё. – на последнем слове поднимает на меня виноватый взгляд, но тут же опускает его вниз. – Извини, Егор. Я рассказала ему, когда ты ушёл. А сейчас эта сволота всё выложила.

Автоматом челюсти сжимаю, сразу понимая, о ком она говорит. Вспоминая о том, что он с ней делал, снова жалею, что поддался ей и не добил этого сраного суслика. Дианка моя. И я её. Сколько бы не сопротивлялись, не можем мы порознь. Пора это признать и смириться. Не выходит у нас. Это сильнее нас.

Сжимаю ладонями её лицо, ногой захлопывая распахнутую настежь дверь, и цепляю глаза.

– Диана, послушай меня сейчас и сделай, что прошу. – не

давая времени на возражения, быстро продолжаю. – Поднимись наверх. Последняя дверь справа – моя комната. Будь там. Не выходи. Я сам приду.

– Он убьёт тебя, Егор. – шуршит совсем тихо, но с паникой. – Мой мотоцикл возле дома, он увидит...

– Доверься мне, Дикарка, пожалуйста. – прижимаюсь к губам в невинном поцелуе. – Постарайся довериться.

– Доверяю. – отбивает, губами касаясь уголка рта, и бежит наверх.

А я вдруг понимаю, что она не только о сейчас говорит, но и в общем. Она доверяет мне не только этот разговор, но и наше возможное будущее. Всё в моих руках.

Забиваюсь воздухом до критических отметок. Снимаю с крючка куртку, натягиваю на себя и открываю дверь как раз в тот момент, когда её брат поднимается на крыльцо.

– Где Даня?! – рявкает, сжимая мой воротник в кулаках и прибывая к стене.

– Андрюха, знаю, что объяснять тебе сейчас что-то бесполезно, но мы с Дианой... – толкаю стабильно и спокойно.

– Какие вы? Какие, блядь, вы?! Каждый раз, когда она сталкивается с тобой, возвращается искусанная и с синяками! Никаких вас нет и никогда не будет! Ты – ебаное чудовище!

Скрипя зубами, вынуждаю себя просто принять это.

– Андрей, тебе сложно понять, а тем более принять это, но МЫ есть. Мы не можем друг без друга. Это не поддаётся

контролю. Это сильнее нас. Ты, блядь, и сам видишь, что твоя сестра сама тянется ко мне. Она сама приехала.

Он отдирает меня от стены и снова с силой впечатывает. Забив на боль, не позволяю себе не только ответить на его агрессию, но и повысить голос.

– Ебливая ты мразь! – орёт, брызжа слюной в лицо. Стучу сжатым кулаком в стену за своей спиной, чтобы удерживать хоть какой-то контроль. – Ей всего восемнадцать! Она ни хера о жизни не знает! Убедила себя, что влюбилась в тебя и пиздец! Пошли её! Скажи, что ни хуя не будет! Оттолкни раз и навсегда! Не подпускай и сам не приближайся к моей сестре, иначе я тебя урою нахер!

Цепляюсь скрюченными от усилия пальцев в его руки и отрываю от себя, отшвыривая.

– Я, блядь, пытался! – отбиваю криком, потому что не выходит иначе. Понимаю же, сука, что он прав, но уже не могу сделать того, чего он от меня ждёт. Мне остаётся только постараться его убедить в этом. – Знаю, что делал ей больно физически, но, блядь, больше этого не повторится! Или ты думаешь, что ей будет не больно, если я буду раз за разом отрывать её от себя?! Я могу держать себя в руках рядом с ней!

Он опять бросается на меня, ударяя кулаком в лицо. Как только чувствую во рту кровь, зверею. Чтобы не натворить дерьма, делаю шаг назад и скатываюсь по стене.

– Не подходи к ней, сука! Если так ты держишься, то что с ней будет, если, блядь, сорвёшься?!

Сколько бы я об этом не думал раньше, ответов у меня нет. Поэтому сейчас устало опускаю голову вниз и качаю ей. Развожу руки в стороны, понимая, что мне нечего ему ответить.

Дикарке реально стоит держаться от меня подальше. Но я понятия не имею, как не только удерживать её на расстоянии, но и как самому не приближаться к ней. Как позволить сейчас уйти? Как отпустить?

Андрей подрывает меня на ноги и снова бьёт по морде.

Вскипает кровь до опасных температур. Монстр взывает, требуя не только ответить, но и разорвать на кровавые куски.

Сжимаю кулаки, заносу для удара и... устало опускаю вниз.

У меня нет ни одного аргумента, способного его убедить в том, что я не опасен для Дианы, потому что это не так.

– Я забираю сестру. Больше никогда не появляйся в её жизни, иначе я и остальным распишу, что ты за мразь. Ник с Максом тебя на куски порвут за Даню.

Распахивает дверь, делая шаг в дом. Подскакиваю на ноги и сжимаю его предплечье. Он смотрит на меня бешеным и одновременно ошарашенным взглядом, потому что я неожиданно для самого себя ору:

– Я люблю её!

Между нами повисает тишина. Смотрю в его чёрные глаза, ожидая приговора. Свой я себе уже сам вынес. Был уверен, что не способен на это чувство, но, сука, оказывается,

ошибался.

Страшная правда, но какая есть. Я влюбился в эту девочку, даже не давая себе отчёта.

– Не приближайся к ней. – шипит со свистом сквозь зубы.

Предпринимает ещё одну попытку войти внутрь, но я дёргаю его назад, за что получаю ещё несколько ударов.

Я стою у края. Я на грани. Ещё мгновение и я сорвусь. Понимаю это, но тормознуть уже не способен. Сдерживаюсь только потому, что если искалечу брата Ди, то потеряю не только её, но и шанс на нормальную жизнь.

Новый удар. Лечу в стену. Отталкиваюсь от неё, но в этот момент выбегает Дикарка и с такой силой толкает Андрюху, что он отходит шагов на пять. С трудом различаю смазанные кровью силуэты. В ушах ревёт пульс и гремит сердце, но я слышу её отчаянный крик.

– Хватит, Андрей! Остановись! Уезжай! Это мой выбор! Мой! Я не ребёнок и всё понимаю, но я хочу быть с Егором! Дай мне этот шанс! Дай его нам, брат! Оставь нас в покое!

Отвернувшись от офигевшего брата, подлетает ко мне, с осторожностью стирая кровь с моих век и губ. Ощупывает голову, лицо. Пробегает глазами вниз, останавливаясь на руках, и облегчённо выдыхает. Прижимаясь вплотную к лицу, толкает дрожащим голосом:

– Ты сдержался. Ты смог, Егор. У тебя получилось. Ты не чудовище. Ты не такой.

Без конца гладит лицо, голову, шею. Прикасается к губам.

Поднимаю тяжёлые руки, придавливая к себе Диану.

– Смог, Дикарка. – шепчу ей в волосы. – Должен был.

Она разворачивается в моих руках, одновременно обнимая за спину, и смотрит прямо на оторопевшего брата.

– Даня, поехали домой. – хрипит он, делая шаг вперёд.

Она размыкает руки, но ловит мои пальцы и тянет к нему. Без сопротивления иду за ней. Тормозит напротив Андрея и рассекает уверенными интонациями:

– Я – Диана. Я больше не Даня. Я выросла, Андрюша. Я знаю, что просто не будет, но отдаю себе отсчёт в своих действиях и решениях. Мы просто не можем быть по отдельности. Нас тянет друг к другу. Мы правда старались. Оба. Три месяца мы справлялись, но я больше не могу так, брат. Не могу. Я доверяю Егору. Понимаешь? – цепляет трясущимися пальцами его сжатую в кулак руку и заглядывает в глаза. – Я знаю, что ты не доверишь ему, но поверь мне.

Он отшатывается, как от удара, закрывая глаза, и качает головой. Когда поднимает веки, пришибает меня яростным взглядом. Дикарка крепче сжимает руку, и я давлю в ответ, давая понять, что не сдамся.

– Если я ещё хоть раз увижу укус или синяк, то ты – труп. Если Даня... – сглатывает, перебрасывая взгляд на сестру. – Диана хоть раз из-за тебя заплачет, то тебе не жить.

С этими словами разворачивается и запрыгивает машину. Только когда она скрывается за горизонтом, одновременно с девушкой поворачиваемся, устанавливая зрительный кон-

такт. Она несмело улыбается и сипит:

– Егор...

Просто моё имя, но будто весь смысл мира в него вкладывает.

– Ты влюбилась в меня, Диана? – выпаливаю, сжимая трясущимися от холода, дождя, нервов пальцами её подбородок.

Она закусывает нижнюю губу и отбивает:

– Я уже говорила раньше, что меня к тебе как магнитом тянет.

Так себе ответ, конечно, потому что я не хочу, чтобы она любила меня. Пусть сам не смог по другому, но она не должна в меня влюбляться. Это не только опасно для неё, но и неправильно.

– Ты должна пообещать мне две вещи. – она внимательно всматривается в мои глаза и ждёт. – Никогда не влюбляйся в меня.

– Почему? – шелестит еле слышно.

– Потому что, Дикарка, я хочу, чтобы когда я сделаю тебе больно, ты ушла, а не терпела меня, потому что любишь. И это же вторая просьба. Когда поймёшь, что слишком сложно, уходи. В тот же момент, когда я сорвусь, отпускаяй. И не спорь, пожалуйста. Сейчас я был на грани. Однажды я её преступлю, и тогда ничего нельзя будет исправить. Я не хочу причинять тебе боль. Если не ради себя, то ради меня. – сколькою пальцами по её щеке и скуле, под волосы, сдавливаю

затылок, не позволяя отвести взгляд. – Пообещай, Ди. По-
клянись. Дай слово, что не полюбишь и не станешь страдать.

Она громко вдыхает и шепчет:

– Обещаю.

Глава 13

Я разучилась бояться

– Обещаю. – выдыхаю тихо, по-детски скреживая пальцы за спиной.

Знаю, что глупо, но это старая привычка, от которой никак не удаётся избавиться. Делаю так каждый раз, когда даю обещания, которые не намереваюсь сдерживать.

И сейчас тоже, конечно же, вру. Я не собираюсь сдаваться и отпускать. Не теперь. Не после всего.

Но эта ложь касается только ухода. Я не могу в него влюбиться, потому что уже влюблена.

Помню же, что ещё в далёком детстве поклялась самой себе, что никогда не отдам своё сердце другому человеку. Но один взгляд в проклятую бирюзу его глаз, и я не смогла сдержать данное самой себе слово.

Я нарушила его снова, когда целовала Егора возле ночного клуба, пусть днём обещала себе, что больше не сдамся своему непослушному сердцу. Итог таков, что теперь я стою под проливным дождём, мокрая, продрогшая до костей, но как никогда счастливая, в объятиях парня, которого люблю каждой клеточкой, и обещаю, что никогда этого не случится.

Очередной парадокс, но, кажется, я начинаю к ним при-

выкать.

Пусть я никогда не смогу сказать ему это слово, чтобы не потерять, но это не мешает моему сердцу отбивать ритм азбукой Морзе. Возможно, когда-нибудь он сможет понять его стук, но не сейчас. Ещё слишком рано.

Естественно, я не забыла ни о той блондинке из клуба, ни об этой Ире. Может, я бы и могла поверить в то, что он попросил ответить на мной звонок и не больше того, но вот её заявление, что он занят, собственнический взгляд и то, как она пыталась взять Северова за руку, когда он сказал ей уходить, наводят на определённые мысли.

Неужели у него что-то было или есть с невестой собственного отца?

Пугает ли меня это?

Определённо.

Отгалкивает?

Недостаточно.

Но ещё одна мысль никак не даёт мне покоя. Маргарита Николаевна сказала, что вероятная причина его поведения, приступов и срывов – насилие в семье. Но если это так, тогда почему он продолжает жить с отцом? Неужели ему не хватает денег, чтобы снять жильё и съехать от него? А может всему виной не папа, а мама, дядя, бабушка? Да кто угодно.

Я не могу спросить у Северова прямо, потому что на подсознательном уровне понимаю, что он в лучшем случае не ответит, а в худшем опять вышвырнет меня из своей жизни,

даже если ему придётся для этого наступить себе на горло. Если даже НикМак, которые дружат с ним на протяжении двух с лишним лет, ничего не знают о Егоре, то вряд ли он часто делится с другими своими проблемами.

Чтобы не развивать эти догадки, крепче прижимаюсь к телу парня, обнимая руками за шею, и прикасаюсь к губам. Он жмётся в ответ всего на несколько секунд.

– Пойдём в дом, Ди. – выбивает он, отстраняясь. – Ты и так мокрая насквозь. Хватит торчать под дождём.

Он, между прочим, тоже. А помимо этого ещё и весь в крови.

Быстро обернувшись на сиротски стоящий байк, тяжело вздыхаю.

– Мне надо найти какой-нибудь навес, чтобы загнать мотоцикл.

– Кстати, об этом... Ты совсем ебанулась в такую погоду гонять? – рычит Гора, усиливая давление на мои плечи, вдавливая пальцы до лёгкой, но ощутимой боли.

Вот вроде как и понимаю, что он ругает не потому, что относится ко мне как к неосмысленному ребёнку, а потому что переживает, но всё равно задевает.

– Только ты мне нотации не читай, ок? У меня и так четыре цербера по пятам ходят. – только собирается возразить, запечатаваю рот поцелуем. – Не пытайся меня контролировать. – добавляю уже немного жестче и тут же сбавляю природный гонор. – Давай не будем начинать так, Егор. Не надо,

пожалуйста.

– Дикарка-Дикарка. – качает головой, прикрыв веки. – Ты хоть понимаешь, с кем связываешься? – забивается кислородом. – Ладно, потом. Пойдём, покажу, куда байк загнать. Хватит уже мокнуть. Не хочу, чтобы твой брат убил меня, если ты заболеешь. – рассекает со слабой улыбкой на распухших от ударов губах, по которым я провожу пальцами, а он целует, вызывая ещё большую дрожь.

Оставив мотоцикл под навесом рядом с серебристой Бэхой, поворачиваюсь к парню. Егор, облокотившись на опору, затягивается дымом. Недовольно хмурю лоб, но ничего не говорю.

Вечно на братьев бурчу за то, что они курят, но это только я их слушаться должна, а моё мнение не в счёт. Не хватало ещё Горе ставить какие-то условия.

Когда подхожу к нему, вытягивает в мою сторону руку. Ныряю в его объятия, опустив голову на плечо. Он кладёт подбородок на макушку и хрипит:

– Сильно замёрзла?

Глупый вопрос, учитывая, что меня колотит не меньше, чем самого Егора. Уже зуб на зуб не попадает, отбивая неровную дробь.

Впрочем, парень и сам всё понимает. Сделав ещё тягу, выбрасывает сигарету и сжимает в ладони мои ледяные пальцы. Без слов ведёт меня в дом.

Если быть откровенной, то меня немного пугает то, что

мы проведём всю ночь вдвоём, но я всё равно послушно шагаю следом. Даже если сегодня всё случится, то я не дам заднюю, потому что не хочу снова его потерять. Ни за что на свете не признаюсь в своих страхах. К тому же это всего лишь девственность, а не сокровище ЮНЕСКО, которое надо хранить всю свою жизнь.

Не то чтобы я готова была переспать с первым встречным, но и беречь себя до старости тоже не собираюсь. К тому же, я ведь с Егором. С парнем, которого люблю. Так чего бояться?

Даже если мои чувства не взаимны, совсем не значит, что ему похеру на меня. Я же вижу, что его ко мне тянет не меньше, чем меня к нему. Как вижу и то, что он всё ещё старается с этим бороться. Даже несмотря на то, что отстаивал НАС перед Андрюхой.

Егор всё так же сжимает мои пальцы в своей ладони, медленно поднимаясь по лестнице, а я разглядываю широкий холл, белоснежные ступени, скучные стены, лаконичный дизайн мебели.

Если мой дом можно охарактеризовать как жилище в стиле "хай так", разноцветный, яркий, с неподходящей по стилю мебелью, кучей безделушек, сувениров, пейзажей, гербариев, которыми увлекается мама, модельками и постерами мотоциклов, то дом Егора больше похож на больницу. Оттенки белого, бежевого и серого разбавлены только чёрными пятнами мебели или каких-нибудь аксессуаров. Даже картины на стенах не выделяются из общей цветовой гаммы. Совре-

менно, но скучно. Я бы просто рехнулась жить в таком месте без красок и энергии. В нём будто нет жизни. Пустой и холодный. На психушку смахивает.

– Мне тоже не нравится. – толкает парень, притормаживая.

Видимо, он заметил, как я кручу головой из стороны в сторону и, очевидно, кривлю лицо.

Братья всегда палят, когда мне что-то не нравится, потому что если я не прилагаю все силы, чтобы не выдавать эмоций, то я – открытая книга.

– Почему? – спрашиваю, цепляя его мгновенно потемневший взгляд.

– У отца частная клиника, и та живее. А этот дом... Хм... Как бы так сказать? – потирает пальцами подбородок, оглядывая помещение. – Показуха. Там, – кивает в направлении справа от входа, – кухня, столовая, гостиная. В той стороне, – указывает напротив, – бильярдная, кабинет, гостевая ванная.

– А сколько здесь спален?

– Всего восемь.

– Вы здесь втроем живёте? – утвердительный кивок, но он почему-то напряжённо хмурится от моего вопроса. Понимаю, что стоит перестать спрашивать, потому что тема для него явно неприятная, но мне надо узнать о нём побольше. Только сделать это с особой осторожностью, не вызывая подозрений. – Ты сказал, что Ира, – при её упоминании руки сами сжимаются в кулаки, что тоже не скрывается от Севе-

рова, – невеста отца. А твоя мама?

– Ушла, когда мне было два. – отбивает, крепче сдавливая мои пальцы и глухо выдыхая. – И я здесь не живу. У меня своя квартира, но алкаши сверху устроили потоп, поэтому временно кантуюсь у отца.

– Извини. – пищу, отводя глаза в сторону.

– Забей, Дикарка. – ухмыляется разбитыми губами. – Восемнадцать лет прошло. Я как-то смирился.

Внимательно всматриваюсь в его лицо и только сейчас замечаю и разбитую бровь, и нос, и ссадины, и царапины на щеках, скулах, висках. Брат явно не сдерживался.

При свете жёлтого уличного фонаря невозможно было их рассмотреть. Прикасаюсь пальцами к коже возле раны, и Гора кривится, но ничего не говорит.

– И за это извини. – толкаю еле слышно. – Не надо было оставлять вас с Андреем вдвоём.

– Диана, – выдыхает он, накрывая мои пальцы ладонью и смещая вниз, прижимается губами. Обжигая дыханием, вызывает дрожь и мурашек, – какая же ты необыкновенная. Блядь... – сжимает челюсти, играя желваками. – Нельзя было поддаваться тебе. Ничего не изменилось. Я опасен. Для тебя. Твой брат это понимает.

– Егор, не надо. Не пытайся опять меня оттолкнуть. Я не откажусь от тебя. Ты можешь держать себя в руках, если это необходимо. Ты не ответил Андрею. И возле клуба сдержался.

– Не совсем. – ведёт пальцами по нижней губе, где красным знаменем виднеются укусы. Прикусывает щёку и как-то обречённо выдыхает. Чувство такое, что ведёт борьбу с самим собой, но проигрывает. – Ты же ничего обо мне не знаешь. Совсем. То, что ты видела... Я не всегда могу себя контролировать. Есть моменты, когда это сделать невозможно.

Понимаю, что это так и есть. То, что я видела – только верхушка айсберга. Я не заблуждаюсь на его счёт, но готова принять риски.

– Тогда расскажи мне о Егоре Северове. Я хочу знать всё. Я не боюсь тебя. Не хочу бояться, пойми, Егор. Я тоже пыталась с этим бороться, но стоило тебя увидеть в клубе, и я поняла, что больше не могу. Я хочу быть с тобой, даже ничего не зная.

– Моя Дикарка... – прибывает меня к себе, придавливая голову к плечу, чтобы я не могла видеть его, когда говорит. – Если ты узнаешь меня, то сбежишь. Я ужасный человек. И дело не только в срывах. Я – мразь, которой насрать на других. Я столько натворил за свою жизнь, что теперь не расхлебашься.

Почему он так говорит о себе? Почему считает себя таким ужасным? Что же с ним произошло? Что он сделал? А важно ли это? Я уже сделала свой выбор, так есть ли резон и дальше пытаться себя вопросами?

Вырываюсь из его рук и бросаю чёткий взгляд в бирюзовые глаза.

– Пусть так. Дай мне тебе помочь. Расскажи.

– Не хочу, чтобы ты знала, Ди. Кто угодно, только не ты. А сейчас, – устало опустив ресницы, переводит дыхание, – иди в комнату, возьми в шкафу какую-нибудь футболку или рубашку, а я принесу полотенца. Тебя колотит.

Еле сдерживаюсь, чтобы не закричать на него и не потребовать, чтобы он перестал отмалчиваться, но понимаю, что этим только отдалю его от себя. Раньше я всегда пёрла напролом, чтобы добиться желаемого, но теперь придётся научиться действовать осторожно и деликатно.

– И аптечку. – высекаю с улыбкой и получаю от Горы усмешку в ответ.

– Опять будешь меня лечить?

– Буду. – уверенно кивнув, кладу ладони ему на грудь. Он накрывает мои руки своими и дробно выдыхает.

– И мне этого не избежать?

– Не выделывайся, Егор. – его улыбка становится шире, а ладони переходят на талию.

– Чёрт с тобой, Дикарка. Иди в спальню. Переоденься пока, а я сейчас подойду.

Толкнув дверь, прикрываю её за спиной и включаю свет. Скидываю на пол промокшую до нитки куртку и подхожу к шкафу, но не открываю, окидывая взглядом комнату Егора.

Она отличается от общего интерьера дома, пусть и с нашим домом имеет мало общего.

Коричневый, серый и бежевый. Панорамное окно на всю

стену. Огромная кровать, заправленная серым покрывалом, шкаф, пара тумбочек. На стенах, кроме часов, картины и пустой рамки ничего.

– Что же ты за человек, Егор? – спрашиваю у той самой рамки.

Не просто же так она там висит. Наверняка раньше там была фотография, но почему он её убрал? И почему оставил рамку?

Набрав в лёгкие побольше кислорода, пропитанного ароматом парфюма, напоминающим море и чёрный перец, открываю шкаф. Накопив в аккуратных стопках футболку, понимаю, что она даже ягодицы не прикроет как следует, поэтому вытаскиваю рубашку и с трудом стягиваю мокрый свитерок, который продолжает липнуть к телу, упорно отказываясь покидать своё место. Кожаные штаны и вовсе вступают со мной в бой, не намереваясь сдаваться. Кожа – это, конечно, офигенски, но вот мокрая кожа – сущее проклятье.

Не только одежда, но даже бельё и тело мокрые. Капли срываются с волос и скатываются по спине и груди. Если сейчас надену сухие вещи, то и им не избежать той же участи. Понимаю же, что ждать Егора в одних трусах и лифчике не лучшая идея, но обратно свою одежду я уже не натяну. Тяжело вздохнув, беру рубашку.

– Бельё снимай. – оборачиваясь на голос, замираю.

– А? – выдаю неосмысленно, глядя на него из-под мгновенно отяжелевших век.

У меня четыре брата, и я тысячи раз видела их в одних трусах, но сейчас, глядя на Северова, и в груди, и в горле ком разрастается. Давит. Лишает мыслей. Забирает контроль. Похищает дыхание. Останавливает сердце. Вызывает мандраж. Покрывает огненными мурашками кожу. Обжигает огнём вены.

Сказать, что он красавчик, ничего не сказать. Он просто охеренный. Не только его тело и лицо, но даже то, что он настолько отличается от других. Это мне не просто нравится, но и нехило так будоражит, возбуждает, заводит.

К дождевой влаге в трусах примешивается моя собственная, только от одного его вида.

– Тоже мокрое. – толкает с хрипотцой, которая вынуждает меня заёрзать на месте и крепче сжать бёдра, что не ускользает от его внимательного изучающего взгляда.

Ещё какое мокрое, и с каждой секундой, что мы стоим, замерев друг напротив друга, промокает всё больше.

Ползу глазами от его грудной клетки вверх, но не решаюсь поднять их выше, замирая на чувственных губах. Будто ощущая моё пристальное внимание к этой части тела, шумно вздыхает и подворачивает губы внутрь. Прикусывает. Отпускает. Облизывает. Раз. Второй. Третий.

– Блядь.

В долгу за моё изучение его тела не остаётся. Скользит глазами от моих дрожащих губ по шее. Задерживает взгляд на груди, прикрытой синим атласом. По плоскому животу.

Замирает там, где начинается развилка бёдер. Он тяжело и громко сглатывает и утыкается глазами куда-то в стену за моей спиной.

– Пиздос, Дикарка, ты красивая. – сипит еле слышно.

Я даже не могу разобрать, какие именно эмоции топят нутро. Смущение от его откровенного взгляда и моего внешнего вида? Страх, вызванный огромным бугром, натягивающим его мокрые спортивные? Предвкушение того, что я проведу эту ночь в его постели?

Северов срывается с места и накидывает мне на плечи полотенце. Прижимая моё почти обнажённое тело к голому торсу, растирает махровой тканью плечи, спину и руки. Дышит так, будто с пробежки вернулся.

Чувство такое, что на мне вообще нет никакой одежды. Наши тела соприкасаются голой кожей, обжигая друг друга. Разбухшие соски, будто не сквозь ткань, вжимаются в его грудную клетку. Его большие ладони на моей спине гонят по позвоночнику импульсы, которые оседают между ног, вынуждая клитор пульсировать и сладко ныть, жаждать чего-то, чего я пока не совсем понимаю. Но определённо очень хочу.

Несмотря на то, что моё сердце громыкает на пределе, а дыхание вырывается короткими выдохами, набираюсь смелости и прикасаюсь пальцами к его прессу.

Как камень. – мелькает в голове. – И ниже, наверняка, тоже.

Вот только коснуться его там я пока не рискую.

Мышцы его живота резко сокращаются, а сам парень вздрагивает, будто у меня на кончиках пальцев электрошоке-ры. Обвожу каждый кубик, не дыша. Его дыхание тоже замирает, как и руки. Поднимаюсь вверх по груди, пока не добираюсь до шеи, где бешено бьётся вена. Встаю на носочки, касаюсь её губами. Цепляюсь пальцами в его крепкие плечи, чтобы не упасть, потому что ноги вдруг теряют свою силу.

Он в ответ не предпринимает никаких действий, позволяя мне касаться, гладить, изучать, целовать.

– Диана. – выдыхает Северов, давая полотенцу упасть на пол. Руками по голой спине. Губами по шее. Зубами по горлу. Мурашки по коже. Дрожь по нервам. – Бля-ядь. – растягивает стон на выдохе, когда опускаю свои ладони на его бугрящуюся мускулами спину и легонько царапаю. – Не стоит.

Но всё равно не отпускает. Его твердокаменный член упирается мне в лобок. В животе раскалённая пружина возбуждения. Между ног скапливается столько жидкости, что я ощущаю, как она сочится через ткань, начиная стекать по внутренней стороне бёдер. Сжимаю их крепче и сдавливаю руками голову Егора, вынуждая его оторваться от моей шеи, которую он без остановки целует и покусывает, чем заводит до безумия.

Во рту воцаряется пустыня, когда ловлю его чёрный, будто с поволокой, взгляд. Облизываю пересохшие губы.

– Блядь... – рычит Гора, накрывая мой рот своим.

Втягивает нижнюю губу и кусает, но совсем не так, как раньше. Просто прихватывает зубами, размашисто бегая по ней языком, а после принимается посасывать. Стону ему в рот, вжимаясь не только в его тело, но и вбиваясь в твёрдый ствол.

– Как же я хочу тебя, Дикарка. – сипит, спуская одну руку на прикрытые трусиками-танго ягодицы, а второй стискивая затылок.

Я тоже его хочу. – понимаю я, пусть раньше и не сталкивалась с подобными чувствами.

Толкает язык мне в рот, который я тут же обвожу своим, забивая рецепторы привкусом табака и виски. Глажу и ласкаю с каким-то животным рвением. Безостановочно поглаживаю его рельефную спину, крутые плечи, острые скулы, накачанные руки. Пальцами гоняюсь за мурашками, которые разбегаются по его коже. Моя и вовсе покрывается ими от кончиков пальцев на ногах до самой макушки.

– Так возьми. – выбиваю смело, опуская руку к эрекции, но как только касаюсь твёрдой плоти, он быстро размыкает объятия и отходит на пару шагов, тяжело дыша.

Его грудная клетка со скрипом поднимается и резко падает вниз, в то время как я стараюсь ухватить хоть немного вязкого воздуха, но словно задыхаюсь. Кажется, с ним так происходит каждый раз.

– Ты всё ещё целка? – высекает, сжимая кулаки с такой силой, что начинает сочиться кровь. Смотрит исключительно в

глаза, а я с трудом фокусирую на нём расплывчатый взгляд. Сглатываю застрявший в горле ком, но он никак не хочет возвращать мне возможность говорить. – Ответь, Ди.

– Да. – выталкиваю беззвучно, опустив вниз ресницы, чтобы не видеть его потемневшего лица и сжатых до скрежета челюстей.

– Пиздос, блядь! – бросает, поворачиваясь ко мне спиной, продолжая сжимать пальцы.

– Это плохо?

Чувствую себя маленькой беззащитной девочкой и еле сдерживаю слёзы обиды.

– Лучше бы ты ей не была.

И что мне теперь делать? Пойти переспать с каким-нибудь уродом, чтобы исправить это упущение?

Утыкается лбом в стену, опираясь кулаками по обе стороны от головы. Только движение напряжённых мышц на спине и подрагивающиеся пальцы выдают в нём живого человека, а не каменную статую.

Я стараюсь понять, в чём проблема, но не могу. Если я что-то и знаю о парнях и мужчинах хотя бы из обсуждений братьев, так это то, что они любят быть у девушек первыми. Чтобы никто не топтался по этой дорожке раньше. Обучать, наставлять, подстраивать именно под себя. Лепить свой идеал.

Почему же Егор так реагирует?

Неуверенно иду к нему и веду трясущейся рукой по ока-

меневшей спине. Парень вздрагивает от моего прикосновения и так убито вздыхает, что мне физически больно становится.

– Егор. – зову, но даже сама себя не слышу.

Он оборачивается и рывком прижимает меня к груди, крепко стискивая руками. До боли. До дрожи. До остановки дыхания. До замирания сердца.

– Моя Дикарка... – бомбит сипло полным отчаяния голосом. – Не могу... Не могу так с тобой... Не хочу...

– Почему, Егор? – выталкиваю, поднимая на него глаза. – Расскажи. Объясни. Я хочу понять тебя.

– Потому что я зверею во время секса. – разжав объятия, отходит к окну и смотрит на смазанную дождевыми потоками улицу. – Именно так я расслабляюсь, чтобы не срываться в жизни. Я делаю больно тем, кого трахаю. А знаешь почему? – моего ответа не ждёт, тут же продолжая с мрачным смешком. – Потому что я – чудовище. Мне нравится причинять боль. Нравится, когда меня боятся. Я люблю видеть ужас в их глазах. Поэтому и сказал тебе ещё тогда, что ебу только тех, кто готов это принять. Теперь ты понимаешь, почему я ушёл? Чтобы защитить тебя от себя. Потому что ты – другая. С виду бесстрашная, сумасшедшая оторва, но, блядь, такая нежная и мягкая внутри. Девочка, которую можно только любить, беречь, защищать. С которой надо заниматься любовью. О которой надо заботиться. Я не способен на это. Я люблю душить девок, когда вколачиваю в них

член. Смотреть, как синее лицо. Чувствовать, как они зады-
хаются. Держать их жизнь в своих руках. Как только возбуж-
даюсь, теряю контроль. И это далеко не всё. Я хочу слышать
их крики и мольбы. Понимаешь, Ди? Ты, блядь, понимаешь,
что я за животное?! – последнее уже криком на обороте.

Глаза в глаза. В его зрачках такая боль и ужас, что я на вре-
мя забываю о страхе, вызванном его признанием. Я и рань-
ше знала, что во время секса с ним что-то происходит, но и
представить не могла, что всё настолько запущено, страшно,
опасно.

Как бы меня саму сейчас не затягивало в пучину паники,
понимаю, что не могу его оставить. Не только в этот момент,
но и вообще. Потому что люблю его, каким бы он ни был. Я
не могу бороться со своим сердцем, но могу бороться с его
монстром. Я не отдам ему Егора. Он мой.

Пытаюсь сделать шаг к нему, но меня будто парализует.
Горло стягивает спазмом. Я едва дышу, а сердце и вовсе пер-
естаёт биться. В голове невнятный гул. По конечностям ле-
тит не только внутренняя, но и визуальная дрожь. Меня не
просто колотит, а физически трясёт.

– Вот теперь ты боишься. Правильно, Диана. Ты должна
бояться. Оденься, – бросает на кровать рубашку, которую я
собиралась надеть, – отвезу тебя домой.

Достаёт из шкафа сухую одежду и спускает мокрые штан-
ны. Одевается как ни в чём не бывало, даже не глядя на ме-
ня. Будто меня здесь нет.

Но так просто он от меня не избежит.

Сжимаю кулаки, собирая в них всю силу и смелость, которые у меня и есть, пока боль в ладонях не преодолевает возможный предел терпения. Забываюсь кислородом, наполнив лёгкие до края. Поднимаю голову вверх, а в глаза заталкиваю решимость и то, что Егор отказывается принимать, но и скрыть я это не способна.

– Я не боюсь. – выбиваю тихо-тихо.

– Что? – рычит, перестав застёгивать рубашку.

Замирает с полувдетой в петлю пуговицей. Заторможенно моргает, но не переставая скрипит зубами.

Всего на мгновение я вижу в его зрачках отражение того монстра, с которым столкнулась и которым он и сам себя зовёт, но его быстро топит поток боли, отчаяния, страха и одиночества.

Мама всегда говорила, что у меня очень сильно развитое чувство эмпатии, но я заявляла, что мне это нафиг не надо. Теперь жалею, что не пыталась понимать других людей раньше, чтобы сейчас можно было без ошибок распознать все эмоции и страхи Северова. Тогда бы я могла помочь ему не только ради него, но и, как бы эгоистично это не звучало, ради самой себя. Потому что я уверена, что мы должны быть вместе. Ладно я, но ведь у Егора дохрена девушек было, но даже он не может противиться этому притяжению и разорвать невидимую связь, сковывающую нас.

– Я тебя не боюсь, Егор! – обрубая уже громче и уверен-

нее. – И я никуда не поеду. Я остаюсь с тобой.

– Дикарка, блядь! – рывкает, закипая, но темнота в глазах медленно рассеивается. – Ты вообще слышала, что я говорил тебе? Я – монстр. Я не умею иначе.

Шаги навстречу ему. Не столько физически, сколько душой и сердцем тянусь. Обнимаю за шею, сцепляю руки в замок, не давая ему меня оттолкнуть. Прижимаюсь голой кожей к его обжигающе-горячему телу и шепчу в его искусанные и разбитые губы:

– Тогда давай учиться вместе, Егор, потому что я не собираюсь опять тебя отпускать. Смирись.

Глава 14

Я готова идти до конца

– Что же мне с тобой делать, Ди? – сипит парень, глядя на меня сверху вниз.

Растягиваю губы в лёгкой улыбке и качаю головой.

– Я бы тебе сказала, но, боюсь, такой вариант тебе не понравится.

Он тихо смеётся, пожирая глазами моё лицо.

– А-уу! Больно!

– Значит, перестань ржать. – отбиваю со смехом, вытирая запёкшуюся кровь в уголке его всё ещё искривлённых ухмылкой губ.

– Ты права. Тут плакать стоит, а не смеяться. – продолжает подкалывать с задорным смехом.

– Егор, блин. – стукаю его кулаком по плечу, а он только громче ржёт. – Хватит уже! – отсекаю чуть злее, повысив голос на пару тонов. – Дай мне нормально раны обработать.

– Я тебе не мешаю.

– Харе угорать, а то я так и до утра не закончу. И вообще, – пробегаюсь хмурым взглядом по его лицу, – надо было дать Андрюхе сдачи. Он перегнул. Сильно.

– Порядок, Дикарка. И не так доставалось. Не парься. –

отбивает, ни на секунду не переставая лыбиться.

Молча кивнув, продолжаю промывать царапины и смазывать синяки. На протяжении всего процесса он вообще не отводит от меня внимательного взгляда, а я чувствую себя слишком неудобно, потому что он сидит на краю кровати, а я стою на коленях между его раздвинутых ног в просвечивающейся рубашке и широких спортивных штанах без нижнего белья.

Обрабатывая рану над бровью, приподнимаюсь выше, обжигая его нестабильным дыханием свои губы. Еле сдерживаюсь, чтобы не прикоснуться ими к его рту. Парень глухо выдыхает. Поднимая руки мне на плечи, прижимает ближе. Между нашими лицами остаётся всего пара сантиметров.

– Я не смогу тебя переубедить, Ди? – хрипит с тяжёлым отчаянием, всматриваясь в мои глаза.

Задевает до глубины души то, что он всё равно ищет способы меня оттолкнуть, пусть я и ясно дала понять, что не собираюсь отступить.

Подаваясь вперёд, задеваю его губы.

– Нет, Егор. Я же вижу, что и ты не можешь справиться с этой тягой. Ты сам подошёл ко мне в клубе. Когда я пришла к тебе, именно ты сделал шаг навстречу. И если бы ты не хотел, чтобы я была рядом, то не стал бы не только терпеть удары моего брата, но и говорить с ним.

– И почему ты так уверена, что я отстаивал тебя, а не просил его увезти тебя домой? – отбивает с грустной улыбкой.

Пробегаюсь глазами по его лицу. Провожу пальцами вокруг разбитой брови, давая ответ, но всё равно говорю:

– Потому что моих слов было недостаточно, чтобы убедить его. Что ты ему сказал?

Он вздыхает так, будто у него на груди лежит каменная глыба, а потом опускает веки и хмуро выталкивает:

– То, чего не стоило.

– Я так понимаю, что спрашивать бесполезно? – поднимаю вверх бровь, а он открывает глаза и проводит пальцами по моей щеке.

– Правильно понимаешь, Дикарка. – ничего не ответив, продолжаю заниматься его лечением. – Не верю, что ты так просто сдаёшься. – толкает с усмешкой.

Прижав ватный диск к брови, ухмыляюсь и отбиваю:

– Это не сдача, а тактическое отступление. Подожду лучшего момента и более подходящей ситуации.

– Как же меня от тебя прёт, Диана. – говорит сильными интонациями, замирая взглядом на моих глазах.

Убирая мою руку от своего лица, сжимает локти, вынуждая подняться. Когда оказываюсь на ногах, он подтягивает ближе, утыкаясь лицом в мой живот. Даже через ткань рубашки его дыхание обжигает до открытых ран. Придерживает ладонями за талию. Мурашки скачут по моему телу. Пружина внизу живота идёт на нагрев. Опускаю руки ему на голову, прочёсывая пальцами спутанные белые волосы. Перебирая их. Вызывая дрожь и в его стальном теле. Его кисти

опускаются ниже, сдавливают задницу, а потом пробираются под край рубашки. Как только касается голой кожи, пробивает током по всем нервным окончаниям.

– Иди ко мне.

Только собираюсь возразить, что и так, как парень давит под коленями, отчего они подгибаются, а он сдвигается назад, чтобы я смогла упасть на колени между его ног. Медленно опускается на спину, подтягивая меня за собой, пока я не оказываюсь сверху на его теле. Грудь расплющивается. Дыхание срывается. Пальцы заходятся нервной дрожью. Сердечная мышца сбивается с ритма, начиная отбивать по рёбрам мой любимый рок.

– Егор... – шепчу на выдохе, ведя ладонями по его лицу, запоминая каждую чёрточку, родинку, белый шрам на нижней губе и более большой на правой стороне подбородка.

– Поцелуй меня, Дикарка. – режет хрипло, накаляя пружину.

Даже лёжа сверху на нём, чувствую себя так, будто это он уложил меня на лопатки, не давая возможности вырваться. И дело даже не в стальной хватке, которой он сжимает мою поясницу, а в гипнотической бирюзе его глаз.

Проклятая бирюза, в которой я тону и задыхаюсь, захлёбываюсь и не могу выгрести.

А хочу ли? Если ты уже всё равно падаешь в пропасть, то нет никакого смысла махать руками и ногами. Надо просто расслабиться и отдаться свободному падению.

Касаюсь кончиками пальцев его чувственных губ, а он прихватывает их и втягивает в рот. Горячий мокрый язык обводит по кругу, проходится между, сводит с ума, срывает к чертям контроль.

Привычная влага между ног вызывает неловкость, но я не предпринимаю ни единой попытки ни вернуть себе пальцы, ни подняться с него, ни разорвать зрительную связь.

Возбуждает всё это чертовски сильно. Я напрочь забываю о том, как Гора говорил, что звереет, когда заводится, а сейчас он определённо заведён до предела. Член давит мне в живот до боли. Рваные выдохи, тяжёлые разрывные вдохи, хриплые стоны. Его. Мои. Наши общие. Смешанные.

Сдаваясь, опускаю голову, прижимаюсь губами к его верхней губе и собственным пальцам, которые он продолжает лизать и сосать.

Как же это пошло, грязно, дико, интимно, возбуждающе, будоражаще, кайфово, мозгодробяще, заводяще. Вставляет похлеще любого алкоголя и даже адреналина, который является не только неотъемлемой частью меня, но и хронической зависимостью.

Он выталкивает языком фаланги и обводит им свои губы, задевая и мои, всё так же прижатые к его рту.

– Кусай. – приказывает, вываливая язык.

Без сопротивления и вообще каких-либо мыслей прихватываю влажную плоть зубами и слабо сдавливаю, вызывая у него гортанный тихий стон, летящий по моим нервам дро-

жью. Продолжая держать зубами, касаюсь собственным языком, веду из стороны в сторону. Разжимаю хватку, но тут же прихватываю дальше, урывая половину. Ласкаю его язык своим, ведя взад-вперёд сначала по верхней его части, а затем и снизу.

Егор обхватывает мою спину крест-накрест, прибивая меня к себе так, что рёбра давят на лёгкие, лишая возможности дышать. От неожиданности расслабляю челюсти, выпуская лакомство, но даже не успеваю вдохнуть, как он сам толкается в мою ротовую полость, хозяйничая, управляя, прогибая, лишая воли. Пальцами опять под ткань пробирается, перебирая позвонки, по которым мечутся шаровые молнии, гоняющиеся за его теплом. Кроме яростного поцелуя, никакого напора не проявляет.

Его прикосновения лёгкие, нежные, невесомые и будто выверенные, сдержанные, контролируемые.

Несмотря на собственное возбуждение и затуманенные желанием мозги, я чувствую, что он сдерживает себя. Его мышцы, как раскалённый металл, такие же горячие и такие же твёрдые, напряжённые.

А я вдруг понимаю, что хочу сорвать его контроль. Вынудить показать мне монстра, о котором он говорил. Я просто не могу поверить в то, что он ведёт себя так с другими. Ладно приступы ярости, которые он не может остановить, но ведь он полностью понимает, что и для чего делает во время секса. Я знаю, что такое поведение называется — садизмом,

но он не проявляет его нигде, кроме постели.

Поймав его язык зубами — кусаю. До боли. Расчётливо. Ногтями впиваюсь в плечи. Царапаю до красных борозд.

Егор с рыком подаётся бёдрами вверх, вбивая в меня твердокаменный член, а следом я оказываюсь на спине, вдавленная в матрац его телом. Он кусает мои губы, но опять же — на контроле. Боль есть, но следов не останется. Упирается на один локоть, опять врываясь языком в рот, сплетаясь с моим.

Отвечаю с диким рвением. Царапаю его рельефную спину, но теперь уже без какого-либо умысла, а потому, что не могу остановить свои руки. Северов же ведёт ладонью по животу вверх, пока не добирается к основанию груди. Замирает. Разрывает поцелуй. Утыкается лбом в переносицу, размазанным взглядом впиваясь в мои, с трудом разбирающие его размытый возбуждением силуэт глаза.

Безмолвно спрашивает разрешение.

А я не просто не могу его остановить, но и хочу почувствовать его руки на груди, сосках, между бёдер, внутри своего тела. Я не могу контролировать этот порыв, поэтому накрываю трясущейся кистью его пальцы, сжимая, и веду вверх. Как только он глухо выдыхает, я отвечаю отрывистым стоном. Парень сдавливая полушарие, проводит пальцами по скукожившемуся соску. Сжимает между большим и указательным твёрдую вершинку и тянет вверх. Выгибаю спину. Прибиваю к себе его голову, жадно целую. Давлюсь огромным количеством выделяемой слюны, и Северов освобождает

ет мой рот, давая возможность сглотнуть. Поднимаю отяжелевшие веки. Глаза в глаза. В его зрачках такая же темнота, как и когда он говорил о том, что с ним происходит. Челюсти сжаты. Зубы скрипят. Желваки мелькают под кожей. Но вразрез со злостью на лице, его пальцы перебегают на второй сосок. Указательным просто гладит по самой верхушке. Тело само подаётся ему навстречу, жаждая большего.

Я хочу его. Хочу! Страшно, да, но тормознуть свои тело, мысли, желания не способна.

– Блядь, Дикарка, харе. – выдыхает надрывно, но будто и сам остановиться не может, сжимая горошину и прокручивая её по часовой стрелке, чем вынуждает меня застонать в голос.

– Я не хочу останавливаться. – выбиваю на вдохе, сжимая в ладонях его голову. Легко прикасаюсь к губам. – Мне так хорошо, Егор. Не хочу, чтобы ты прекращал.

Подушечками по вискам — нежно. Губами по подбородку — ласково. Телом навстречу его рукам — смело.

Он с усилием загребаёт кислород в лёгкие и опять целует, но совсем недолго.

– Моя Дикарка. – толкает с хриплыми интонациями, опускаясь на бок и прижимая меня к себе. – Я уже на грани. Я хочу выебать тебя прямо сейчас. Без тормозов.

– Так сделай это, Егор. – выбиваю бесстрашно, а у самой внутренности в мясной шар сворачиваются от страха.

Я возбуждена, да. Но готова ли к сексу? Я хочу, чтобы

он коснулся меня там, но не думаю, что смогу так просто отдаться ему. И пусть я люблю его, но почти не знаю. Откуда во мне это безграничное доверие, будто знаю его всю жизнь и даже до этого? Целую вечность...

– Жёстко. Грубо. Я хочу сделать тебе больно. Хочу, чтобы ты кричала от этой боли. Ты этого хочешь? – разрубает жёстко, не разрывая зрительного контакта.

Интуитивно понимаю, что именно в данный момент – это не попытка снова напугать меня, а его тайные желания. Откровенные. Прямые. Злобные. Опасные.

Закусив губу, несмело веду головой из стороны в сторону. Он глухо выпускает переработанный кислород и поднимается с постели. Открыв окно, закуривает. От холодного влажного воздуха вздрагиваю и ёжусь, поднимаясь на колени. Сползаю следом за ним и ныряю ему под руку. Сжимает плечи и опускает на меня виноватый взгляд.

– Прости, Диана, не могу. Может с виду и кажется, что я контролирую, но это не так. Я держался из последних, чтобы не сдавить, прокрутить, оттянуть до боли. Ласкал тебя, а сам в мыслях сжимал твоё горло. Блядь, – толкает убито, опуская голову вниз, – я не могу с этим бороться. Ещё немного, и я бы сделал то, чего не должен. Тормозит только то, что я не позволяю себе забыть, что рядом со мной именно ты, – упор на местоимение, – а не кто-то другой. Я вообще не представляю, как заниматься с тобой сексом, как лишать девственности. – щёки обжигает жаром от его слов, но, поборов стыд

и смущение, сжимаю ладонями его лицо, без слов прося посмотреть на меня. Он цепляется за мои глаза и выталкивает, словно через силу. – Я, блядь, даже понятия не имею, как подготовить тебя к сексу. Есть причины, по которым я не связываюсь с девственницами, но это не значит, что я не понимаю, что не могу просто трахнуть тебя без подготовки. Но, сука, не представляю, как даже это сделать, не слетев с катушек. – с каждым словом его голос становится всё тише, пока не садится до беззвучного движения губ.

– Егор, – шепчу ему в рот. Пробегаюсь непослушными пальцами по его подбородку, щеке, виску, носу, губам, а потом коротко целую. Скинув с плеча его руку, отхожу на пару шагов, скрываясь от нежелательных взглядов за римской шторой. Дрожащими пальцами расстёгиваю верхнюю пуговицу рубашки и спускаюсь к следующей. Вскинув робкий взгляд на Северова, замечаю, что он следит за моими неуверенными действиями, даже не дыша. Когда последняя пуговица выскакивает из петли, веду плечами назад, позволяя ткани соскользнуть на пол. Смотрю в его потемневшие бирюзовые глаза и со всей силой чувств, что извергаются внутри вулканами, выбиваю вибрирующими от переизбытка эмоций интонациями, – я тебе доверяю.

Глава 15

Готова принять риски?

Сглотнув нереальное количество слюны, скопившееся в ротовой полости, пока я наблюдал, как Ди раздевается, рывком отворачиваюсь, избегая искушения, которое вызывает голая по пояс Дикарка. Мне достаточно было видеть её сначала в трусах и лифоне, а потом и в просвечивающейся рубашке, а сейчас последняя нить контроля выпадает из моих рук.

Приложившись лбом к противоположной стене, через боль, сковывающую нутро, перевожу дыхание, стараясь совладать со своей дерьмовой сущностью. Учитывая то, сколько раз я утыкался за эту ночь башкой в стену, то стоит собрать их в кучу и ускориться, чтобы расшибить её нахрен и избавиться от чёртового наваждения.

Что я там говорил о Дикарке? Смелая? Сильная? Она больная на всю голову, если после всего, что я говорил и делал, продолжает настаивать на том, что не боится меня. Понимаю же, что стоит сейчас дать себе волю, и я больше никогда её не увижу, но, сука, не выходит. Пока хоть какой-то контроль имею, боль ей не причину.

– Егор. – доносится со спины шорох её ласкового, успока-

ивающего голоса. – Посмотри на меня.

– Блядь, Ди, оденься. – отсекаю, скрежеща зубами.

Короткий взгляд на отражение в зеркале, но и его достаточно, чтобы понять, что выполнять мой приказ она не собирается. Идёт ко мне с голыми сиськами наперевес. Сука, тройка не меньше, но такие пиздатые. Подтянутые, круглые, аппетитные. Не свисают, как у большинства известных мне девах. Тут даже и сравнивать стрёмно. Дианка во всём отличается от остальных. А её соски... Едва коснулся, уже понял, что они не только большие пропорциональные груди, но и пиздец какие чувствительные. А эти горловые стоны... Тихие и такие же, как и вся она – нежные. Пиздос как дробят контроль. И это её "доверяю" и бесит, и, сука, не даёт сорваться, чтобы не обмануть доверия.

Едва расстояние между нами сокращается до вытянутой руки, срываюсь к кровати, стягиваю с неё покрывало и закутываю в него Диану. Ловя глаза с расширенными зрачками, выбиваю грубо:

– Доверие – это не всё.

– Моё – всё. Безгранично, Егор.

– Блядь, Диана, перестань меня соблазнять. Закончится тем, что ты сбежишь в слезах и соплях, а может и в крови. Не надо, прошу тебя, девочка, не делай этого.

Проигнорив то, что я сам, не понимая с какого хера назвал её девочкой, отбивает:

– Я стараюсь не соблазнить тебя, а дать понять, что ты

можешь с этим справиться.

– Тебе откуда знать?! – рявкаю с яростью.

Она только качает головой и высовывает руку из-под покрывала. Кладёт туда, где долбитя озверевшее сердце.

– Просто знаю.

Сука, убивает её непробиваемость. Но она же и вставля-ет. И заставляет верить, что я реально могу держать своего монстра. С ней. Только с ней.

А ещё я понимаю простую истину: Диана теперь моя, и я никогда не смогу отдать её другому, так же, как и не смогу хранить целибат. Она явно не собирается сдаваться, а оттолкнуть её я не способен. Рано или поздно у нас всё случит-ся, а для этого мне необходимо научиться сдерживать себя во чтобы то ни стало.

Девушка всё так же стоит, замерев, медленно втягивая воздух через нос и так же его и выпуская. Её ладонь пусть и прохладная, но всё равно греет там, где всё покрыто льдом.

Персиковые губы приоткрыты, а в глазах застыло ожида-ние моего решения.

Забиваюсь кислородом до предельной отметки и прого-няю его крайне медленно, выбивая сквозь стянутые до скре-жета зубы. Разжимаю кулаки и поднимаю ладони к её лицу. Вздрагивает, как от удара тока, но продолжает пытаться меня взглядом.

– Готова рискнуть? – вырываю хрипом, погружаясь в си-нюю глубину её глаз.

– Да. – слабый выдох, но уверенный прямой взгляд.

– Делай всё, что я тебе говорю, Ди. Когда спрашиваю – только правда. Не старайся юлить. Поняла?

– Хорошо.

– Боишься?

– Немного.

– Меня? – веду большим пальцем по скуле и подбородку, глазами отслеживая, как под покрывало сбегает мурашки.

– Нет. Того, что случится.

Не надо быть телепатом, чтобы знать, что она думает, что я собираюсь её трахать. Не собираюсь. Не сегодня. Только небольшое испытание для моей нестабильной психики и уровня её доверия и послушания.

– Расслабься, Дикарка. Просто верь мне. Доверяй.

На этих словах сжимаю в руках края пледа и скидываю его на пол. Девушка заходится лёгкой дрожью, а вся кожа покрывается пупырьками.

– Холодно?

– Терпимо.

– Что бы я сейчас ни делал, смотри на меня, Диана. В глаза. Держи меня, Дикарка. Не дай упасть. Держи. – бомблю, забив на собственный мандраж от страха, что могу перегнуть, но если не попробую, никогда не узнаю.

Она немного опускает голову вниз, давая знать, что принимает мои условия, но взглядом удерживает крепко. И я глаз от её лица не отвожу, несмотря на то что хочется рас-

смотреть её в мельчайших подробностях. Она нереально красивая. Необыкновенная. Идеальная.

Спускаю ладони с её щёк на шею. Четыре пальца каждой руки на заднюю часть, большие на горло. Сжимаю. Не сильно, но ощутимо.

Держит глазами Дикарка. Паники нет.

Хорошо.

Сдавливаю чуть сильнее.

Не отпускает. Терпит.

Усиливаю нажим. Её дрожь становится крупнее. Крепче сжимаю тонкую шею. Она упорно продолжает смотреть в глаза.

В ту секунду, когда задерживает дыхание, а зрачки расширяются, выказывая страх, ослабляю хватку, лаская пальцами её шею и горло. Дианка жадно хватает воздух.

– Пугаю? – выдыхаю с заметной дрожью в севшем голосе.

Даже мотор замирает за рёберным каркасом.

Блядь, зачем я вообще это делаю? Для чего стараюсь вызвать в ней страх, если не собираюсь отпускать? Наверное, потому что должен быть уверен, что она готова принять меня со всеми тараканами и заскоками.

– Немного. – шелестит с лёгким испугом, но продолжает смотреть в глаза.

Блядь, сколько же силы в этой хрупкой девочке?

– Ты нереальная, Дикарка. – выталкиваю сипом, продолжая гладить тонкую шею.

Наклонившись, ловлю губами её сорванное, раздробленное дыхание. Завладевая её губами, толкаюсь языком в рот, который Ди принимает и сразу же отвечает. Пока наши языки танцуют в древнем танце, медленно веду руками вниз от шеи по ключицам, по мягкой плоти груди, подушечками пальцев по сморщенным вершинкам сосков, вынуждая девушку дрожать сильнее. Вывожу узоры на плоском животе, ощущая твёрдый пресс под внешней тонкостью.

– Качаешься, Ди? – толкаю с улыбкой, освободив её рот.

– Боишься? – улыбается в ответ.

– Блядь, как же ты меня вставляешь. Нереальная. Необыкновенная. Моя. – последнее слово, как печать и обещание.

– А ты, Егор? – на секунды взгляд в сторону и снова берёт меня в плен. – Ты мой?

Отличный вопрос. Впрочем, уже решённый.

– Твой, Диана. Твой. – сиплю, толкаясь лбом в её переносицу. – Держи меня.

– Держу. – отбивает с такой счастливой улыбкой, что моё сердце заходится в бешеном ритме, пробивая трещины в каменной оболочке.

Утопая в синеве, поднимаю руки обратно к груди, стискивая мягкие упругие полушария. Большими пальцами оглаживаю затвердевшие камушки. Ди тихо стонет, срывая мне пробки, но взгляд не отводит. Прижимаю большие пальцы к её губам и приказываю:

– Оближи. – несмело высовывает язык, лизнув сначала один палец, а затем и второй. – Ещё. – хриплю от срывающегося башню кайфа. – Умница. – хвалю, когда выполняет указание, щедро смазывая мои пальцы вязкой слюной.

Обвожу ими соски и дую тонкой струйкой воздуха. Её тело прошибает спазмом, а глаза закатываются от удовольствия. Тремя фалангами сжимаю их и с тонким расчётом прокручиваю, вынуждая её стонать громче. Дикарка выгибает спину, выпячивая грудь, требуя продолжать. Подчиняясь её безмолвному требованию, оттягиваю, сползая взглядом с её лица к груди. Наблюдаю за своими действиями так, будто это поможет мне держать контроль. Тяну, кручу, сжимаю, глажу. Наклонившись ниже, скольжу языком по горошинкам, оставляя слюну на её сосках, как метку.

Колени Ди подгибаются, и мне приходится перехватить её за поясницу, чтобы не упала.

Она дышит часто и поверхностно. Сиськи поднимаются вместе с её грудной клеткой, вжимаясь мне в ладонь, срывая башню.

Забиваюсь кислородом до отказа и командую:

– Повернись ко мне спиной.

Она прокручивается на ватных ногах. Вжимаясь грудиной в её обнажённую спину, сгребаю пальцы в кулаки, продолжая сдерживать монстра, который рвётся наружу вместе с гото-

вым взорваться членом.

Блядь, да когда мне вообще приходилось сдерживаться? И даже не в том плане, чтобы не причинять боль, а чтобы не вывалить член и войти в деваху? Никогда. Что же делает со мной эта девушка?

Оборачиваю руки вокруг её талии, складывая на животе. Усиливая напор, толкаю вперёд, вынуждая перебирать ногами, пока не оказывается в полуметре от открытого окна.

– Егор, – хрипит возмущённо, – что ты делаешь? Если увидят?

– Расслабься, Дикарка.

Закрываю распахнутое окно и выключаю свет. Хочу, чтобы она была на адреналине, поэтому не говорю, что на стёклах односторонняя тонировка, которая мешает увидеть всё, что происходит по эту сторона окна.

Кладу ладони на её острые бёдра, мучительно медленно поднимая их выше по рёбрам, касаюсь каждой косточки на её боках. Добираясь до груди, продолжаю сладкую пытку своей Дикарки, вынуждая громко стонать и несвязно мычать, изнывать от желания и хотеть большего.

Она подаётся назад, прилепляя своё тело к моему, упираясь задницей в пах. Член утыкается чётко между её ягодиц. Вырывает из моих рук тонкую нить, служащую оковами для монстра.

Сука, как же я хочу её выебать. Стянуть с нас обоих штаны, нагнуть её над комодом и войти в неё до самых яиц од-

ним резким рывком.

При этой мысли зло трясу головой, не останавливая руки, ласкающие её охуенную грудь.

Выебать можно шалаву, а не мою дикую девочку. Трахать её тоже нельзя. Только заниматься с ней любовью. Вот только хер его знает, каким образом это делать.

– Говори со мной, Ди. – хриплю ей в ухо, прикусывая верхний край.

Сейчас слышать её голос – необходимость. Я не вижу её лица, её глаз и понимаю, что во мне начинает гаснуть не только огонёк сознательности, но и уровень человечности падает до красной отметки, за которой ждёт своего выхода монстр.

– О чёёём? – растягивается стоном, когда жёстче кручу соски.

– О чём угодно. Рассказывай о себе. Говори, что любишь. Держи меня, Диана. Не отпускай.

Тяжело сглатываю и совсем не незаметно перевожу нестабильное дыхание. Вспоминается та ночь, когда я просил её быть с тем, кто спрашивает, чем она живёт и что любит. Тогда я даже предположить не мог, что этим парнем буду я.

– Я... Ммм... Я... люблю... – дробные выдохи на каждом слове. Подаюсь бёдрами назад, чтобы не касаться её эрекцией, но Демоница сильнее прогибает спину, не давая мне перестать сгорать от её близости. – Люблю мотоциклы... природу... скалолазание...

Пока рассказывает, отвлекаюсь на её голос. Сильнее сжимаю в ладонях плоть, заставляю тихо скулить от боли и наслаждения, но девушка не сопротивляется, продолжая упорно говорить.

Держит. На краю. Но упасть не даёт.

– Что ты сейчас чувствуешь? Говори теперь об этом. Я хочу знать, Диана, когда больно, когда приятно, когда нет, когда терпимо. Что нравится, а что нет. Продолжай говорить, моя Дикарка. Не молчи только.

Полностью расслабляю ладони, медленно оглаживая пальцами полушария по кругу.

– Мне хорошо, но хочу, чтобы ты трогал, – замолкает. Шумно сглатывает. Напрягается, – соски. – пищит еле слышно.

Блядь, она ещё и стесняться умудряется. Ненормальная.

Растягивая лыбу, выполняю её требование, пробегаясь по ним пальцами.

– Сожми. – командует дрожью.

– Блядь, Дикарка, – выдыхаю в ухо, – это ты должна меня слушать, а не наоборот.

Несмотря на показную злость, опять подчиняюсь, контролируемо усиливая напор, пока она не вскрикивает:

– Больно, Егор!

– Извини. – ласкаю нежно. – Так хорошо?

– Да.

– Чего ещё ты хочешь? Говори! – высекаю, останавливая

движения.

Она загребаёт воздух в таком количестве, что её спина ударяется о грудь, и шепчет:

– Хочу, чтобы ты коснулся меня... там.

Пиздос. Смогу ли я тогда сдержаться? Смогу ли не переступить черту?

– Где? – выбиваю сдержанно, пусть и отлично понимаю, чего она ждёт. – Давай, Ди, говори.

Девушка вздрагивает, задерживает дыхание, накрывает мои кисти, продолжающие гладить полушария, своими ладонями и толкает несмело:

– Между ног.

– Бля-ядь... – тяну, сползая одной рукой по её животу к шнурку штанов. – Ты мокрая?

Я в этом не сомневаюсь, но тащусь от её прямоты и откровенности. От её хриплого от возбуждения голоса. От её покрытой испариной кожи. От её пикантного запаха, к которому примешивается аромат её похоти.

Сдержусь. Должен. Обязан. Я не сделаю больно своей Дикарке. Я смогу подготовить её достаточно, чтобы к тому моменту, как собью ей целку, в ней не осталось страхов и сомнений.

– Да. – шипит, когда я сползаю ниже, сдавливая лобок.

И сам чувствую, проведя пальцами по штанам в промежности. Ткань насквозь мокрая и склизкая от её смазки. Убираю трясущейся рукой её волосы на одну сторону, перекинув

через плечо вперёд. Прижимаюсь губами к основанию шеи, заставляя её дрожать сильнее. Оставляю поцелуи на шейных позвонках. Отходя на полшага, веду подушечками пальцев по её длинной, стройной, узкой спине.

– Приятно. – шепчет девушка. – Мне нравится, когда ты такой... нежный.

Кажется, мне тоже нравится быть таким рядом с ней.

Опустив руку на лопатки, толкаю её вперёд, снова отдавая команду:

– Прогнись. Облокотись на комод.

Выполняет. Упираясь локтями, выгибает спину. Пробегаю пальцами по позвоночнику, а следом жмусь губами к каждой выпирающей косточке. При любом прикосновении Ди вздрагивает, покрываясь всё большим количеством мурашек. И я вместе с ней. Каждый раз, когда ощущаю на губах пряный вкус её кожи, по ним будто током бьёт, который расходится по всем нервным окончаниям.

Дойдя до резинки штанов, высовываю язык и скольжу им вертикально до самой шеи. В этот же момент кладу руку ей на живот и, продавливая, веду вверх. Словно считывая мои желания, поднимается, разгибаясь вместе со моим телом и рукой, поднимающейся к её горлу. Когда весь периметр спины прижимается к грудной клетке, пальцами сжимаю подбородок, поворачивая её голову на себя. На мгновение ловлю её потемневший туманный взгляд и впиваюсь в губы. Врываюсь внутрь языком. Дёргаю шнурок штанов. Учитывая то,

что они ей размером на шесть велики, ткань с шорохом сползает по её стройным ногам, падая на пол.

– Раздвинь ноги.

Беспрекословное подчинение.

Пальцами вдоль мокрых разбухших створок. Вместе стоим, когда, собрав побольше её нектара, давлю на клитор. Растираю, сжимаю. Усиливаю напор. Вторую ладонь на горло. Не позволяю разорвать поцелуй, пожирая каждый её стон. Уперевшись пальцами во вход в её сокровищницу удовольствий, усиливаю давление. Одной фалангой вглубь до основания. Диана вскрикивает и предпринимает попытку избавиться от вторжения. Но я сильнее сжимаю её горло, вынимая палец только затем, чтобы резко рвануть обратно.

Блядь, какая она узкая и тесная, тугая и жаркая, обжигающая и мокрая.

На третьем толчке добавляю второй палец, сразу вгоняю до основания. Она опять кричит мне в рот, но я только грубее трахаю её пальцами и прибавляю силы руке, держащей её горло. Рывок, рывок, рывок... Глубже. Ещё один палец. Растягиваю. Долблю жёстко. Её крики и попытки вырваться не тормозят. Больше заводят. Большим пальцем растираю по кругу клитор. Вбиваю сдерживаемый только тканью боксеров и спортивками член ей между ягодиц.

– Егор, – хрипит мне рот, выталкивая мой язык, – остановись.

– Заткнись, блядь! – рявкаю, сдавливая тонкую шею, по-

ка её синие глаза не начинают закатываться, а на щеках не появляются красные пятна.

Движения второй руки наращивают темп и периодичность. Трясущимися пальцами девчонка цепляется в мою руку, отдирая от своего горла.

– Егор, прошу, хватит. Мне больно. Егор! – на этом крике из глаз брызгают слёзы.

Ненавижу, когда они режут.

Отпустив глотку, толкаю рукой в спину, припечатывая сиськами к комоду. Продолжаю вбивать в неё пальцы с нарастающей яростью. Она стонет и давится всхлипами, поднимая уровень моей злости до критических отметок.

– Хватит ныть! Ты сама пришла! Сама этого хотела! Какого хуя теперь ревёшь?! – рычу зверем, стягивая с себя штаны вместе с трусами.

Упираясь в её задницу, начинаю вдалбливаться стояком между ягодиц, но внутрь её тела не проникаю. На это ещё будет время.

– Удовольствие на удовольствие, Дикарка. – обрубая, кусая основание её шеи. – Принимай.

– Не могу! Егор, остановись. Ты делаешь мне больно! Ты обещал! Обещал!

"Делаешь больно..."

"Доверяй мне..."

"Моё безгранично..."

"Я тебе доверяю..."

Блядь! Вашу мать!

Я, сука, понимаю, что делаю, но не способен остановить-ся.

– Прошу, Егор... Не надо... – хрипит с отчаянием.

Сильнее вколачиваю член между ягодиц, пока по моему телу не пролетает дрожь удовольствия. Кончая, останавливаю движения пальцами внутри её тела. Издавая животный рык, заливаю спермой её задницу и спину. Сжимаю рукой ствол и смотрю, как оседают на её теле белые капли. Натягиваю штаны и падаю на её спину, лишая дыхания.

– Хорошая девочка. – толкаю ей в затылок. – А теперь расслабляйся.

Вынимаю пальцы, переключаясь на клитор. После разрядки сбавляю напор. Сжимаю и давлю с расчётом на приятную боль, которая доставляет удовольствие, вот только она сопротивляется. Отказывается расслабляться.

– Не надо... – шепчет совсем тихо. – Я не хочу этого. Отпусти. Пожалуйста, Егор. Просто отпусти меня.

– Блядь, да что тебе не так?! – гаркаю злобно.

Отрываясь от её спины, дёргаю за локоть, вынуждая повернуться ко мне. Её ноги заплетаются, и девчонка едва не падает. Ловя руками за талию, удерживаю от падения.

Глаза в глаза, и я отшатываюсь от хлёстких ударов, которыми лупят слёзы на её щеках, перепуганные глаза, искусанные в кровь губы.

– Егор... – дрожит её голос, а новые капли срываются с

ресниц.

– Блядь! Пиздец! Что я...

Не могу говорить. Дышать не могу. Загибаюсь от осознания, что натворил. Давление в груди сжимает рёбра, передавливает лёгкие.

Только что я потерял её. Свою хрупкую Дикарку, потому что, сука, отпустил контроль. Я же, блядь, изнасиловал её. И похуй, что не членом. Это ничего не меняет. Душил, унижал, делал больно.

Иду назад, пока не упираюсь в кровать. Боюсь даже поднять на Диану глаза и опять увидеть её перепуганный, затравленный, полный боли и ужаса взгляд.

Что сказать? Что сделать? Попросить прощения? Сказать, что мне жаль? Что этого больше не повторится?

– Бля-ядь! – скулю убито, сгребая пальцы в кулаки и прижимая их к закрытым глазам, но это не помогает избавиться от вида её слёз.

Неожиданно в меня влетает дрожащая Дианка, обнимая. Не могу даже губами пошевелить. Она пропускает руки у меня подмышками. Сжимая их на лопатках, обнимает крепко-крепко.

– Обними меня. Обними. Обними. Обними. – требует срывающимся голосом, но я всё так же не могу даже ничего из себя выдавить. – Обними меня, Егор! Вернись ко мне! Обними! Обними!

– Ди-а-на. – толкаю отрывисто, но не могу заставить себя

опять коснуться её.

Она цепляется пальцами в мои запястья, отрывая от лица, и смотрит прямо в глаза.

– Ничего страшного. Только не отталкивай меня. Не оставляй, Егор. Пожалуйста... Прошу... Не оставляй. Обними. Это же ты? Ты?

– Я, Дикарка. Но... – сглатываю горечь, скопившуюся в глотке. Трогаю глазами красные отпечатки пальцев на её шее и опять скулю. – Не могу. Не имею права.

– Имеешь. Я тебе его даю. Ты сказал, чтобы я говорила, чего хочу. А я хочу, чтобы ты обнимал меня. Чтобы был нежным. Чтобы опять был моим Егором. Выполняй. Обними меня. – тарахтит, не переставая плакать.

– Блядь, Дианка. – с болезненным стоном поднимаю руки на её вздрагивающие плечи, притискивая к груди.

У самого, сука, глаза жжёт от понимания, что, несмотря ни на что, она не собирается сдаваться и отказываться от меня. От нас.

Разве МЫ всё ещё есть? После того дерьма, что я натворил?

– Ты сможешь простить меня? – спрашиваю с дрожащими интонациями. – Сможешь и дальше доверять?

Отрывает голову от моего плеча, топя меня в синеве своих блестящих глаз, и шепчет:

– Смогу. Я знала, на что иду.

– Я тебя почти изнасиловал! – взываю, пытаюсь вырвать-

ся из её рук, но она крепче жмёт. – Блядь, отпусти! Я сделал тебе больно! Ты рыдала от этой боли! Просила остановиться, а я!.. Сука! Я не мог. Не мог... Не контролировал... – вырываю задушено из скрутившей болезненным спазмом глотки.

Не отпускает. Продолжает обнимать. Гладит пальцами спину. Сама, как эпилептик трясётся, но при этом продолжает цепляться и успокаивать.

– Обними. – требует жёстче.

Одна рука на её плечи, вторая в кулак к губам. С такой силой жму, что тонкая плёнка рвётся о зубы, заполняя рот кровью и отчаянием.

Так и стоим. Не двигаемся. Только её пальцы продолжают жить своей жизнью. Крепко схлопываю веки. Перед закрытыми глазами белые круги. В груди тряска. Нутро в месиво.

– Насколько больно? – выбиваю сквозь зубы.

– Терпимо.

– От одного до десяти. – всё так же с закрытыми глазами. Девушка глубоко и шумно вздыхает. – Правду, Ди.

– Четыре. – сечёт на выдохе.

– Врёшь? – сильнее нажим на плечи.

– Я не хочу, чтобы ты винил себя, Егор. Я же с самого начала знала, что с тобой происходит. Ты сам рассказал. Я была готова к этому.

– Опять врешь? – поднимаю веки, опускаю взгляд к её лицу. – Готова к боли? К насилию?

– Если есть согласие, то это не насилие, а я сама хотела...

– Чтобы я сделал тебе больно? Чтобы душил? Этого хотела? На это была согласна? – невесомо касаюсь подушечками пальцев красных отметин на шее, медленно теряющих свою яркость, становясь розовыми пятнами. – Диана, как ты не понимаешь?

– Может и не понимаю, но не отпущу тебя. Ты мой, Егор. Ты сам это сказал. Уже передумал?

Стоило бы сказать ей, что ляпнул в пылу страсти, но это не так. Неужели она реально способна принять меня таким? Неужели я так сильно ошибся, подумав, что она слишком хрупкая?

Глаза в глаза. Горит синим пламенем эта глубина. Выбрасываю белый флаг.

– Твой, Дикарка. Безгранично. Я не могу бороться с собой. Но и с тобой бороться тоже не получается. И ты моя. – надолго ли? – Понимаю, что должен отпустить тебя. Прямо сейчас отвезти тебя домой, но, сука, не могу, Диана. То, что ты делаешь со мной, не поддаётся контролю. Помнишь, как я говорил тебе, что бесконечные поцелуи, прогулки под луной и посиделки в кафе не для меня?

– Помню.

Растягиваю губы в горькой ухмылке.

– Видимо, придётся менять приоритеты, потому что я хочу быть с тобой.

– А секс? – толкает полушёпотом.

– После того, что натворил, я не прикоснусь к тебе в этом

плане.

Она резко выдирается из моих рук, хватая с пола рубашку, натягивает на себя. Застегнув все пуговицы, прибивает демоническим взглядом.

– А к кому прикоснёшься? Я не дура, Егор, и понимаю, что нельзя всю жизнь ходить за ручки и целоваться.

Застывает на том же месте, где я почти изнасиловал её, и мечет глазами молнии.

В ней напрочь что ли отсутствует инстинкт самосохранения? Она рыдала от боли, а теперь злится из-за того, что я отказываюсь спать с ней, чтобы этого не повторилось.

Блядь, и сам же отлично понимаю, что когда-то это должно случиться, но только тогда, когда я буду на все сто процентов уверен, что смогу сдержать монстра.

– Диана, – выталкиваю, прикрыв глаза, – насколько больно я сделал тебе? Скажи правду.

Сглатывает. Растерянный взгляд в сторону.

– Сначала я просто испугалась. Ты так неожиданно... пальцем... – заливаешься краской, а я еле сдерживаюсь, чтобы не обнять её и просто заставить забыть о случившемся. Начать всё сначала. – Я почувствовала, что ты меняешься, поэтому и просила остановиться. А потом... Второй... Третий... Мне не хватало воздуха... Я испугалась ещё больше, когда ты сжал руку. И себя тоже. Мне было больно, но и... приятно...

Замечаю, как осторожно она подбирает слова. Не говорит

"душил", не говорит "насиловал". После кошмара, который она прожила по моей вине, она делает всё, чтобы эту самую вину не усугублять.

– Но потом всё равно остановила меня. – отбиваю очевидным аргументом.

– Боялась, что ты опять озвереешь. Я хотела, чтобы ты опять был нежным, но не знала, как вернуть тебя. Я понимаю, – подходит ближе, застывая в нескольких сантиметрах от меня, и сипит дрожащим голосом, – что тебе это надо, а раз я не могу дать тебе то, что тебе необходимо, то... – влажный взгляд в глаза. – Когда будешь с другими, я не хочу знать о них. Сделай так, чтобы я не знала, где ты и с кем. Ври мне, когда будешь трахать других! Ври, Егор! Ври! – с шёпота на крик, с крика на громкие несдерживаемые рыдания.

Рывок к ней. Доля секунды, и она рыдает в моих руках, сжимая трясущиеся пальцы в кулаки.

Удивительная девочка. Готовая на всё, чтобы быть со мной. Сейчас она, по сути, даёт мне добро на секс с другими, а до меня доходит, что не хочу я этого. Не хочу ебать каких-то шмар, а потом целовать её. Как бы хуёво ни было, я не могу так поступить со своей Дикаркой.

Глажу ладонями её спину, руки, плечи. Перебираю непослушными пальцами пряди её влажных волос. Прижимаюсь губами к макушке и говорю:

– Я не стану врать тебе.

Поднимает голову вверх и кричит сквозь слёзы:

– Я не хочу знать о них! Это сильнее меня! Не хочу представлять тебя с другими!

– Не узнаешь, Диана. Больше других не будет. Только ты и я, Дикарка. Как бы сложно ни было, мы научимся быть вместе. Только ты и я. Ты и я.

Глава 16

Прикоснуться к звёздам

Стягиваю расплывчатый сонный взгляд на сопящую на моём предплечье Дианку и едва не захлёбываюсь от той смеси эмоций, что затапливают душу и начинающее оттаивать сердце. От невозможной нежности до самой настоящей любви. От необходимости защищать не только от себя, но и от всего мира, до бесконечного восхищения её силой и одновременно хрупкостью. От одуряющего счастья до безумного страха навредить ей своими опасными желаниями и невозможностью отказаться от этой девочки. Пусть и понимаю, что так было бы лучше для неё. Но даже после всего, что натворил, я не только не смог заставить себя отвезти её домой и сдать на руки братьям, но даже не ушёл спать в другую комнату, чтобы не проводить эту ночь с ней в одной постели.

Впрочем, с этой задачей я всё же справился на отлично.

После того, как отвёл Ди в ванную смыть с себя мою сперму, выдал клетчатую рубашку, чтобы она не светила буферами. Сам провёл в душе под ледяной водой не меньше полчаса, чтобы остыть и прополоскать мозги. Если без брехни, то надеялся, что она уснёт за это время, но эта девчонка так просто не сдаётся.

Эта мысль заставляет меня растянуть губы в довольной улыбке.

Впервые с тех пор, как залез в трусы к своей первой девахе, я провёл всю ночь с девушкой в одной постели, но дальше поцелуев у нас не зашло. Те пару часов, что оставались до утра, мы просто разговаривали, потом целовались, а после опять говорили и снова целовались. И какой же это, мать вашу налево, кайф. Просто обнимать, гладить невинными прикосновениями, пить её слабое дыхание.

Дикарка полностью доверилась мне и не пыталась снова соблазнить, приняв моё решение действовать постепенно и без спешки. Шаг за шагом, пока я не перехвачу полный контроль над ситуацией. В любом же случае, мы с ней вместе.

Не могу я уже без неё. Безумие. Сумасшествие. Аномалия. Но один единственный взгляд в её глаза, и меня затянуло в эту синеву, как в болото. Без возможности выбраться. Попытки бороться с этим притяжением ни к чему не привели, а сейчас я и вовсе не могу отказаться от неё. И она не может. Я полюбил эту синеоковую Демоницу, но пугают меня даже не мои чувства, а то, что чувствует Диана.

Она пообещала, что не влюбится в меня. А если это не любовь, то что тогда? Почему она так цепляется за меня? Почему прощает мою дикость и то, что я делаю ей больно? И это её разрешение ебать других и просьба врать... Что это? Ревность? Страх потерять?

Вопросов дохера. Ответов нихера.

– Что же это, Дикарка? – сиплю, ведя костяшками пальцев по её щеке. – Дианка... Моя...

Блядь... Моя... Всё ещё не могу в это поверить. У меня никогда никого не было, а теперь будто разом появилось всё. И это всё прячется в синеве её глаз. В её счастливой улыбке. В её заливистом смехе. В её сорванном дыхании. В её безграничном доверии. В её нежном, с лёгкой хрипотцой голосе. В её румянце, когда стесняется. В её смелых желаниях. Моя Дикарка. Моя. Моя.

– Моя... – шепчу, опустив голову вниз и прикоснувшись губами к виску.

– Мой... – шуршит Дикарка, улыбнувшись, но всё так же не открывая глаз.

Растягиваю губы в улыбке и убираю пальцами непослушные волоски с её лица за ухо. Даже когда все волосы занимают своё место, продолжаю гладить её подушечками. Она поворачивает голову и прижимается к ним губами, разгоняя голодных мурашек по моему телу. Открывает затуманенные сонным мороком глаза и несколько раз моргает, фокусируя на мне взгляд. Как только ей это удаётся, её улыбка становится шире. И я не могу не улыбаться в ответ, как ни стараюсь держать серьёзное лицо.

– Доброе утро. – выбивает Дианка, прочистив горло.

– Доброе утро, моя Дикарка.

Растягивает губы ещё больше и толкает:

– Мне нравится, когда ты так говоришь.

– Как?

Зарываюсь пальцами в её волосы и мягко массирую затылок. Ди мурчит, как довольная кошка, выгибая шею. Не сдержавшись, тянусь к её горлу и оставляю несколько коротких влажных поцелуев. Веду языком от впадинки под горлом до подбородка, а потом и выше до самых губ. Лизнув персиковую плоть, перекатываюсь с бока на спину, чтобы не искушать себя видом заспанной Дикарки. Такая она милая, домашняя, растрёпанная, что вставляет похлеще самого откровенного образа.

Я уже сомневаюсь, что причиной утреннего стояка является естественная потребность подняться с кровати, а не лежащая в моих объятиях девушка.

Ди придвигается ближе и кладёт голову мне на плечо. Касается губами шеи, обжигая тяжёлым дыханием. Мурашки, ставшие постоянными спутниками её близости, стекают по телу вниз, пока не покрывают весь периметр кожи. Тонкие пальчики, едва касаясь, вырисовывают странные узоры на грудной клетке, а следом сдвигаются на живот. Как только касается, мышцы непроизвольно сокращаются, а дыхание срывается и замирает.

Как далеко она способна зайти?

Думаю, до конца.

Искушение?

Да.

Заводит?

Определённо.

Вставляет?

Ещё как.

Хочу ли я узнать, насколько хватит её смелости?

Ужасно.

Рискну ли позволить ей и дальше касаться меня, гладить, изучать?

– Не надо, Ди. – отрезаю, перехватывая пальцами её запястье.

Она отрывает взгляд от своих движений и вскидывает его на моё лицо.

– Мне просто нравится трогать тебя. Я же ничего такого, Егор.

– Возбуждаешь. – обрубая коротко.

Сжимая ладонью её затылок, быстро прижимаюсь к губам.

– Я же ничего для этого не делала. Просто глажу. – отбивает с возмущением в голосе, стягивая брови к переносице, чем вызывает у меня смех.

Несмотря на её смелые заявления и действия, Дианка, по сути, всё ещё ребёнок, который не понимает, как эти невинные прикосновения могут влиять на меня. Впрочем, здесь я с ней абсолютно согласен: она не делает ничего, чтобы спровоцировать такой результат, но мне и просто её присутствия рядом хватает, чтобы хотеть её каждую секунду. Это так же неконтролируемо, как и мой внутренний монстр.

– Диана, – хриплю, поглаживая пальцами её кисть, – меня

заводит уже то, что ты просто рядом. В моей постели. В моей рубашке. И без штанов. И похер, что я этого не вижу. – опускаю взгляд к прикрытой одеялом нижней части её пиздатого тела. В этом доме у меня была только пара спортивных, несколько футболок и рубашек на всякий случай. После того, как она промочила штаны своим нектаром, я мог предложить ей только джинсы. Мало того, что на её тонюсенькой талии ни одни не держались, так и спать в них тоже не вариант, поэтому кроме рубашки на Дианке больше ничего нет. Тяжело сглотнув вырабатываемую в огромных объёмах слюну, подбиваю: – Не доводи до греха, Ди. Меня вставляет твоя близость. Одно твоё присутствие вышибает пробки, а прикосновения... Короче, перестань.

Девушка, нахмурившись, кивает. Вот только легче мне от этого не становится, потому что она двигается ещё ближе, перекинув ногу через мои бёдра, а руку опустив на рёбра. Её гладкая голая кожа, соприкасающаяся с моей, по шарам лупит крепко.

– Диана. – рычу предупреждающе вполголоса.

– Извини. – выбивает сипло, стягивая ногу так, что прикасается только коленкой.

Ладно, это я переживу. И похеру, что хочу совсем другого. Да и вообще... Блядь, не могу же я вечно держать её на расстоянии. Я сам решил, что пока я с Дикаркой, других для меня не будет. А сколько я выдержу без секса? Не то, чтобы у меня были проблемы с этим. Если надо будет, то продержусь

сколько придётся. Но глядя на её открытое лицо и доверчивый взгляд, понимаю, что она реально не только не боится меня, но и свои провокации прекратила только временно.

– Ты нереальная, Дикарка. – толкаю севшим голосом. – Моя. – засунув руку под одеяло, ловлю её под коленом и перекидываю через свои ноги.

Понимаю, что переборщил, когда её ничем неприкрытый острый лобок упирается в моё бедро.

Тяжело сглотнув, пробегаюсь пальцами по всей длине ноги, до куда могу добраться, остановившись только у основания. Взгляд в глубину её глаз, и я проваливаюсь, потому что она высекает:

– Я держу тебя.

– Удержишь? – отбиваю с сомнением.

– В этот раз обязательно.

И я верю ей. И учусь верить сам себе. Тому, что не сорвусь снова. Мне не придётся видеть её слёзы. Не придётся слышать, как она плачет по моей вине.

– Держи крепко, Диана.

Она улыбается и, толкаясь вперёд, целует.

В этот раз я точно не сорвусь. Ради этой девочки. Ради возможного счастья. Ради любви, которая горит внутри синим пламенем.

Блядь, как же я хочу сказать ей правду. Сказать, что люблю, но вряд ли когда-то смогу так рискнуть. Если я признаюсь, то это станет для неё зелёным светом полюбить меня

в ответ. А если я снова сорвусь? Если то, что случилось ночью, повторится? Если в следующий раз это будут не пальцы? Если я реально изнасилую её? Слишком рискованно. Я не готов потерять её, но сейчас отпустить не могу. А смогу ли сделать это потом?

– Егор, – хрипит, разрывая поцелуй, но не отдаляясь, – коснись меня. Я хочу этого.

С беззвучным стоном поддаюсь её желанию. Сам же этого хочу. Опять услышать, как она стонет. Увидеть её потемневший взгляд. Вот только сейчас всё должно закончиться по-другому. Я собираюсь довести её до оргазма. Почувствовать собственным телом, как моя Дикарка кончает. После вчерашнего косяка я просто обязан реабилитироваться перед ней.

Только один страх долбит в мозги и парализует работу органов: что если ночью я всё испортил? Вдруг после такого она будет не способна получать удовольствие? Отлично же, блядь, знаю, что такое возможно. Если зафаршмачить первый раз, то некоторые девушки теряют способность получать оргазм. Блядь, надеюсь, я не убил в Диане женщину своими действиями.

Скользнув рукой ниже, замираю у основания сжатых бёдер. Ди приподнимает ногу, давая мне необходимый доступ. Пальцами по складочкам, и она тихо стонет мне в рот, не разрывая зрительного контакта.

– Мокрая... – подмечаю скорее сам для себя. – Пиздос,

какая мокрая. Убиваешь меня, Дикарка. – толкаю сиплый выдох ей в рот между приоткрытых влажных губ.

Раздвинув пальцем скользкие от смазки створки, веду вверх-вниз по одной из них у самого основания. Прodelываю тоже самое со второй, давясь стопами своей Дикарки.

– Ммм... Хорошо... – сипит Ди, подрывая задницу вверх навстречу моим голодным рукам.

Член не просто колом стоит, а готов взорваться, но я не отрываю отяжелевший взгляд от её глаз, чтобы не упустить контроль.

Реально же держит. Не отпускает. Не даёт монстру сорваться с поводка. Даже в те мгновения, когда её глаза закрываются или закатываются, быстро справляется с собой и опять цепляет.

А я, сука, всё больше ненавижу себя, потому что вместо того, чтобы дать ей полностью расслабиться и отдаться удовольствию, вынуждаю держать меня.

Подтянув вверх густую влагу, втираю в чувствительный бугорок её клитора и командую:

– Отпускай. Контролирую.

Запечатав её губы поцелуем, вынуждаю отключиться от реальности и полностью отдаться моим ласкам, ненапористым движениям, еле ощутимым прикосновениям к её сокровищу. Толкнувшись языком между её сладких губ, врываюсь внутрь. Едва касаясь. Ди ведёт своим по всей длине. Дойдя почти до основания, скользит по кругу.

Несмотря на бешеное возбуждение, вызванное её стонами и близостью, полностью держу себя в руках.

Слегка придавив клитор, пальцем вбиваюсь внутрь её тела. Введя не больше, чем наполовину, останавливаюсь. Торможу поцелуй, смотрю в синие глаза, боясь снова увидеть в них оттенки вчерашнего страха, но там только удовольствие и возбуждение.

– Давай. – выталкивает сильным шёпотом.

Получив добро, ввожу фалангу до основания, начиная медленно двигать её взад-вперёд, одновременно орудуя пальцем на клиторе. Загибая внутри её тела "крючок", растягиваю тугую тесноту.

Ди стонет всё громче, наращивая децибелы не только своего голоса, но и накаляя моё желание.

Разрываю поцелуй, возвращая язык в свою ротовую полость, только чтобы взглянуть на неё и не забыть, что я сейчас со своей Дикаркой, которой нельзя причинять боль.

– Поцелуй меня, Егорчик. – умоляет, хватаясь дрожащими пальцами за мои волосы и притягивая голову к своему лицу.

Ухмыльнувшись с этого её "Егорчик", подчиняюсь. В этот раз позволяю ей вести, проникнув влажной плотью в мой рот.

Сука, как же её вкус бьёт по шарам. А вперемешку со стонами и влажным хлопаньем у неё между ног, срывает нахрен все предохранители, но я полностью отключаюсь от соб-

ственного возбуждения, сосредоточиваясь на одной единственной мысли:

"Я с Дианой. Нельзя допустить повторения прошлой ночи. Я просто должен доставить ей удовольствие, не думая о собственном кайфе."

Вынув язык, поднимает таз вверх и требует:

– Ещё.

Если бы я не думал только об одном, то может и сообразил бы, чего она хочет. Вот только не выходит. Блядь, убивает меня этот сраный запрет, поставленный мной же: никакого секса. Пиздос, как сильно я её хочу. Реально изо всех сил держу себя, чтобы не натворить дерьма.

– Что "ещё", Ди? – выбиваю, сжимая зубы.

Девушка отводит взгляд в сторону, шумно переводя дробное дыхание, и несмело показывает два пальца. Щёки и скулы заливает розовой краской, и она опускает пушистые чёрные ресницы, которые оттеняют её загорелую кожу.

– Какая же ты пиздатая, Диана. – толкаю хрипом, ведя языком по её щеке. – вынимая из её влагилица палец, тяну густой нектар до клитора, на что Дианка разрывается стоном. Скольжу по животу, оставляю на сосках и поднимаю у неё перед лицом, добавляя к нему второй. – Этого хочешь? – движение вверх-вниз, на которое она еле заметно кивает. – Уверена, Дикарка?

– Контролируешь? – выбивает, беря в зрительный плен.

– Контролирую. – отсекаю ровно.

Реально же держу контроль. Сам себе удивляюсь, но действительно держусь.

– Безгранично, Егор.

– Моя Дикарка. – вбиваю ей в рот слова вместе с дыханием, а следом и с языком.

Медленно возвращаю руку вниз, задерживая на груди и лаская твёрдые камушки сосков через ткань рубашки. Опустив ко входу, несколько раз веду вверх-вниз между створок, заставляя Ди не только стонать, но и каждый раз подаваться навстречу, когда скольжу возле входа.

Самого, сука, уже трясёт от невозможности засунуть в неё член, но каким-то образом справляюсь с собственной похотью, сосредоточив всё внимание на удовольствии Дианы.

Толкаюсь сразу двумя пальцами в её обжигающе-горячие и сладостно-мокрые глубины, играя подушечкой большого пальца на её клиторе, как на музыкальном инструменте. Вынуждаю её то протяжно стонать, то тихо скулить, то жадно хватать воздух между бесконечными поцелуями.

Рукой двигаю не спеша, боясь снова навредить, но даже сейчас чувствую разницу с прошлым разом.

Она полностью расслаблена, не сжимается, не закрывается, не делает попыток оттолкнуть. Растираю её чувствительный бугорок по часовой стрелке, расчётливо усиливая давление и прибавляя скорости.

Мы оба, и я и Дианка, дышим на разрыв, жадно ухваты-

вая необходимый кислород, а потом снова жарко и влажно целуемся, сплетая языки в яростном танце. Пот покрывает виски и заднюю часть шеи, в то время как от Дикарки реально уже дымит. Даже простынь под ней мокрая. Капли стекают по виднеющейся в вырезе груди. Замечаю это, ненадолго скользнув взглядом вниз, туда, где моя рука продолжает терзать её тело, но Ди так и не получает разрядку, что бы я не делал.

Неужели реально сломал её? Блядь, да не может этого быть. Из неё течёт как из ведра. Она определённо возбуждена, но никак не кончает.

И я делаю то, чего не делал никогда, потому что благодаря отцу, считал женщин вторым сортом, недостойным того, чего достойны мужчины. Разрывая поцелуй, облизываю её и без того покрытые слюной губы. Легко прикусываю подбородок. Целую и оставляю незаметные укусы на её горле и шее с обеих сторон.

Сука, хочу каждый кусочек её тела попробовать на вкус, будто на каждом следующем миллиметре он разный.

Когда пытаюсь расстегнуть пуговицы, тихо матерюсь, потому что пальцы отказываются слушаться и пуговицы то и дело выскальзывают из них. Подсунув ладонь под её лопатки, толкаю вверх, и девушка послушно поднимается. Подцепив края рубашки, стягиваю через голову. Отбросив одежду в изножье кровати, нежно целую Ди, медленно опускаясь вместе с ней на матрац, ненадолго накрыв её шикарное тело

своим окаменевшем от напряжения.

Веду не только внутреннюю борьбу, но и собственные движения сдерживать приходится, потому что абсолютно голая Дианка, лежащая в моей постели, истекающая ароматным нектаром, возбуждённая до предела, стонущая при каждом моём прикосновении, конкретно так пробки вышибает.

Перестав терзать её губы, несколько раз прохожу языком по персиковой плоти, глотая её тяжёлое нестабильное дыхание. Опускаюсь ниже. Опять прикусываю заострённый подбородок, облизываю шею, целую ключицы и плечи. Накрываю ладонью грудь, кончиками пальцев дразня твёрдый сосок. Зажав между указательным и средним пальцами, веду вверх, пока камушек не оказывается у основания фаланг, что даёт мне возможность одновременно сжимать мягкую плоть и стимулировать сосок. Ди выгибает спину, поднимаясь навстречу мне. Закусив нижнюю губу, стонет.

Как же меня прёт от её чувственности и откровенности.

– Моя Дикарка. – шепчу сиплым тоном, поднимаясь обратно к её лицу и прижимаясь к губам.

Скребанув по нижней зубами, вынуждаю перестать поджимать её и кусать.

Моя прерогатива.

Легко прихватив зубами, замираю, когда ловлю себя на том, что начинаю крепче сжимать челюсти.

Прикрыв глаза, останавливаю все движения. Какое-то время тупо дышу, восстанавливая начинающие съезжать на-

бекрень мозга и крепче сжимая нить самоконтроля. Дианка всё это время копошится в моих волосах с лёгкой дрожью в пальцах и что-то тихо шепчет. За рёвом крови не способен разобрать слов, но её нежный голос успокаивает внутреннюю бью, давая возможность снова дышать спокойно.

Блядь, как же я обожаю эту девочку. Возбуждена до предела, но при этом умудряется считывать моё состояние и вовремя переключаться.

Когда она сказала, что почувствовала, как я меняюсь, был уверен, что она может и сама так думала, но на самом деле просто испугалась. Но теперь понимаю, что это реально так.

Вдох-выдох.

Отрываю голову от её переносицы и влажно целую.

– Порядок, Дикарка. – веду пальцами по её скуле.

В её зрачках светится огонёк недоверия, но быстро гаснет, потому что я опускаю руку вниз, раздвигая её сжатые бёдра. Осторожно толкаюсь двумя пальцами во влагище на одну фалангу. Вынимаю. На две. Вынимаю. До основания.

Губами по шее к груди. Обвожу сосочек по кругу и втягиваю в рот, глядя языком. Когда Ди полностью расслабляется, всасываю глубже, скребя зубами и легонько кусая. Переключаюсь на второй, проделывая те же движения, но немного грубее. Впрочем, держу все свои действия на контроле.

Опускаюсь ниже, прижимаясь то губами, то языком к её покрытой огромным количеством мурашек коже. Ныряю языком в пупок и нарезаю несколько кругов внутри, а Диан-

ка хохочет и пытается оторвать мою голову от своего живота.

– Остановись, Егор! Щекотно! Перестань! Перестань!

– Боишься щекотки? – выбиваю с хищной улыбкой.

Она резко меняется в лице, явно догоняя, что я собираюсь делать.

– Не надо, Егор. – шипит, предпринимая попытку вырваться, но я только сильнее вдавливаю её в матрац. – Не-е-ет! – визжит, брыкаясь, когда я с нажимом веду пальцами по её рёбрам. – Остановись! Я убью тебя! Убью! – кричит, не переставая хохотать, и я вместе с ней.

Смех резко замирает на её губах, когда, вернув одну руку ко входу в сокровищницу, одним быстрым движением вгоняю в неё два пальца, ударяясь костяшками о её тазовую кость. Нарастив темп, опускаюсь ниже. Проведя носом по гладкому лобку, настраиваюсь на то, что собираюсь сделать, вдыхая аромат её женственности и похоти.

Блядь, какого хрена я вообще на это решился, если имею представление, что надо делать только в теории? Никогда ни одна деваха не вызывала во мне желания попробовать её на вкус, испить из тайного источника удовольствия, но Диана... Бля, она с ума меня свела.

Без спешки спускаюсь ниже, раздвигая её ноги шире. Губами прижимаюсь к клитору, ощущая солоноватый вкус возбуждения моей Дикарки. Её пряный терпкий запах. Вибрацию её дрожи.

Она сопротивляется, но я усиливаю напор, припечатывая

её согнутую в колене ногу к постели.

– Егор, не надо. Это же стрёмно. – сипит Дианка, хватаясь пальцами за мои волосы. – Остановись.

Ненадолго оторвав от неё голову, смотрю чётко в расширенные зрачки, почти скрывшие синюю радужку. Распахнутые мокрые губы. Тяжело вздымающуюся и с грохотом опадающую грудную клетку.

– Доверяй, Диана. Я контролирую. Я хочу сделать тебе приятно.

По крайней мере, сам на это надеюсь. Нельзя облажаться. С трудом сглотнув, кивает, опуская ресницы вниз. Расслабляет тело, давая мне возможность раздвинуть её бёдра достаточно, чтобы просунуть между них голову. Шумно переведя дробное возбуждённое дыхание, вываливаю язык и веду вдоль скользких, измазанных смазкой лепестков, ожидая рвотного позыва, но вместо этого ловлю одуряющий кайф.

Видимо, даже мысли об этом мне были так противны, потому что все, кого я трахал, были "не теми". Вот что значит "твой человек". Когда ты преодолеваешь себя, чтобы сделать всё для этого человека. Забив на собственные принципы, ведёшь её на вершину удовольствия, чтобы спрыгнуть с неё без страховки, веря в то, что ты не разобьёшься о землю. Что у тебя вырастут крылья и вы взлетите вместе. Только с одним человеком на свете.

"Когда душа приходит в наш мир, она разделяется на два

тела..."

Забиваюсь кислородом, разрывая грудную клетку, и раздвигаю пальцами её лепестки, внимательно рассматривая блестящую розовую жемчужинку и узкий вход. Слежу глазами за стекающими по бёдрам каплями. Ловлю их языком, захлёбываясь удовольствием от того, как Ди трясётся и стонет.

Даже здесь она нереально красивая, нежно розовая, шелковистая. С аккуратным маленьким клитором и пухлыми половыми губами.

– Ебать, ты вкусная. – сиплю неосознанно.

Пиздос просто вкусная. Сладкая. Желанная. Моя.

Слюнявой плотью языка вдоль одной складки веду, а затем и второй. Прижимая кончик в тонкой щёлке, давлую, пробиваясь внутрь.

Сука, как же меня прёт от неё.

Девушка подрывает задницу вверх и бессвязно хрипит, сжимая в кулаках одеяло:

– Ммм... Хорошо... Да... Умм... Не останавливайся... Я... Егор... Ммм... Егорчик...

Лизнув ещё несколько раз, накрываю жадными губами клитор, в одночасье вбиваясь в неё пальцами, на что Дикарка кричит от удовольствия, закусывая ребро ладони. Всасываю в ротовую полость затвердевший бугорок, одновременно разводя в стороны пальцы внутри её тела.

Как бы смешно это не звучало, я сосу своей девушке.

Загнув пальцы вверх, нащупываю точку, способную све-

сти её с ума. Всё инстинкты обращаю в слух и прочувствование малейших колебаний её движений, стонов, дыхания. Когда она вдруг замирает, жадно хватая распахнутыми губами кислород, стимулирую точку G, прикусывая клитор и оглаживая его языком.

– Остановись, Егор! – неожиданно кричит Ди с явным испугом.

Отрываюсь от неё, глядя на растерянное лицо.

– Я контролирую, Диана. Расслабься.

Продолжая двигать пальцами внутри её влагалища, возвращаю рот на клитор, вырывая из неё череду раздробленных стонов и выдохов, но Дикарка до боли вцепляется мне в волосы, вынуждая оторваться от её сокровища.

– Что случилось, Ди? – выталкиваю хрипом. Прочищаю горло. Урвав порцию воздуха, добавляю уже ровнее: – Тебе больно? Страшно? Что не так, девочка?

– Я... Я... – отводит взгляд в сторону, краснея. – Я сейчас описаюсь. – шелестит еле слышно, а я еле сдерживаю себя, чтобы не заржать не только от её реакции, но и от того, что мне удалось почти довести её до оргазма.

– Так и должно быть, Диана. Ничего страшного не происходит. Расслабься и доверься мне.

Не дожидаясь её ответа, возвращаюсь к своему занятию, ускоряя темп, наращивая ритм и усиливая напор пальцев. Добавляю скорости языку, бегающему по её драгоценному камушку.

Сука, да я, оказывается, поэт. Сокровищница, драгоценный камень... Дианка... Блядь, реально же стала для меня дороже всех на свете. За один миг.

Одновременно давлю пальцами на верхнюю ребристую стенку влагалища, прижимаю языком клитор и стягиваю зубы. В эту секунду Дикарка громко вскрикивает, всё её тело напрягается, как сжатая пружина, а затем происходит взрыв. Ди выгибается дугой. По ней пролетает дрожь. Внутренние стенки пульсируют, сокращаются, сжимаются вокруг моих пальцев с такой силой, что мне еле удаётся двигать ими туда-сюда, растягивая её удовольствие. По чувствительному бугорку идут тонкие вибрации, которые я ощущаю языком.

Сам стону вместе с ней от облегчения, что не испортил своё. Что не сломал свою Дикарку.

Когда она падает спиной обратно на кровать, ещё несколько раз пробегаю языком по клитору, потому что, сука, оторваться не могу. Её вкус определённо стал для меня наркотой. Вынув пальцы, прижимаюсь губами ко всё ещё подрагивающей щёлке и лижу, пока пульсация полностью не стихает. Неосознанно впиваюсь пальцами обеих рук в её бёдра, оставляя на них красные отпечатки.

Впервые в жизни меня прёт не от того, что я получаю удовольствие, а потому, что доставляю его Диане. Своей Дикарке. Своей девушке. Своей любимой девочке.

Несмотря на то, что я пиздос, как хочу, чтобы она сейчас сжала своими пальцами член и хотя бы просто подрочила

мне, гашу в себе это желание. Не всё сразу. Ночью я своё получил, оставив Ди без оргазма, так что всё честно.

Ещё несколько движений языка, и я медленно ползу вверх, оставляя поцелуи по всему её покрытому солёными капельками пота и до сих пор слабо дрожащему телу, пока не добираюсь до искусанных персиковых губ.

Она несмело открывает переполненные влагой синие глаза и почти плачет. Веду пальцами по её щеке и губам.

– Всё хорошо? Ты как?

– Очень хорошо, Егорчик! Мне так хорошо! – кричит, бросаясь вверх. Обнимает за шею, прилепляя своё тело к моему. – Та-ак хорошо! Ты охрененный! Мне понравилось. Это... Это... Волшебно. Незабываемо. Охуенно. Я думала, что взорвусь. Все мышцы будто натянулись, и я была уверена, что ещё немного и я просто умру, а потом... Потом... Словно тысячи салютов. Я обожаю тебя!

Моя очередь напрягаться. Пусть и понимаю, что сейчас она говорит всё это под воздействием эйфории, полученной от её первого оргазма, но это её "обожаю"... И дьявол с ним, что не "люблю".

Понимаю вдруг, что хочу её любви. Пиздос, блядь! Я хочу, чтобы Диана меня любила. И сам хочу признаться ей, но... Сейчас у меня была всего пара мгновений, когда я терял контроль, но быстро брал себя в руки. Но что будет дальше? Я понятия не имею, а значит, я всё ещё опасен для неё. Я же серьёзно говорил, что не хочу, чтобы она была со мной толь-

ко из-за любви, даже если я буду делать ей больно. Нельзя мне признаваться Ди. А ей нельзя влюбляться.

Чтобы не выдавать своих истинных мыслей и чувств, быстро перевожу нестабильное дыхание и падаю на бок, прижимая к себе голую Дианку. Глажу по вспотевшей спине, лопаткам, пояснице, ягодицам. Зарываюсь пальцами в волосы, разминая затылок так, как, уже понял, нравится Дикарке.

Она прячет лицо у меня на груди и начинает трястись. Натягиваю свободной рукой одеяло на нас обоих. Касаюсь губами влажных волос, а девушка что-то неразборчиво бормочет. Ухватив за плечо, отрываю её от себя, сам сдвигаясь назад. Смотрю на её пунцовое лицо и потупленный взгляд, сразу теряясь.

Неужели после всего она решила, что настало время для смущения?

– Ты чего, Ди? – хриплю, сжимая пальцами её подбородок.

Она косит глаза в сторону и бурчит тихо:

– Я так кричала. Что если твой папа и его невеста слышали? Я же от стыда умру.

А я начинаю ржать с её заявления, за что получаю от Дианки удар по рёбрам. Грудину разрывает новый приступ смеха. Она опять лупит кулаком. Ловлю её руки, дёргаю на себя и смотрю чётко в глаза, продолжая посмеиваться.

– А то, как мы ночью орали и выясняли отношения, тебя совсем не смущает?

– Бля... – брякает девушка недовольно, краснея ещё больше.

– Маты из лексикона. – предупреждаю, нахмурившись.

Нет, я, конечно, тащусь от неё, но эти её словечки сейчас вообще не вяжутся с образом невинной девочки. Знаю же, что в наше время матерятся все чуть не с яслей, но не хочу слышать этого от неё.

– Не лечи меня, Егор. – шипит Дикарка, упираясь ладонями в грудную клетку, пытаюсь отодвинуться, но я только крепче прибиваю её к себе.

Блядь, уже и забыл, какой она была при нашей первой встрече. Со мной она всегда другая. Нежная и мягкая, но это совсем не значит, что она изменилась. И я не имею права менять её. Ломать под свои предпочтения. Мне всегда нравились миниатюрные утончённые блондинки с большими сиськами и отсутствием стыда. Но я теперь с высокой брюнеткой с пацанскими замашками и дурным характером.

Придётся привыкать и прогибаться под неё хоть чуть-чуть, чтобы не потерять.

Убираю с её лица длинные чёрные волосы, лаская щёку, и шепчу, прижимаясь к персиковым сладким губам:

– Я постараюсь. Но, Ди, и ты попробуй. Хотя бы не при мне. Не хочу слышать, как ты материшься. Ладно?

Она несмело кивает и улыбается.

– А что ты хочешь слышать?

– Как ты стонешь от удовольствия. Как кричишь, кончая.

И кстати, – добиваю, растягивая рот в улыбке, – здесь хорошая шумка, так что можешь кричать сколько угодно. Никто не услышит.

Её лицо меняется с не улавливаемой резкостью, и она очень серьёзно заявляет, выбивая из моих лёгких весь воздух:

– Я тоже хочу услышать, как ты стонешь, когда кончаешь. – даже её уши приобретают розовый оттенок, а глаза сползают куда-то вниз. – Я тоже хочу сделать так, чтобы тебе было приятно. Можно? – глаза в глаза, а её рука тянется вниз, касаясь перекачанного кровью и похотью члена.

Шумно пробиваю вставший в горле ком и хриплю:

– Держи меня, Дикарка. – накрываю её руку и сжимаю пальцы на окаменевшем стволе.

Глава 17

На ступень выше

Её пальцы медленно скользят по всей длине ствола. Обводят круги вокруг перекачанной кровью головки. Даже ткань боксеров не спасает от жара её кожи. Ди смотрит исключительно в глаза. Но я уже несколько раз ловил её на том, как стягивает взгляд вниз, но быстро возвращает обратно, удерживая меня от падения.

Жадными урывками хватаю воздух через приоткрытые губы, слетая с катушек от её пусть неопытных, неумелых, но таких смелых действий.

Стоило бы сначала заставить её одеться, но вместо этого веду пальцами по её груди. Несколько раз задевая соски, заставляю свою Дикарку тихо постанывать от возбуждения и удовольствия.

Она сдавливает пальцы на стволе. Усиливая нажим, ведёт вверх. Ослабляя – вниз. Опять сжимает. Отпускает. Ногтями по животу вдоль резинки трусов. Поддевает одним пальцем. Глядя в глаза, ждёт разрешения. Когда я придвигаюсь ближе, целуя, ныряет под резинку, проведя пальчиком по головке. Добавляет второй, оглаживая самый кончик. Нащупывает узкое отверстие. Оставляя в покое её рот, поджимаю губы, прикусывая щеку. Легко царапнув ногтем, вырывает из

моей груди несдержанный стон.

– Сделала больно? – сипит Ди перепугано.

Сжимаю рукой её затылок и прижимаю лицо вплотную к своему.

– Продолжай. – выдыхаю ей в губы.

Сам не останавливаю голодных ласк её груди.

С каждой секундой девушка набирается всё больше смелости, запустив мне в трусы всю кисть. Исследует ствол, ведёт кончиками пальцев по выпирающим венам.

– Горячий. – хрипит мне в губы, констатируя очевидный факт. – И очень-очень твёрдый. – добавляет, стискивая ладонью эрекцию.

– Тебе обязательно комментировать? – рычу на неё, потому что от этого её озвучивания меня тянет то заржать, то, как и она, залиться краской от стыда.

– Я просто... я... Извини. – опускает виновато глаза.

Блядь, прекрасно же знаю, что для неё это впервые, а она, судя по всему, пиздос какая любопытная и говорит всё это потому, что её распирает от новых ощущений. Я сам хотел этого. Чтобы коснулась. Чтобы подрочила мне. Раз из вариантов у меня только её рука или моя собственная, то первый, конечно же, предпочтительнее.

Убираю волосы ей за ухо и выталкиваю:

– Хочешь увидеть?

Блядь, как с маленьким ребёнком: хочешь сходить в зоопарк и посмотреть на слоника?

При этой мысли закусываю губы, сдерживая улыбку, глядя на её абсолютно серьёзное лицо.

Она робко кивает, прихватывает зубами уголок нижней губы, а в глазах появляется блеск азарта.

Приподнимается на локте и медленно стягивает одеяло, пока оно не остаётся в районе коленей. Опять ведёт сквозь ткань. Встаёт на колени и сползает ниже.

– Снимай. – выбиваю сипом, приподнимая таз, чтобы она могла стащить с меня боксеры.

Вставляет по самое «небалуй» отсутствие стыда у этой девушки. Как же я тащусь от того, что она ведёт в этом моменте. Действует сама, не задавая глупых вопросов. Да, боится что-то сделать не так, но не сомневается.

Долго она, естественно, не раздумывает. Заливаясь краской до кончиков ушей, хватая дрожащими пальцами резинку и медленно скатывает вниз. С каждым сантиметром оголяющейся плоти её глаза расширяются всё больше.

Хотел бы я знать, какие мысли бродят в её голове. Ей нравится то, что она видит? Понимает ли вообще, что надо делать? Пугают ли её габариты моего агрегата? Даже некоторые опытные девахи шарахались от размера, но вот Ди, кажется, страх вообще не свойственен, потому что она смело накрывает ладонью шляпу и без нажима ведёт вниз до самого основания. А потом и вовсе спускает на мошонку, легонько сдавливая и вызывая у меня не только сдержанный стон,

но и непослушную дрожь в нервных окончаниях.

При этом звуке девушка вскидывает голову вверх, внимательно вглядываясь в мои глаза. Коротко киваю, давая понять, что всё в норме и она может продолжать своё изучение.

Подсовываю ладони под спину, скрывая трясучку в пальцах.

Не просто заводит, а с ноги сносит мне череп своими ласками. Каждая жила в теле натягивается от желания сказать ей, что бы уже наконец просто начала дрочить, но вместо этого подворачиваю губы и отдаю весь контроль процесса в её руки.

Дианка обводит подушечками пальцев каждую венку. Приподнимает увесистый член, будто взвешивает в руке. Гладит уздечку. Приоткрывает персиковые губы, облизнув их несколько раз. А я с трудом сдерживаюсь, чтобы не подняться и не толкнуть её голову вниз, вынудив обхватить эрекцию губами. Не думаю, что она была бы против. Хотя бы просто чтобы утолить любопытство. Но вот тогда я точно потеряю контроль, а этого допускать нельзя ни при каком раскладе. Да и, сука, это же её первый опыт.

Она опять гладит совсем легко. Ласкает головку и уздечку. Зависает пальцами на отверстии. Оттягивает вниз верхнюю кожу и опускает голову ниже, внимательно рассматривая.

Блядь, и тащусь от неё, и убивает это её внимательное изучение. Не удивлюсь, если она сейчас достанет скальпель и

решит меня вскрыть, чтобы понять, что и как работает.

Поверхностные ласки меня вообще с ума сводят. Но даже их хватает для того, чтобы кончить прямо сейчас, но, упрямо кусая губы, отключаюсь от происходящего, чтобы не излиться раньше времени.

– Он такой гладкий. – сипит себе под нос, оглаживая ствол, а потом смотрит мне в лицо. – Тебе приятно то, что я делаю?

– Блядь, Дикарка. – выбиваю сквозь стянутые до скрипа челюсти, но при этом умудряюсь улыбнуться. Кажется, незря я столько лет избегал связи с целками. – Как же меня от тебя прёт. Ты вообще понимаешь, что надо делать?

Закусив губу, кивает. Сжимает пальцы на эрекции, с давлением проведя вниз, а потом вверх. Именно так, как я делал её рукой в самом начале.

Быстро учится моя Дикарка.

Она ускоряет ритм, слегка ослабляя хватку. Дыхалка срыгается. Раздробленные выдохи и охрипшие стоны заполняют спальню. Из-под полуопущенных ресниц наблюдаю за Дианой, которая пристально следит за своими действиями, ускоряясь ещё немного. Сама дышит на разрыв, постоянно облизывая пересохшие губы. Она возбуждена не меньше моего. От собственных действий заводится, а меня крепче по шарам бьёт.

Она то и дело то ослабляет, то усиливает давление пальцев. То сбавляет, то наращивает темп. Постоянно переводит

взгляд на моё лицо. А до меня вдруг доходит, что она пытается уловить моё состояние. Понять, как на меня действуют те или иные движения. И дело даже не в том, что она боится, будто я могу потерять контроль, а в том, что она действительно старается доставить мне удовольствие и понять, на какие движения и как я реагирую.

– Всё, сука, нравится. – выжимаю хрипом, стараясь её успокоить, но мой голос больше похож на скрежет ногтя по стеклу.

Она вздрагивает при этих словах. Улыбается. Крепче сдавливая и продолжает дробить.

Когда чувствую продвижение спермы по семенному каналу, сжимаю зубы, понимая, что должен остановить Дикарку, но вот только и она будто то же самое ощущает, стискивая пальцы крепче.

Обжигая изнутри грудную клетку рычанием, выстреливаю бешеным напором семени, заливая её руку и свой живот. Глаза закатываются от кайфа, и я едва умудряюсь дышать оттого, что внутри всё сжимается.

Ди убирает кисть, но я, приподнявшись, перехватываю её запястье и опускаю обратно на член.

– Я думала, ты всё. – сипит Дианка, багровея от стыда.

Подтягиваясь ещё выше, упираюсь трясущейся рукой в кровать позади себя и обнимаю её, прижимая к себе голое и, да, тоже дрожащее тело своей Дикарки. Глажу ладонью влажную от пота спину и шиплю ей в ухо:

– Выжми меня до последней капли.

Подчиняясь, сдавливают член, выбивая из него остатки спермы, но следить за этими действиями я ей не позволяю. Толкаясь вперёд, ловлю сладкие губы. Пока целуемся, она ведёт пальчиками по головке, размазывая семенную жидкость, и тихо стонет мне в рот.

Протолкнув руку между нами, нащупываю её клитор, одновременно загоняя в неё пальцы и стимулируя точку G. В этот раз Ди кончает всего через пару минут напористых ласк. Вскрикивая, падает головой мне на плечо, царапая зубами кожу.

– Блядь, как же мне хорошо с тобой. – признаюсь неожиданно, и сам понимаю, что это правда. Ни с одной другой никогда не было так пиздато, как с моей невинной Дикаркой. Даже полноценный трах не доставлял такого кайфа, как её рука. – Ты нереальная, Диана. Моя нежная, смелая девочка.

Понимаю, что реально тащусь от того, каким становлюсь рядом с ней. Пока она мне дрочила, кроме того мгновения, когда я подумал, чтобы вынудить её взять в рот, больше никаких грязных мыслей не было. Я даже не думал о том, чтобы забить на всё и трахнуть её.

Прибиваю Ди сильнее к себе, не переставая водить ладонями по её спине, перебирать позвонки, расчёсывать пальцами длинные спутанные волосы. И она тоже обнимает и гладит с такой осторожностью, будто может этими действиями с меня кожу содрать.

– Смелее, Дикарка. – толкаю со смешком.

Она отстраняется на достаточное расстояние, чтобы видеть мои глаза, но из объятий не вырывается. Кладёт одну ладонь мне на щёку. Убирает со лба непослушную чёлку. Ведёт пальцами по губам. Смотрит прямо в душу, выжигая в плотной тьме место для тонкого, робкого, неуверенного лучика света. Первого лучика, но убеждён, что не последнего. С ней я обязательно смогу справиться со своей тёмной сущностью.

Блядь, как же хочется сказать "я люблю тебя", глядя в синеву её глаз. Всего три слова, но таких важных. Не только для меня, но и, уверен, для Дианы тоже.

Только открываю рот, но тут же с силой сжимаю челюсти. Ещё слишком рано.

Не выдавая себя, мягко высвобождаюсь из её хватки. Встаю с кровати и достаю из комода пачку влажных салфеток. Вытащив несколько штук, отдаю остальные Ди. Пока стирает с руки мою сперму, убираю её со своего живота и паха. Подставляю мусорное ведро, указав глазами, чтобы выбрасывала в него. Натягиваю боксеры и штаны. Подаю Диане рубашку. Она так же молча одевается, но не перестаёт следить за мной. Нахмурившись, стягивает брови к переносице, а на лбу пролегает глубокая складка.

– Егор, что случилось? – выбивает, подходя ко мне. Продолжая делать вид, что её здесь нет, открываю окно и закуриваю. Как только первая доза дыма доставляет в лёгкие ни-

котин, выкидываю руку за спину, туда, где замерла девушка. Без промедления шагает ко мне и обнимает за поясницу. – Я что-то сделала не так? – шелестит с беспокойством, заглядывая мне в лицо.

Выпускаю дым и тут же делаю новую затяжку, сильнее сдавливая её плечи.

– Ты всё сделала правильно, Диана. Это всё мои заскоки. Не парься. – она напрягается сильнее. Мышцы под моей ладонью деревенеют, и я понимаю, что этого объяснения недостаточно. Правду я сказать, конечно, не могу, но это не значит, что нет другого способа её успокоить. Опускаю голову вниз и коротко прикасаюсь к губам. – Правда, Ди, всё хорошо. Просто голая Дикарка в моей постели – то ещё искушение. Извини, что заставляю переживать. Если ты хочешь быть со мной, то тебе придётся научиться принимать это. Сможешь?

– Постараюсь. – неуверенный кивок, а потом снова зрительный контакт инициирует. Принимаю. Смотрю чётко и ровно. – Точно, порядок?

– Точно, Ди.

Звонит мобила. Кошу глаза на тумбочку по ту сторону от кровати. Взгляд на часы. Ещё даже девяти утра нет. Какой идиот звонит в субботу с утра пораньше?

– Я подам. – вскидывается девушка, переползая через постель. Срываю взгляд с её голой задницы и перекидываю его на проезжающую по дороге машину. Долго я с таким иску-

шением точно бороться не смогу. – Блин. – бурчит испуганно. Поворачиваюсь к ней. Глаза как два блюдца. – Никита.

– Давай, поговорю. – тяну к ней руку, но Дианка статуей на месте замерла.

– А если он знает, что я здесь, Егор? Он же пришибёт тебя без суда и следствия.

Тяжело перевожу дыхание и отбиваю:

– Если бы он об этом знал, то сейчас бы не на телефон звонил, а ломился в дверь вместе с Максом. Не бойся, Ди. Давай мобилу.

Она несмело перекачивается обратно и вкладывает мне в ладонь гаджет.

Сглатываю начинающий стягиваться в горле ком и забываюсь кислородом. Прижимая к себе девушку, отвечаю на звонок. Зажав трубу между плечом и ухом, обнимаю двумя руками и оставляю короткий поцелуй на губах.

Самого, сука, догадки грызут, какого хера он звонит так рано.

– Здоров, Никитос. – выбиваю лениво, типа ещё сплю. – Ты чего в такое время? Если тебе не спится, то это не значит, что и мне тоже.

– Хайки, Егорыч. Соррян, что так рано, но у меня к тебе серьёзный разговор.

Дианка вытягивается, как гитарная струна. У самого все жилы на пределе, но ни другу, ни Ди не показываю этого. Даже если он узнает о нас, хрен я от неё откажусь.

– Серьёзный разговор в субботнее утро? Ты ещё не протрезвел, что ли? – толкаю со смешком.

– Кажись, это ты, Гора, ещё не протрезвел. Что вчера было?

– Не бойся, Ди. – шепчу, убрав трубу подальше. Крепче сжимаю девушку рукой. А другу говорю. – Что именно? Если ты о том ебучем суслике, которого я отхерачил, то можешь спросить у сестры за что.

Прикидываюсь идиотом. Но пока не буду уверен, как много он знает, рисковать не стану.

– Этот суслик ещё слабо отхватил. Мы с Максом потом с ним ещё поболтаем. – зная близнецов, под "поболтаем" он имеет ввиду "отхуярим". Незаметно перевожу раздробленное дыхание, пока жду продолжения. Намеренно ничего не говорю, вынуждая его самого выдать причину, и Ник не заставляет себя долго ждать. – Я не об этом. Сначала Андрюха твой адрес затребовал. Следом Даня. Оба как с цепи сорвались. Что творится?

Пока слушаю его, целую свою Дикарку, чтобы полностью расслабилась. Как только понимаю, что он замолчал и ждёт ответа, отрываюсь от её губ и улыбаюсь Ди.

– Может, у них и спросишь?

– Спрашивал. У Андрюхи. Вот только он приехал с разбитыми кулаками и злой как собака, а Даня так и не вернулась. Предки уже с ума сходят. Мобила у неё вне сети. Андрюха сказал только, что она не ребёнок, и чтобы мы не лезли.

– А я тут причём?

Кашляю, подавившись воздухом, когда Дикарка скользит губами по нижней части подбородка, а потом прикусывает.

– А вот ты мне и скажи, Гора. Андрюха с разбитыми руками. Дани нет. А до этого они оба рванули к тебе. Есть объяснение? – рычит угрожающе.

Дианка замирает и беззвучно просит не говорить правду, которую я уже реально собирался выложить. Рано или поздно близнецы всё равно узнают о том, что мы с их сестрой вместе, но синеокая явно против.

Понимаю же, что лучше признаться сразу, чтобы потом хуже не было, но подчиняюсь своей девушке.

Закуриваю новую сигарету. Затягиваюсь и отбиваю стабильно:

– Брат ваш приезжал. Рассказал о том, что этот уродец собирался на меня заяву накатать. Узнал мою версию произошедшего. Поболтали с ним немного, и он свалил.

– Значит, ты с ним не дрался?

– Мне с ним делить нечего. – отсекаю со смешком, чтобы не выдавать себя и Дикарку.

– Блядь, а с кем тогда у него кипиш был? И где Данька?

– Если бы я знал, то сказал бы. Ты не думаешь, что если Андрюха сказал, чтобы вы к ней не лезли, то он в курсе? Может, у неё парень появился, и она сейчас у него?

Подмигиваю девушке, улыбаясь, и она растягивает губы в ответ, прижимаясь по всем критическим точкам. Вдыхаю

запах её волос, перебирая их кончиками пальцев.

– Да какой, на хрен, парень, Егор? – шипит Никитос напряжённо. – Не может же она его ото всех прятать. И вообще, на кой хер ей нужен был твой адрес?

– Без понятия, Никита. Блядь, Ди, харе. – хриплю, когда она ведёт языком по горлу, опять поднимая член из состояния временного покоя.

Резко замираем, задерживая дыхание, потому что рявкнул я это прямо в микрофон. Синие глаза округляются от страха. Оборачиваю руку вокруг тонкой талии и ташу к себе. Прижимаюсь губами к виску, надеюсь, что Никитос не допёр, но не тут-то было.

– Ди? Ты там не один, что ли?

– Прикинь. Я вообще редко провожу ночи один.

Отличная, блядь, идея ляпнуть это при Диане, но лучше мне в голову ничего не пришло. И пусть она и без того знает об этом, но сейчас всё равно выдирается из моих рук и отлетает в другой край комнаты, прожигая взглядом у меня во лбу дыру.

– Кто такая Ди? – выбивает друг с подозрением.

Блядь, не сложно сложить два плюс два и понять, что Ди – его не ночующая дома сестра, которая вчера уехала ко мне. Сука, так и хочется сказать как есть, но вместо этого отрезаю:

– Дина. Помнишь её? – подбиваю, пробегаясь глазами по осенней улице.

Затылком ощущаю ярость Дикарки, но не рискую сейчас

на неё смотреть. Если бы она заявила такое при мне, то я бы голыми руками ей шею свернул от ревности и похеру, что Дину я только что придумал. Потому что это единственное имя, начинающееся на "ди". Ну, кроме Димы, но это явно не мой вариант.

– Я всех твоих девиц помнить должен? Егор, ты точно ни хрена не знаешь?

Забиваюсь кислородом и шумно выдыхаю.

– Извини, дружище. Но как Данька появится, вы сильно на неё не наезжайте.

– Какого хера ты учишь меня, как вести себя с сестрой?

Скрежещу зубами, сжимая кулаки. Мобила хрустит. Выдыхаю. Веки падают вниз.

Я должен прикрыть Дикарку, но понимаю, что лезть в их семью плохая идея. Очередная, блядь. По-моему, рядом с ней у меня мозги отшибает напрочь.

– Кое-что понимаю, Никитос. Если вы сейчас будете наезжать на неё, то она ещё больше закроется. Она единственная девчонка среди пацанов. Думаешь, ей просто с вами? Переборщите, и она пошлёт вас всех на хрен, и тогда точно ни черта не расскажет.

Друг глухо выдыхает.

– Может, ты и прав. Ладно, попробую. Если что-то узнаешь, маякнёшь?

Сука, нутро в кучу кровавых ошмётков скручивается от надежды, которая звучит в его голосе, а я опять вру.

– Ноу проблем.

Попрощавшись с другом, кладу телефон на подоконник, шумно вздыхаю и только после этого оборачиваюсь к злощей Дианке. Замираем друг напротив друга у противоположных стен. Она жмёт кулаки и, блядь, скалит зубы, как настоящая Дикарка из джунглей.

– Кто такая Дина? – шипит девушка.

– Понятия не имею.

Она подозрительно косится на меня, теряясь на секунды, а потом опять рычит:

– Дуру из меня не делай, Егор.

Пальцы сами в кулаки сворачиваются. Внутри начинает закипать котёл со злостью.

Какого хера она сейчас устраивает мне сцену ревности, если и так, блядь, знала достаточно? Секрета я из своих походов не делал. И вообще, что за дичь? Со мной она, а не какая-то там вымышленная Дина. Первый раз я позволяю девушке спать в моей постели, а не выставляю за дверь, как только получу желаемое.

– Перестань херню нести, Диана! – рявкаю, делая несколько шагов к девушке. – Ты, блядь, прекрасно знала, какой я, но всё равно осталась. Я тебя не держал.

Она закусывает губу, пока та не белеет, отпускает и кричит:

– Вот и не держи! Отлично, Егор! Гениально, блядь!

Скрип собственных зубов перекрывает её крик. Добавляю

в котёл это её "блядь", и злость начинает перетекать через край.

Срываюсь к ней и прижимаю к стене. Она упирается ладонями в грудную клетку, пытаюсь оттолкнуть, но когда нирена не выходит, вгоняет ногти в кожу.

С животным рёвом хватаю за запястья. Дёргаю руки в стороны и опускаю вниз, придавливая к стене.

– Знаешь, Ди, что происходит с теми, кто устраивает мне сцены ревности? – шиплю, не разжимая зубов. Она только гордо вскидывает голову, поджимая губы. – Они исчезают из моей жизни. Я терпеть не могу истеричек.

– Вот и не терпи! – отбивает воплем. – Я поступлю так же, как и все, кто посмел ревновать ваше высочество! Исчезну на хрен!

Дёргается всем телом, вырываясь, но я не отпускаю. Сильнее сдавливаю тонкие запястья, пока кости под моими пальцами не начинают хрустеть, а Ди не вскрикивает от боли. Сосредоточиваю размазанный взгляд на её лице и вижу переполняющие глаза слёзы.

Вгрызаюсь зубами в язык и ослабляю хватку. Лучше делать больно себе, чем ей. Упираюсь своим лбом в её и просто, сука, дышу в попытке вернуть себе утраченный пару минут назад контроль. Диана перестаёт дёргаться, замирает и притихает. Только её сорвавшееся дыхание выдаёт истинное состояние.

– Блядь, Дикарка, никуда ты не исчезнешь. Знаешь же,

что не отпущу. – выдыхаю еле слышно.

– И как же ты это сделаешь? – отсекает, наращивая горор. – Силой держать будешь?

– Диана, – хриплю, опять закрывая глаза, – успокойся сейчас. Я, сука, на грани, чтобы не сжать твоё горло. И это не просто слова. Меня разрывает от желания сделать тебе больно и попытками удержать себя в руках. Я зол. Очень. Если ты сейчас не прекратишь вести себя как ревнивая идиотка, то лучше реально уходи. Прямо сейчас. Навсегда.

Расслабив хватку, отпускаю её, давая самой сделать выбор.

Я реально еле сдерживаюсь, чтобы не сорваться на ней.

Отворачиваюсь, но она ловит мои пальцы. Застываю, зазмурившись, но к ней не оборачиваюсь.

– Кто такая Дина, Егор?

Блядь, до чего упрямая девчонка. Я говорю, что терпеть не могу ревнивых девах, угрожаю ей, вынуждаю уйти, а она не сдаётся.

Губы сами в улыбке растягиваются, когда выдаю оборот на сто восемьдесят и прибиваю к себе Диану.

– Не знаю. Я придумал её. Первое, что пришло в голову. Или лучше было сказать Никитосу правду?

Блядь, эта Демоница довела меня до того, что я перед ней оправдываюсь. В жизни ни перед кем, кроме отца, не отсчитывался. И то это было давно.

А ещё я понимаю, что меня опять отпустило. Полностью.

Злость угасла так же быстро и внезапно, как и появилась.

– Диана, – выдыхаю сипло. Сжимаю пальцами её подбородок, заставляя смотреть в глаза, – я сразу тебе сказал, что нихрена не святой. Что делал дочерта дерьма в жизни. Что трахал многих. Я рассказал тебе то, в чём никогда никому не признавался. Вывалил перед тобой всё своё грязное бельё. Ты единственный человек во всём грёбаном мире, который знает правду о том, какой я на самом деле. Ночью я дал тебе слово, что теперь есть только ты и я, и никого больше. Моё прошлое никуда не исчезнет. Если ты не сможешь с этим смириться, то уходи и никогда не возвращайся. От этого не сбежать. Готова принять меня таким, какой я есть? Со всем дерьмом, косяками, тараканами, демонами, блядством? Примешь? Сможешь это сделать? Если нет, то между нами всё будет кончено прямо сейчас. Потому что я не могу изменить то, что уже сделано. Но я готов меняться ради тебя. Ради нас, Дикарка. Но я не смогу сделать это за двоих. Ну, Ди, что ты сделаешь? Что выберешь? – говорю всё это на одном дыхании, глядя чётко в синюю глубину её глаз.

Захлёбываюсь словами и воздухом. Рвано дышу в попытке восстановить корректную работу лёгких. Сердечная мышца долбит до треска рёбер.

Только когда произнёс всё это вслух, понял, что так оно и есть. Я сам не заметил, когда выдал Диане большую часть своих тёмных секретов. Я реально, блядь, выворачиваю перед ней душу, даже не давая себе отчёта. И я, вашу мать, по-

нятия не имею, что буду делать, если она сейчас решит уйти. Я не просто привязался к Дианке. Я не просто полюбил её. Она стала тем самым лучиком света в беспросветной тьме моей души.

В какой-то момент замечаю сомнение, но она быстро перекрывает его и шелестит:

– Извини, Егор. Просто я... Оно само. Как услышала, что ты никогда не проводишь ночи один... А потом ещё и эта Дина... И я... Блин, да! – подрывает подбородок вверх, явно не намереваясь так просто сдаваться, но я вдруг понимаю, что даже это в ней мне нравится. То, что так бесило в других. – Ревную! Нихрена с этим сделать не могу! – кричит, обжигая дыханием и словами нижнюю часть лица. – И что дальше? Что теперь? – добивает уже еле слышно.

Перевожу ладони на затылок, большими пальцами подбивая вверх подбородок, и прижимаюсь к её губам.

– Теперь поехали в кафеху. Поедим. И надо решить, как отмазывать тебя перед семейством, чтобы не сильно влетело.

Да, тупо перекрываю тему, потому что не хочу тратить время на ссоры. Всё уже решено и отступать некуда. Головой понимаю, что это далеко не последняя из них, потому что характеры у нас обоих, мягко сказать, не сахар. Мы с ней как два барана, которые упёрлись, не желая уступить, но, кажется, я готов прогибаться в некоторых моментах, потому что иначе у нас нихрена не получится.

– Мне надо умыться и привести в порядок волосы. – про-

чёсывает пальцами спутанные пряди, кривясь. – И моя одежда не помешает.

Растягивается в улыбке, и я отвечаю тем же, качая головой.

Притаскиваю Ди шмотки и паркую задницу на край кровати, наблюдая, как она, отвернувшись, натягивает трусы.

Сука, у неё просто шикардосная задница.

Несмотря на недавнюю разрядку и то, что на Дианке уже куда больше одежды, чем было пять минут назад, член принимает боевую стойку.

Облизнув губы, приказываю себе оставаться на месте.

– Отвернись. – бурчит девушка, повернув голову.

– Серьёзно, Ди? После всего, что я с тобой делал, запрещаешь смотреть? – высекаю со смехом и поднимаюсь на ноги. Подойдя вплотную к ней, обнимаю одной рукой за талию, а пальцами второй провожу по краю белья у неё между ног. С тихим стоном она откидывается назад, прикладываясь спиной ко мне. – И даже после того, что делала ты? – вбиваю ей в ухо вместе с жарким дыханием.

– Просто мне неловко, когда ты так внимательно смотришь. Одно дело лежать в кровати, а совсем другое, что ты пялишься на то, как я натягиваю трусы. – толкает с улыбкой.

– Я собираюсь не просто пялиться. – сиплю, нащупывая пальцами пуговицу на рубашке.

Когда последняя из них выскакивает из петли, веду ладонями от её живота до груди. Несильно сжимаю, дразня боль-

шими пальцами мгновенно затвердевшие соски, а Дикарка тихо постанывает.

Блядь, да что за хреновина? Я что, к ней не могу просто прикоснуться, ни разу не подумав о том, чтобы опять затащить её в постель и довести до оргазма?

– Убиваешь, Дикарка. – шепчу, прикусив верхний край уха, и отступаю назад.

– Это ты меня убиваешь, Егор. – шипит Ди, скидывая рубашку и хватая лифон. – Заводишь, а потом в кусты.

Подвисаю, натягивая джинсы. Смотрю на её серьёзное лицо и блестящие от возбуждения глаза и начинаю смеяться.

– Смешно тебе? – скалит зубы Дианка, пряча задницу в кожаных штанах.

Быстро расправляюсь со своей одеждой и обнимаю девушку, прижимаясь губами к щеке. Ловлю её руку и опускаю на перекачанный кровью член.

– Не особо-то и смешно. Меня одно твоё присутствие возбуждает. Обещаю, что буду стараться держать себя в руках.

Надежда проскочить незамеченными отцом и его шлюшкой не оправдывает себя. Сталкиваемся с обоими у подножия лестницы.

Остановившись, сильнее сжимаю пальцы Ди, стягивая челюсти.

Ничем хорошим это явно не закончится.

Бросаю быстрый взгляд на свою Дикарку и замечаю, что

она выглядит растерянной и даже слегка перепуганной, но справляется со своими эмоциями куда быстрее меня. Улыбается и говорит:

– Доброе утро. Я Диана.

– Ты совсем обнаглел, Егор, – шипит отец, напрочь проигнорировав Ди, – этих своих уже и в мой дом таскаешь?

Девушка сильнее сдавливая мою руку. Второй обнимаю её, прижимая к себе.

– Извини. – шепчу тихо ей в ухо. Переведя взгляд на папашу, рычу сквозь зубы. – Не начинай только. Мы уже уходим. Больше я в твой, – делаю нажим на слове "твой", – дом не вернусь.

– Давай, показывай характер. – шипит он, делая попытку подавить меня тоном и авторитетом, но эта херень давно перестала на меня действовать. – Как только приспичит, сразу прибежишь.

Ничего не ответив на его выпад, сгребая Ди за талию и молча иду на выход.

Изначально не стоило оставлять её на ночь в этом доме. Надо было просто сесть в тачку и поехать на квартиру, и похеру, что ванна не функционирует пока нормально. Как-нибудь пережили бы одну ночь. Или на крайняк, стоило снять номер в гостинице. Даже тупо переночевать в Бэхе было бы куда лучше, чем втягивать её в дерьмо, которое зовётся "семья Северовых".

Уже возле двери отец хватает меня за руку.

– Подожди на улице. – прошу Диану полушёпотом, подталкивая к выходу. Она молча кивает и на мгновение сильнее сдавливая руку. Поддерживает. Как только дверь за её спиной захлопывается, поворачиваюсь к отцу. – Есть что ещё сказать?

– Я могу много чего сказать, сынок. Во-первых: никогда не таскай в мой дом своих шлюх.

Растянув губы в ироничной усмешке, отбиваю его слова:

– Ты же таскаешь.

Короткий взгляд на Ирку, которая опять шарахается в халате, который даже задницу не прячет. Красивое ангельское личико покрывается красными пятнами, а губы превращаются в тонкую полоску. Такая милая, невинная девочка снаружи, а внутри прогнила насквозь.

Как и я.

Снова мерзко становится от того, что я вчера почти сделал. Я бы мог оправдывать себя тем, что был пьян, зол, расстроен, но это ничего не изменит. Я собирался выебать её. Факт остаётся фактом. Дикарка уже не в первый раз звонит в самый подходящий момент, чтобы не дать мне пробить дно. И тут до меня доходит.

Давно уже она меня держит. Не даёт творить глупости и срываться, чтобы я окончательно не превратился в чудовище. Вот только она даже понятия не имеет, как много для меня уже сделала.

– Следи за языком. – рявкает отец, не повышая голоса.

– Артёма ты уже потерял. – тяжело сглатываю, когда картинки той ужасной ночи всплывают перед глазами из подсознания. – Продолжай в том же духе и потеряешь второго сына. – вырвав руку из его хватки, без оглядки иду на выход. Взявшись за ручку двери, всё же оборачиваюсь и добиваю. – И Диана – моя девушка, так что привыкай, папа. – выплёвываю ядом и выхожу на улицу.

Прикрыв глаза, замираю на крыльце, восстанавливая сбившееся дыхание.

Сука, как же сильно мне не хватает брата.

Ди молча обнимает, и я оборачиваю руки вокруг её плеч, прибивая крепче к себе. Выказываю свою нужду в ней именно в данный момент, но не выходит сейчас иначе.

– Всё нормально? – шелестит, обдавая тяжёлым горячим дыханием мои губы.

– Да, Дикарка, всё нормально. – открываю глаза и ловлю её взволнованный взгляд. – Извини за это. У нас с отцом очень напряжённые отношения. Надеялся, что тебе не придётся это увидеть, но не вышло. Прости.

– Ничего страшного. – отсекает, потрянув головой, отчего чёрные волосы щекочут мою шею. – Всё хорошо. Ты не один, Егор. Я с тобой. Я всегда буду с тобой.

Глава 18

Его поцелуи вкуснее всего

– У тебя губы в шоколаде.

Улыбаясь, Егор отпивает кофе, внимательно глядя на предмет нашего разговора, который от его взгляда начинает пылать огнём.

– Где? – выталкиваю, поднимая салфетку и пытаюсь наощупь найти, где именно запачкалась.

Парень придвигается ближе, наклоняясь торсом так, что наши лица находятся друг напротив друга всего в сантиметре. Он высовывает язык и ведёт им по уголкам губ с одной стороны, а по моему телу тут же начинают скакать мурашки.

– Вот здесь. А ещё тут. – обводит контур верхней губы. – И здесь тоже. – облизывает нижнюю.

Прихватываю его язык зубами, когда толкается мне в рот и, быстро лизнув своим, отстраняюсь немного назад, потому что как только Егор ко мне прикасается, мои мозги начинают плавиться, и я сразу же забываю, где мы находимся.

– Там не было шоколада? – шиплю с наигранной злостью.

– Подловила, Дикарка. Нужен был повод тебя поцеловать. – рассекает с хулиганской ухмылкой.

– И с каких пор тебе нужен для этого повод?

Сама тянусь к нему, закинув руки на шею.

– Иначе буду выглядеть как наркоман, которому срочно нужна доза.

– Тогда, Егорчик, я буду наркоманкой. Станешь мой дилером? – шепчу ему в рот, задевая губы.

– И какая доза тебе нужна?

– Смертельная.

Уничтожив оставшееся расстояние, позволяю ему сводить меня с ума своими губами и языком. Он прикусывает, лижет, посасывает губы. Прорывается в ротовую полость, поддевая мой язык. Ногтями легко царапаю его плечи, пробравшись под ткань толстовки, в то время как его руки, оказавшись под тканью моей кофты, то мнут, то гладят мою спину. Пальцы перебирают выпирающие косточки позвонков. Откидываю голову назад, когда Северов, перестав терзать мой рот, спускается ниже. Оставляет поцелуи на горле, а потом возвращается назад, опять атакуя мой рот.

Весь мир растворяется в этом контакте. Все окружающие звуки глохнут, а силуэты и пространство медленно блекнут, пока полностью не исчезают, оставив нас одних.

– Молодые люди, нельзя ли быть поскромнее? – недовольно бурчит какая-то женщина, вырывая меня из плена эйфории.

– Упс. – сипит Гора.

Утыкаемся лоб в лоб, поверхностно ухватывая кислород, уровень которого каждый раз, когда мы целуемся, падает до

критической отметки.

Не знаю почему, но мне вдруг становится смешно, и я еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Поднимаю отяжелевшие веки и тут же прыскаю со смеху, потому что Егор дует щёки, как воздушные шарики, а его грудная клетка подрагивает от сдерживаемого смеха. И тут меня прорывает. Я начинаю хохотать так, будто увидела самую смешную вещь в своей жизни.

Как только удаётся немного успокоиться, Егор тут же вызывает новый приступ смеха, вываливая язык и закатывая глаза. В следующую попытку перестать ржать он забавно передразнивает женщину, которая сделала нам замечание. Угораем как умалишённые, но нам настолько пофигу на косые взгляды и новые замечания. Я просто нереально счастлива сейчас. Мне так хорошо с ним, что невозможно передать словами. Каждая секунда его близости поднимает меня всё выше и выше.

– Всё, Егор, харе хулиганить. – выбиваю сквозь смех, стирая пальцами слёзы, которые уже скатываются по щекам.

– Вот такой я у тебя хулиган, Дикарка. – отсекает, корча очередную гримасу.

В итоге мне приходится отвернуться от него, чтобы не умереть от смеха. Лёгкие, рёбра, вся грудная клетка уже болят. Парень оборачивает руки вокруг моей талии и притягивает ближе. Опускаю голову ему на плечо и заглядываю в гипнотическую бирюзу.

– Дикарка и Хулиган. Отличная из нас пара. – признаю, улыбаясь.

– Согласен, Ди. – заявляет, мгновенно став серьёзным.

Что-то в его взгляде и тоне будоражит, задевает невидимые струны души, которые отзываются в теле тонкими вибрациями. Вызывает желание сказать то, что он не готов принять сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.